

ОГОНЁК

№ 40 СЕНТЯБРЬ 1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В. Крупин. НЕ УСТАВАЙТЕ!

Рассказ Бориса Зубавина — ПРОЕЗДОМ

СОЛНЕЧНЫЙ ШТИЛЬ БЛИЗОК

ЗАЯВЛЕНИЕ НА ПАПУ

МОЖНО ЛИ БЫЛО СПАСТИ БАГРАТИОНА?

ЖУРНАЛЫ В АВГУСТЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

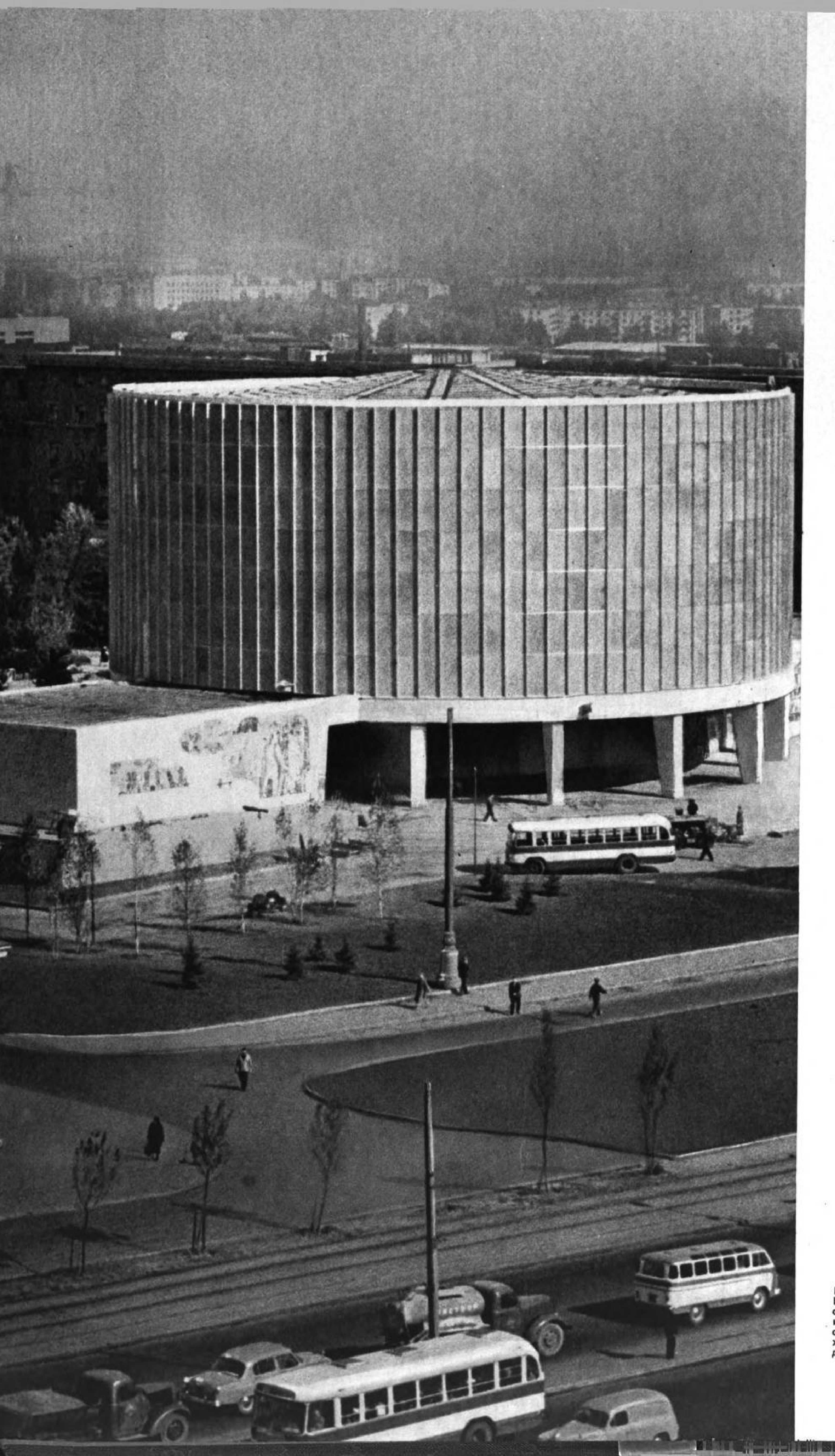
ОГОНЁК

№ 40 (1841)

30 СЕНТЯБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В этом новом здании на Кутузовском проспекте в Москве, построенном рядом с известной «Кутузовской избой», экспонируется реставрированная панорама художника Ф. Рубо «Бородино».

Фото Г. МАКАРОВА.

Товарищ Н. С. Хрущев беседует с летчиком-испытателем дважды Героем Советского Союза В. К. Коккинаки.

Фото А. УСТИНОВА.

Новый пассажирский самолет «ИЛ-62».

Вертолет «В-8»

24 СЕНТЯБРЯ РУКОВОДИТЕЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА товарищи Г. И. Воронов, Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, О. В. Куусинен, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Л. Ф. Ильичев, Б. Н. Пономарев, а также заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. Ф. Устинов ознакомились с новым многоместным пассажирским самолетом «ИЛ-62», созданным коллективом конструкторского бюро, которым руководит дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии С. В. Ильюшин, и с новыми вертолетами, созданными конструкторским бюро, которым руководит лауреат Ленинской премии М. Л. Миль.

ЮГОСЛАВИЯ ГОВОРИТ: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!»

С большой теплотой встретила Федеративная Народная Республика Югославия Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, прибывшего по приглашению президента ФНРЮ И. Б. Тито с официальным ответным визитом.

Выступая с речью в Белграде, товарищ Брежнев сказал: «В переживаемый нами ответственный исторический период, когда могучее содружество социалистических государств в союзе с миролюбивыми силами во всем мире ведет упорную, настойчивую борьбу за предотвращение угрозы ядерной войны, за прочный мир на земле, за свободу и независимость всех народов, сотрудничество между Советским Союзом и Югославией имеет существенное значение, ибо дружба между народами призвана служить великим целям борьбы за мир и социализм».

Горячий, сердечный прием, оказанный советскому гостю на югославской земле,— убедительное свидетельство того, что народы Югославии стремятся к укреплению и развитию дружбы с Советским Союзом.

Отъезд Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в Югославию. На снимке: проводы на Внуковском аэродроме.

Фото А. УСТИНОВА.

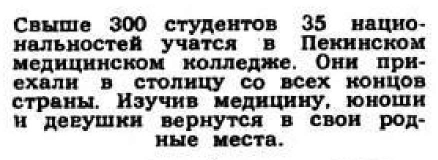
Л. И. Брежнев и Иосип Броз Тито отвечают на приветствия жителей Белграда.

Фото специального корреспондента ТАСС В. САВОСТЬЯНОВА. (Снимок принят по фототелеграфу).

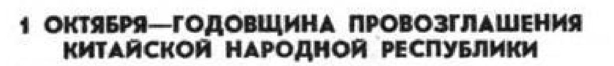
ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГРУЗИИ, кандидату в члены Президиума ЦК КПСС Василию Павловичу Мжаванадзе в связи с шестидесятилетием со дня рождения и за большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Свыше 300 студентов 35 национальностей учатся в Пекинском медицинском колледже. Они приехали в столицу со всех концов страны. Изучив медицину, юноши и девушки вернутся в свои родные места.

Фото Синьхуа—ТАСС.

1 ОКТЯБРЯ—ГОДОВЩИНА ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

НАКАНУНЕ НАРОДНОГО ПРАЗДНИКА

— И ма лянге! Гривенник пара! — поет девушка в синем халате.

— И ма лянге! — откликается ее подруга с противоположного тротуара.

Обе продают бингур — ледышки из сладкой воды на палочках, напоминающие по виду эскимо. Бингур в Пекине — популярное, обычное мороженое, в жару оно утоляет жажду. Сейчас жара отступила. Но продавщицы бингура и не подумывают об отступлении. Призывное «И ма лянге!» еще останавливает многих прохожих, заставляет их нащупывать в кармане гривенник. Впрочем, гораздо чаще останавливаются люди у лотков, заваленных розовато-синим виноградом. В этом году в окрестностях Пекина отличный урожай фруктов и овощей. Горы круглых, аккуратных сиреневых баклажанов выросли буквально на каждом углу. Их деловито развозят велосипедные коляски и грузовики.

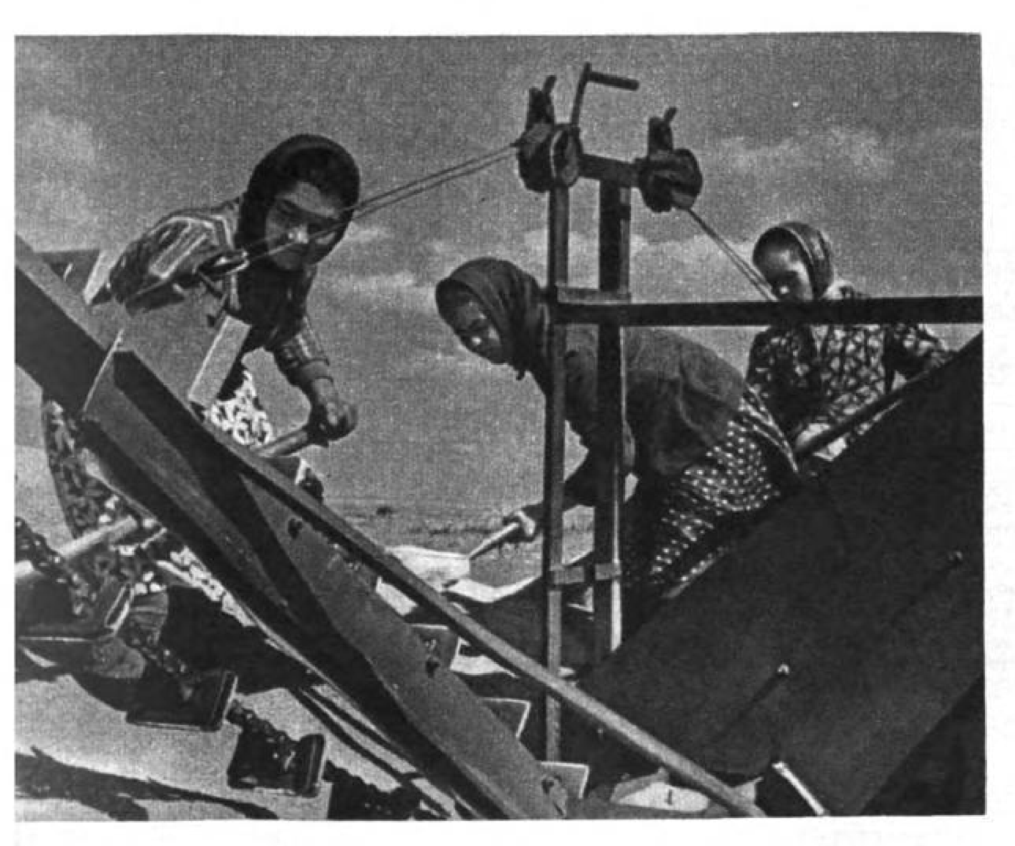
На улице, ведущей к величественному зданию нового вокзала, перед одним из прижатых друг к другу домишек стоит крошечный столик. На нем ряд стеклянных кружек с крышками. Старуха, присевшая на корточках у своего хозяйства, усердно предлагает каждому чай.

Я иду по просторной Чананьцзе на запад, к площади Тяньаньмынь. Все гуще поток пешеходов и велосипедистов, все чаще встречаются автомашины. У перекрестка Дундань стоит на небольшом полосатом пьедестале милиционер в белых перчатках. «Дундань» значит «Восточная арка». Арки давно уже нет. Улица, которую она когда-то украшала, стала в пять раз шире, но название бойкого перекрестка сохранилось.

У входа в небольшое кафе выстроились ящики с пустыми бутылками. В чистой комнатке можно выпить отличного холодного пива (говорят, что оно напоминает баварское, ибо изготовлено по образцу того пива, которое пили в свое время германские колонизаторы-концессионеры). Кроме того, посетителя ждут здесь соевый творог, жареная рыба, различные салаты.

Сидящие за столиком люди — морщинистый старик, очевидно, велорикша, и аккуратно одетый юноша в очках — весело обсуждают последнее событие — успешное уничтожение Народно-освободительной армией шпионского самолета «У-2» в Восточном Китае. Старик, как у нас говорят, «вы-

---

САРАТОВЦЫ РАПОРТУЮТ РОДИНЕ: сдано 180 миллионов пудов зерна. Это значит, что хлеборобы Саратовской области перевыполнили свой план на 58,5 миллиона пудов!

Выдающийся трудовой подвиг отметили Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, поздравив тружеников Саратовской области.

НА СНИМКЕ: горячая пора на току колхоза «40 лет Октября». Хорошо работают Маргарита Миговuч, Юлия Алексик и Мария Сочка.

Фото А. КЛИМОВА.

«Браво, Большой!», «Бис, Майя!», «У них все — звезды!» — такими возгласами и громом аплодисментов заканчивается в Нью-Йорке каждый спектакль балета Большого театра. Более 25 раз на сцену «Метрополитен-опера», где идут гастроли, вызывали исполнителей «Лебединого озера» (фото 1).

Нью-йоркские газеты дают очень высокую оценку этой «первой в мире балетной труппе», начиная с «королевы танца Майи Плисецкой» и кончая артистками кордебалета.

«3 846 зрителей,— пишет газета «Нью-Йорк таймс» после премьеры «Лебединого озера»,— аплодировали без конца. Овации, казалось, сотрясают старое здание театра на Бродвее» (фото 2).

Задолго до начала гастролей все билеты были распроданы, но каждый день возле касс театра выстраивается огромная очередь в надежде получить входной билет (фото 3).

С огромным успехом прошли в Нью-Йорке и другие спектакли «Большого балета»: «Жизель», «Спартак», одноактные балеты «Урок танца», «Паганини», а также «Вальпургиева ночь» и концерт.

После Нью-Йорка гастроли Большого театра продлятся в других крупнейших городах США и Канады.

* * *

В один из вечеров, когда Нью-Йорк аплодировал советскому балету, в Москве в спектакле Большого театра «Борис Годунов» заглавную партию пел известный американский певец Джером Хайнс; Федора, царевича, играла артистка В. Клепацкая (фото 4).

1.

БРАВО,

А за кулисами Большого театра приехавший на Родину после 50-летнего пребывания за рубежом прославленный композитор Игорь Стравинский благодарит ди-

4.

дает», заставляя улыбаться людей за соседними столами.

Многие десятки подобных заведений открылись в Пекине в этом году. Торговля в китайской столице заметно оживилась. Чувствуется, что в преодолении затруднений, вызванных трехлетним неурожаем, произошли в Пекине значительные сдвиги. Я вдруг замечаю, что и людная улица Ванфуцзин выглядит сейчас совсем иначе, чем в предпраздничные дни прошлых лет. Тогда она была синей, сейчас пестрая. Люди лучше одеты.

Вот и Тяньаньмынь, древняя и вечно юная площадь, сердце гигантского города. Бывший императорский дворец — Гугун — взирает из-за стен на обелиск — памятник павшим героям Революции — и на грандиозные сооружения, воздвигнутые героями, которые остались в живых,— Дворец народных представителей и музей.

В праздники площадь Ворот небесного спокойствия перестает быть свидетелем встречи прошлого с будущим. Она превращается в бурлящее людское море, становится шумной, веселой, многоцветной.

Пекин ждет сейчас изумительное зрелище народной демонстрации. Спортсмены, артисты, народные ополченцы — миньбины деятельно готовятся к ней. На площадь падает вечер. Десятки прожекторов скрестили свои лучи. Грузовики, превращенные в театральные подмостки, увешанные гирляндами цветов, с артистами, изображающими застывшие сцены из популярных спектаклей, медленно проходят мимо меня. Миньбины с винтовками за спиной держат равнение. Девушки-физкультурницы в нежно-голубых воздушных платьях отрабатывают вольные движения с цветами. 1 октября все это придет в стройную систему, станет законченным рисунком праздника. Вдруг становится светло, как днем. Вспыхивают лампионы. В праздничные дни зажигают все.

Я иду дальше, по Чананьцзе. Здесь, на западе, она не очень широкая: большие современные дома высятся пока еще редкими островками среди серых стен приземистых китайских домиков.

«Дракон, изменяющий цвет»,— читаю я три иероглифа театральной афиши. Видимо, новая пьеса. Но что это? В левом углу афиши крупно написано слово «Чехов». В чем дело? Ну, конечно же, как я сразу не понял! Это же чеховский «Хамелеон»!

У кинотеатров, клубов, кафе — веселые предпраздничные толпы. Они и у здания телеграфа, и у Дворца культуры национальностей, и у огромной гостиницы «Миньцзу»... Вдали, над густой зеленью бульвара, горят красные острия Дома радио и военного музея. Тринадцать лет назад в Пекине не было ни одного такого дома.

Чем дальше от цёнтра города, тем больше новых грандиозных построек. Цепь министерских корпусов, института, студенческих общежитий и научных учреждений начинается, собственно говоря, там, где кончается граница старого Пекина. За годы народной власти в городе было построено почти 30 миллионов квадратных метров зданий, иными словами, он вырос на одну треть. Полтора миллиона рабочих и служащих насчитывает сегодня китайская столица, в которой еще недавно, по существу, не было промышленности.

Не говоря уже об огромном индустриальном строительстве в городе, пекинцы заботливо переделали и расширили каждое из старых мелких предприятий. Вот один из тысячи примеров. Мастерская по ремонту охотничьих ружей, в которой работало до освобождения 200 человек, превращена в первоклассный завод по производству шлифовальных станков. 2,5 тысячи рабочих этого завода имеют высокую техническую квалификацию.

— Ну что я мог раньше? — говорит мне один из них, худенький глазастый инженер Лю Янь-цин.— До шестнадцати лет жил в деревне. А вы знаете, как у нас в деревне было? Словом, ушел я в город. Нанялся учеником в скобяную мастерскую. Рабочий день был с 6 утра до 5 вечера. В основном таскал ведра с водой, был на побегушках у мастера. Жил только для того, чтобы поесть перед сном. Без всякой цели. Так бы и жил, если бы вообще мог выжить. Но пришло освобождение. И вот я, Лю Янь-цин, теперь инженер современного завода. Сразу после освобождения стал учиться. Сдал экзамен на слесаря, потом в вечернюю школу поступил, потом в институт...

Я слышал тысячи таких историй. Я знаю, что их миллионы.

Мы с будущим преподавателем истории студентом Чжао Чжуном прогуливаемся по Тяньтаню — Храму Неба, в котором императоры преклоняли колени, чтобы помолиться. Большую, мощенную огромными каменными плитами дорогу, по которой императоры ходили в храм, заняли миньбины. Они и здесь готовятся к параду.

— Я тоже был ополченцем,— задумчиво говорит Чжао Чжун и неожиданно меняет тему: — Недавно ездил к себе в деревню. Много лет не был там. Представляете, Сяо Тэн-цзы, с которым мы вместе пасли свиней у помещика, написал книгу. В деревне ее сейчас читают вслух — вспоминают прошлое. А дети плотника Суня, который в 1948 году умер от голода, живут теперь, оказывается, в городе. Двое сыновей стали техниками, на заводе работают, а третий — аспирант-математик. Младшая дочь живет с братьями, еще учится в школе. И я вот скоро получу диплом. И все это из одного маленького села.

...Звонко звучит команда. Миньбины четко перестраиваются. Синий купол храма ярко освещен луной. Молчаливо-торжественный, отрешенный от всего земного, Храм Неба за свои 500 лет видел немало перемен на земле. Но все эти перемены не стоят ровным счетом ничего по сравнению с переменами последних тринадцати лет.

Тринадцать лет... Возраст подростка. Но уже в этом возрасте новый Китай представляется богатырем.

А. ТЕР-ГРИГОРЬЯН

Пекин (по телефону).

2.

3.

БОЛЬШОЙ!

рижера спектакля А. Мелик-Пашаева за великолепную постановку «Бориса Годунова» (фото 5). Слева направо: Т. Хренников, Игорь Федорович Стравинский, А. Мелик-Пашаев, М. Шмелькина и П. Лисициан.

Фото Г. СОЛОВЬЕВА и Е. УМНОВА.

5.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ТЕАТРУ

К 75-летию со дня рождения В. Н. Пашенной

Вся в черном она, мать, скорбящая о сыне, глаза ее блестят непролитыми слезами. Без парика и почти без грима играет Вера Николаевна Пашенная роль Ламбрини в спектакле «Остров Афродиты». Никаких внешних ухищрений, зато полностью мобилизованы все духовные силы, яркая артистическая фантазия и гражданская страсть. Величие материнства поднято актрисой до огромного обобщения. Пашенной — Ламбрини веришь — такая отстоит счастье и жизнь всех сыновей на земле, мир и покой матерей. Эта роль создана Верой Николаевной совсем недавно.

Около ста ролей сыграла актриса. Гоголь, Толстой, Островский, Чехов, Шекспир, Ибсен, Гюго... Большим психологическим различием и огромной силой перевоплощения отмечены все работы Веры Николаевны. Образы Вассы Железновой, хозяйки Нискавуори («Каменное гнездо») и, наконец, Кабанихи («Гроза»), так не похожие друг на друга, покоряют и потрясают своей совершенностью и поразительной достоверностью...

Большим гражданским смыслом наполняет свои творческие создания Пашенная, играя в советских пьесах. Вот сыгранная Верой Николаевной еще в двадцатые годы Любовь Яровая, ставшая классикой советского театра. Или Таланова в пьесе Л. Леонова «Нашествие», которую Пашенная играла в суровые годы войны, вкладывая в исполнение всю силу ненависти и презрения к фашистским захватчикам. А вот человек необычайной душевной красоты — Наталья Ковшик в спектакле «Калиновая роща» А. Корнейчука.

Работая с молодежью, Вера Николаевна не просто учит жесту, мимике,— она добивается истины переживания, правды чувств. Каждое слово, каждое движение артиста должны быть рожденными мыслью и мыслью оправданы. Большое искусство требует раздумий, анализа, глубоко продуманных решений. Этому учили ее А. П. Ленский и К. С. Станиславский. Этому учит Пашенная будущих актеров и актрис. И в любой актерской работе Пашенной — глубокая мысль, частица любви и страдания, частица ее души, души истинного, большого художника.

Т. ЭРАЗМОВА

ЭММАНУИЛ ГЕНРИХОВИЧ КАЗАКЕВИЧ

...Вспоминаю последнюю встречу с Эммануилом Генриховичем Казакевичем почти накануне его смертного часа. Измученный тяжкой болезнью, он произнес:

— Устал. Зверски устал.

Он уже угасал, уходил из жизни. Что еще могло его интересовать? Я заговорил о его повести «Двое в степи», которую только что перечел, о своих впечатлениях. Оживились его безмерно усталые глаза. Смягчилась горькая складка губ, раньше таких жизнелюбивых, всегда готовых улыбнуться. Он и теперь слабо улыбнулся, живо слушал, сам с неожиданной горячностью высказался о своем детище.

До самого конца, до последней минуты в нем продолжала теплиться свойственная истинному художнику любовь к делу своей жизни, к миру, что он сотворил, посвоему воспроизвел, миру, заключенному в переплеты его книг. И еще более — к тем своим созданиям, которые еще не были закончены, требовали от него: «Живи, живи!», теснились за этим его выпуклым, высоким, красивым лбом.

Перо Казакевича-писателя было наделено волшебным свойством: без малейшей натяжки, фальши, сладости он умел воссоздавать безупречно хороших, самоотверженных, добрых, верных долгу людей — людей, что по праву зовутся советскими, несут в душах ленинскую искорку, взращены нашей великой революцией, великой партией, к которой принадлежал Казакевич.

И вместе с тем ему был дан и иной дар — непримиримость. Моральный закон коммуниста — непримиримость к несправедливости — владел его душой...

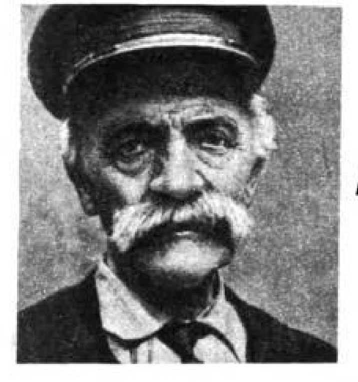
И, наконец, последнее. Идеалом и глубочайшей любовью Эммануила Генриховича был образ Ленина. Всем известны посвященные Ильичу проникновенные произведения Казакевича.

Чтобы их написать, он свыше шести лет назад, в канун XX съезда, стал углубленно перечитывать, изучать Ленина. И, как он мне говорил, прочитал с карандашом в руке важнейшие ленинские произведения и особенно внимательно все, что Владимир Ильич писал в годы революции.

Это тоже своего рода завет Эммануила Генриховича: читайте, изучайте Ленина, не жалейте на это времени и сил. Будьте до последнего дыхания верны Ленину, его великой партии.

Сам Казакевич, тонкий, умный и нежный художник, всем своим творчеством, всей своей жизнью воплотил этот завет.

Александр БЕК

АВТОР «ИНТЕРНАЦИОНАЛА»

В Центральном государственном архиве литературы и искусства хранится небольшая пачка листков, исписанных дрожащим старческим почерком,— ноты песен и тексты к ним.

Это автографы создателя бессмертной песни, которая стала гимном пролетариев всего мира,— «Интернационала».

Автор этих нот, Пьер Дегейтер, тридцатилетие со дня смерти которого исполнилось 27 сентября 1962 года, был простым рабочим. Он родился в Бельгии в 1848 году. По профессии мебельщик и резчик по дереву, он страстно любил музыку, организовал в Лилле рабочий хор. Для него он и написал в 1888 году музыку к «Интернационалу», текст которого был напечатан в вышедшей за год до того книге Эжена Потье «Революционные песни».

Талантливый самоучка, Дегейтер большей частью сочинял мелодии на собственные тексты и сам исполнял свои песни в кафе и кабачках — «бистро», где любят слушать музыку простые люди Парижа.

В 1920 году была создана Французская компартия, и 72-летний Дегейтер вступил в ее ряды (до этого он был членом Рабочей партии Ж. Геда).

На склоне лет автор «Интернационала» все так же чутко отзывался на политические события. В «Песне коммуниста» поэт призывал рабочий класс дать отпор фашистам, которые делали тогда во Франции первые попытки захватить власть.

В песнях «Мечта о России», «Триумф русской революции», «Серп и молот» Дегейтер приветствовал победу рабочего класса в России.

Свое 80-летие Пьер Дегейтер встретил в Советском Союзе как наш почетный гость. С трибуны на Красной площади он вместе с другими ветеранами французского рабочего движения приветствовал колонны молодежи, маршировавшие под звуки написанного им гимна.

Умер Дегейтер в 1932 году в возрасте 84 лет. На его скромной могильной плите выбиты серп и молот, а также первые такты «Интернационала». Литературное и музыкальное наследие Пьера Дегейтера бережно хранится в стране, где эта песня впервые стала гимном победившей революции.

Песня «Серп и молот», переведенная мною, впервые публикуется на русском языке.

Валентин ДМИТРИЕВ

СЕРП И МОЛОТ

Россия, дальняя страна,
Достойна славы мировой.
Ведь стала в наши дни она
Рабочим матерью родной.

Там пролетарии берут
Заводы, домны, рудники,
Крестьянам землю отдают,
Добились счастья бедняки!

Припев:

В новой России каждый молод,
Сбросил оковы навсегда.
Славьте, народы, серп и молот
И знамя алое Труда!

1927.

Аденауэр: — Остановитесь! Нужен салют, а не расстрел!

Рисунок из югославского журнала «Еж».

зе заклинателя духов, вещающий с балкона Кельнской ратуши...

Свои речи во время визита французский президент имел обыкновение произносить по-немецки. «Почти без акцента»,—поспешил пощекотать самолюбие генерала еженедельник «Бунте иллюстрирте». Вряд ли во Франции кого-либо беспокоит, что президент республики избавился от французского акцента и говорит на немецком языке почти так же, как канцлер Аденауэр. Тревогу у французов вызывает другое: то, что французская политика генерала приобретает все более выраженный немецкий акцент.

БОННСКИЙ АКЦ

Г. ГУРКОВ, А. СЕРБИН

В дни, когда официальный Бонн с необычайной помпезностью принимал визитера из-за Рейна — президента де Голля, со страниц западногерманской прессы рекой лилась рекламная патока. Газеты и журналы изощрялись, сочиняя слащавые заголовки. Тысячи выспренних слов об «общих идеалах», «дружбе, идущей от сердца», «кульминационном пункте в истории Европы»... Сотни снимков: торжественный обед в замке Брюль; Аденауэр, целующий ручку г-жи де Голль; усталые «гориллы» — охранники де Голля; генерал в по-

Кто первым аплодирует де Голлю, когда он требует «твердости», выступает против сближения позиций Запада и Востока, против переговоров?

Западногерманские милитаристы.

Кто приходит в восторг от деголлевских прожектов «органического сотрудничества» бундесвера и французской армии?

Недобитые генералы Гитлера, которые с помощью этого «сотрудничества» надеются заполучить ядерное оружие.

Сегодня уже нет необходимости ссылаться на мнения экспертов,

Фото ЮПИ, Джапан Пресс и английского журнала «Сфир».

← 20 сентября алжирский народ избирал Национальное учредительное собрание. По предварительным данным, опубликованным центральной избирательной комиссией, за список кандидатов Фронта национального освобождения Алжира было подано 5 265 377 голосов, против — 18 637. Снимок сделан на одном из избирательных участков города Алжира, когда там проходило голосование.

Бурные события переживает Аргентина. Столкновение между двумя военными группировками приняло в последнее время характер открытых военных действий. Улицы Буэнос-Айреса патрулируют вооруженные солдаты правительственных войск (первый снимок). Танки с военной базы Кампо-де-Майо, где находится штаб-квартира мятежных войск, обстреляли арсенал Эстебан-де-Лука (второй снимок). Со всех концов Аргентины приходят сообщения о боях между войсками соперничающих группировок.

Де Голль заклинает духов прошлого.

власти» — это слова из передачи американской радиостанции «УМСА».

Быть может, эти люди изменились?

Как бы не так!

Взгляните на географические карты, которые висят в любой школе или любом учреждении ФРГ,— на них в границы Германии включены польские, чехословацкие, советские земли. Реваншистские союзы во время встречи де Голля пригнали сотни своих головорезов, надрывавшихся, вероятно, не без благословения Бонна: «Силезия!», «Померания!», «Судеты!».

ся войны». Эта цитата из «Штальхельма».

И в эту войну, которая представляется Бонну высшей задачей его политики, реваншисты хотели бы втянуть «новую Европу». Не очень заманчивая перспектива, скажем прямо!

Ну, а пока не заговорили пушки, «объединенная Европа», возглавляемая сильной Западной Германией, может котироваться на международной арене выше, чем просто Западная Германия. Поэтому да здравствует «объединенная Европа», провозглашают реваншисты из ФРГ.

В Бонне позаботились о том,

ЕНТ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ

Фото из журналов «Пари-матч» и «Бунте иллюстрирте».

«Вив» или «хайль»? Западногерманские полицейские приветствуют французского президента.

когда констатируешь: Федеративная Республика Германии является самой сильной державой Западной Европы в экономическом и военном отношении. Эта истина очевидна для всех. Но ведь нетрудно заметить и другое: параллельно с усилением экономической и военной мощи в ФРГ проходит процесс активизации самых реакционных групп.

«Нацисты вновь заняли влиятельные посты в правительстве, промышленности, банковском деле, печати и в области образования... Те самые нацистские лидеры, которые господствовали во времена Гитлера, вернулись к

По мнению Аденауэра и его коллег, Федеративная республика должна вернуть себе эти земли. Каким путем? Канцлер предпочитает в официальных выступлениях употреблять туманные формулы, вроде «интеграции», «стирания национальных границ» и т. п. Но что у боннского кабинета на уме, то у милитаристских организаций на языке. Такие газеты, как «Дейче зольдатен-цейтунг», «Штальхельм» или «Викинг-руф», с прямолинейностью солдафонов ставят точки над «i»: «Сосуществование невозможно, наступление неизбежно. Население Федеративной Германии нисколько не боит-

чтобы вояж де Голля по Западной Германии оставил у французского гостя надлежащее впечатление. Двадцать тысяч полицейских обеспечивали порядок и соответствующий энтузиазм. Генерал приветственно делал ручкой. Изменились декорации, изменился антураж, но все остальное было таким же, как и когда-то — во времена Мюнхена. А что последовало за Мюнхеном, не забыла Европа, не забыла Франция...

Рукопожатия генерала де Голля и канцлера Аденауэра перед фотокамерами и киноаппаратами — это не рукопожатия народов Франции и Западной Германии. Де Голль и Аденауэр ударили по рукам, заключив сделку за спиной своих народов.

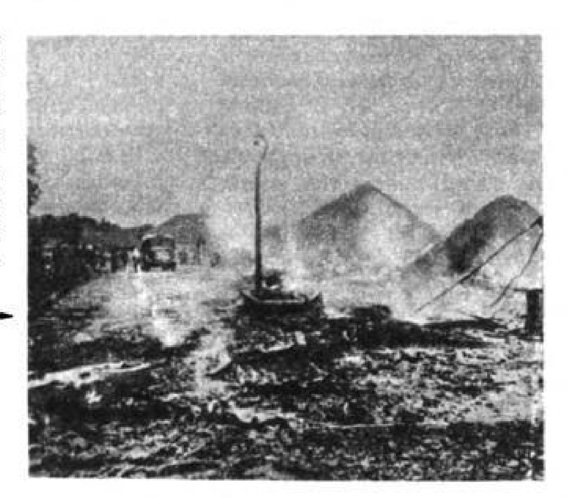
Французские правящие круги побратались с западногерманским милитаризмом на платформе классовой ненависти к социалистическим странам, к коммунизму. Весьма шаткая платформа! В наши дни великое содружество государств, строящих новое общество, сильнее, чем любые сговоры. Сколько бы генералов и канцлеров в этих сговорах ни участвовало...

У Марко Поло, однофамильца знаменитого путешественника, была опасная профессия — матадор. Недавно на арене для боя быков в Мадриде он стал жертвой разъяренного животного. Бык поддел его на рога. Матадор получил серьезные ранения.

Так выглядела улица в местечке Стэтон, в графстве Суффолк, после того как сюда упал американский истребитель, совершавший полет в английском небе. Под обломками одного из домов, разрушенных самолетом, погиб человек. А американский пилот успел вовремя выпрыгнуть с парашютом и благополучно приземлился... →

Незваные гости из-за океана собираются построить в Японии, на острове Хоккайдо, базу для атомных подводных лодок, бомбардировщиков и ракет. На дороге, по которой американские машины возят строительные материалы, встал живой заслон. И только вмешательство полиции открыло путь грузовикам. Но патриоты Хоккайдо не считают, что борьба против строительства военной базы США закончена.

НАШ ГОСТЬ ДОМЕНИКО МОДУНЬО

Это имя на афише неизменно привлекает внимание москвичей и ленинградцев. Концерты популярного итальянского певца пользуются у советских слушателей большим успехом.

На снимке: Доменико Модуньо в мастерской художника Ильи Глазунова, который пишет его портрет.

Фото Е. УМНОВА.

НЕ УСТ

Вл. КРУПИН

Фото автора.

География семилетки пополнилась новым названием. Все чаще встречаем мы его в газетах, слышим по радио и просто в разговоре случайных собеседников. Репортеры, изыскатели, экономисты, занимающиеся Каршинской проблемой, не скупятся на сравнения. «Исполин пробуждается», «Вторая жемчужина Средней Азии», «Новая Фергана», «Край неисчерпаемых возможностей»...

На пленуме ЦК КП Узбекистана первый секретарь ЦК Шараф Рашидов рассказал, с какой заинтересованностью и проникновением в детали дела союзное правительство рассмотрело вопрос об освоении Каршинской степи. Принято решение. Намечены перспективы.

По всем наметкам, в летопись нашего строительства будет вписана еще одна вдохновенная страница. Приоткроем ее. Прочтем то, что уже написано. И забежим немного вперед.

Итак, Каршинская степь!..

Бескрайняя, выжженная южным солнцем, вытюженная горячими ветрами равнина. Богатейшие земли ее лежат к югу от Бухары и Самарканда. Небольшая, наподобие Яузы, речка Кашка-Дарья пересекает равнину, теряясь в песках, так и не добравшись до бегущей поодаль, внизу, Аму-Дарьи.

Весна ранняя. На пятнадцать дней раньше, чем в Ташкенте, расцветает здесь урюк. И на столько же дней позже начинается зима, солнечная и почти безморозная.

15 + 15 = 30. Эта цифра лежит в основе всех расчетов. Тридцать лишних погожих дней — это возможность выращивать наиболее ценный, тонковолокнистый хлопок. Сколько? До двух миллионов тонн! Больше, чем во всей Ферганской долине (вот откуда взялось одно из приведенных сравнений!). Для этого надо освоить свыше миллиона гектаров целины — масштабы Голодной степи — и дать сюда аму-дарьинскую воду, подняв ее на полторы сотни метров,— масштабы, не имеющие пока прецедентов.

Легко сказать: «освоить», «дать», «поднять»...

Какими силами? Какими техническими средствами? В какой срок?

Начинать надо с маяков!

— Грибова нет. Он в Кассане, в колхозах.

— Михаил Степанович на работу не заезжал. Проехал прямо в район. Куда, точно сказать не могу.

— Грибова? Он на пленуме, в Бешкенте.

— Где его поймать? Быть может, дома. Когда? Часов в семь утра или вечером. Может, в десять, а может, и позже.

Четыре дня я пытался застать на месте начальника Каршинского производственно - территориального управления. И не мог: работники нового сельскохозяйственного органа начали дело с низов, с глубинки. В кабинетах появились к исходу первой рабочей недели. И то ненадолго. Короткий обмен мнениями, необходимой информацией — и опять на поля, на фермы и пастбища.

Грибов встретил меня дружелюбно. Добродушно посмотрел из-под толстых стекол очков на корреспондентское удостоверение и... тут же занялся своими делами. Я понял, что интервью не получу: недосуг,— и просто сидел, смотрел, слушал.

Вошел кто-то из работников управления. В руке пачка путевок: выпускники вузов — агрономы, зоотехники.

— Михаил Степанович! Тут вот один товарищ хотел бы в управлении поработать. И еще один: направление у него, понимаете, в совхоз, в Южный Казахстан, но он наш, каршинский. Просится. Как быть?

— Быть очень просто. Кому в Казахстан — тому в Казахстан. И там люди нужны, возможно, нужнее, чем нам. Что касается остальных — всех на производство! В совхозы, в отделения. В аппарат—никого, ни одного человека.

Новый инспектор. Едет в колхоз. Пришел за напутствием. Вот оно:

— С чего начинать? Начинать надо с маяков! По ним будем дело равнять. Всех передовиков возьмите на учет. Да не на бумажку, а на свой личный учет. Знайте каждого из лучших — хлопкороба, доярку, чабана—лично. Влезьте с головой в их дела, расчеты и планы. Вот и все. Для начала.

...Мне, между делом:

— У нас есть на кого и на что равняться. Каршинская степь—место благодатное и человеком обжитое. Пусть не с размахом, тем не менее как следует. В одном Бешкентском районе арыки есть на девяноста тысячах гектаров. Сюда бы воду! Земли отменные, ровные, почва мягкая, обрабатывать легко. Можно хоть сейчас шесть-семь совхозов ставить. Дело за гидростроителями.

...В телефонную трубку:

— И не говорите мне, что нет выхода. Я по этой степи двадцать лет мотаюсь. Два дня шли дожди — будет трава. Хватит для перегона овец.

...Отвечает на мой единственный вопрос:

— Наши маяки? Поезжайте хотя бы в колхоз «Коммунизм»...

Сестра «королевы»

В колхоз «Коммунизм» я попал затемно. Заночевал у Нурмамата Эргашева, бывшего учителя, ныне парторга. Договорились поехать на целинный участок и встать пораньше, с первыми петухами.

Разбудило меня не кукареканье, а стрекот. В предрассветной рани он прозвучал особенно отчетливо. Я прислушался. Кто-то заводил мотоцикл. Стрекот повторился в другой стороне, ему откликнулись в третьей, четвертой. Дружно, как петухи поутру, застрекотали машины. Колхозники торопились в поле.

Поспешили и мы. Эргашев по дороге рассказывал:

— Степные земли очень плодородны. Мы находимся на самом краю чуля. Вся целина впереди. Но без воды к ней не подступишься. Большая вода — из Аму-Дарьи — будет не скоро, еще проекта нет. Мы решили обойтись пока малой водой. Видите, арык? Из него мы берем воду для полива старых площадей. Весной ее вполне хватает, даже излишки остаются. Главная недостача влаги летом. Выше арыка начинается наша целина. Но вода туда не попадает. Уровень земель метров на пятнадцать выше. Пятнадцать — это не так много. И мы решили поднять станцию. Приобрели дизели «ДТ» и построили небольшую насосную станцию. Машинным орошением охвачено у нас почти 700 гектаров. Часть пошла под хлопок, часть — под кукурузу. В прошлом году целина дала нам пять тысяч четыреста центнеров тонковолокнистого хлопка. О кукурузе разговор особый...

Да, тут нужен особый разговор. Мы поведем его вместе с агрономом Харманом Амановым и кукурузоводом Абдуназаром Базаровым.

Слушая их беседу возле всходов кукурузы, я обратил внимание, что они часто употребляют выражение «макка джугара». И реже — «ак джугара». Заинтересовался. Оказывается, макка джугара по-узбекски и есть кукуруза. Ак джугара, или просто джугара,—это сорго. Родственного между этими культурами много. И не только в названии. Обе дают отличный силос и зерно. Обе высокоурожайны. Но есть между ними и разница. В местных условиях джугара нередко предпочтительнее. И вот почему.

Многие помнят книгу «Ташкент — город хлебный». Многие из стариков помнят и 1921 год, когда голодало Поволжье, когда рабочие России получали осьмушку хлеба, выпеченного из туркестанской муки.

Мало кто знает, что хлебную славу Ташкенту принесла джугара. Она оказалась единственной культурой, способной устоять против страшной засухи, случившейся более сорока лет назад. Сыграла свою роль и ее урожайность — по 720 пудов зерна с гектара! Но засухоустойчивость не единственное уникальное качество джугары. «Кант-буруч» (сахарная закрутка), «бал-чингирик» (медовый стебель) — так назвал народ некоторые сорта джугары. Это не случайно. Сахаристость ее стеблей достигает пятнадцати — двадцати пяти процентов. То-то лакомство для скота!

Видный специалист по джугаре кандидат сельскохозяйственных наук Сафар Кадамов отмечает еще ряд ее особенностей. Отдел кормодобывания Узбекского института животноводства, которым он руководит, провел такой опыт. На сильно засоленных почвах, где урожайность хлопчатника не превышала 16 центнеров, была высеяна джугара. Через год участок вновь заняли «белым золотом». Урожай вырос в полтора раза. (Запишите еще один плюс в актив джугары — надежный рассолонитель.) А коли так, джугаре прямая дорога на солонцы Голодной степи, Кара-Калпакии и Каршинской равнины.

Еще одно преимущество. Кукуруза, убранная на зерно, в условиях Узбекистана подсыхает. Сестра ее остается сочной и зеленой. Даже после заморозков, превращающих стебли кукурузы в жесткую и безвкусную жвачку, джугара не теряет свежести и сахаристости.

Тут бы и поставить точку. Но вот еще один расчет. В 1960 году колхоз «Коммунизм» занял под силосные культуры 208 гектаров. Десять под ак джугару, остальное под макка джугару. Было получено 43 630 центнеров кормовой массы. Следовательно, средняя урожайность кукурузы и джугары, вместе взятых, составила 210 центнеров с гектара. А в отдельности? Каков был в тот год урожай, скажем, джугары?

— В 1960 году мы собрали три урожая джугары,— ответил Базаров.

Мне показалось, что я ослышался:

— Три урожая в год?

— Три. Первый в середине июля. С каждого из десяти гектаров скосили по 1 200 центнеров зеленой массы.

— А потом? Снова сеяли?

— Зачем же? Джугара сама из пеньков отрастает. Взрыхлили междурядья. Полили. А через два месяца еще по 550 центнеров собрали. Снова обработали, снова полили. И в конце октября скосили еще по 250 центнеров. Всего по 2 тысячи центнеров кормов получили!

Вот теперь считайте: 10 гектаров джугары дали 20 тысяч центнеров кормов, а 198 гектаров кукурузы— 23 630. Один гектар джугары оказался равноценным примерно 18(!) гектарам кукурузы.

Вот во что превращает пустыню орошения

АВАЙТЕ!

Почему так вышло? Я высказал свои недоумения агроному.

— Было плохо с водой. Кукуруза не выстояла. А джугаре хоть бы что.

Мне тогда показалось, что я понял один из секретов отчетности не очень радивых хозяев, предпочитавших докладывать о «средней урожайности силосных культур» — кукурузы и джугары, вместе взятых. За кукурузу с председателя и агронома спрашивают все. Спрашивают не меньше, чем за хлопок. Кукуруза требует много внимания, хорошей организации труда, своевременной обработки посевов и — что особенно важно в засушливых местах — воды. Джугара менее требовательна. Она не подведет и в очень тяжелый год. Это проверено веками народного опыта. И «королеву полей» прячут за спину ее сестры! Вали кулем—потом разберем. В итоге мы теряем и на кукурузе и на джугаре.

В чем же дело? Почему джугара — эта древнейшая и испытанная культура — оказалась в загоне? Почему чуть не сдали в архив «королеву № 2»?

— В начале тридцатых годов,— объясняет С. Кадамов,— перед республиками Средней Азии была поставлена задача — обеспечить Отечество своим хлопком, ликвидировать нашу зависимость от буржуазных стран. Хлопок потеснил джугару, как потеснил бахчи и прочие второстепенные культуры. Джугара ушла с полей на приусадебные участки, где и выстояла, дождавшись своего часа.

Будучи в Средней Азии, Н. С. Хрущев внимательно выслушал знатоков джугары, отведал супу и каши из ее крупы. Никита Сергеевич поддержал поборников этой мощной культуры.

О джугаре заговорили. Джугару вспомнили.

В колхозе «Коммунизм» посевы ее увеличили в два с половиной раза.

— Можно было больше, но...— Агроном Аманов развел руками.— Семян джугары не хватает. Найдем семена — расширим посевы. Думаю, сможем на тех же площадях раз в пять-шесть больше кормов получить. А будут корма — удвоим и утроим поголовье.

Но только ли семена сдерживают выход джугары на поля? А шаблон? А сила инерции? А робость перед авторитетом «царствующей королевы»?

Все же дело сдвинулось. Здесь, на Каршинской целине, оно будет спориться. Получить зеленый корм в конце июля, когда травы уже нет, а до уборки кукурузы еще добрых два месяца,— разве это не стимул? Вот почему несомненно: «королева № 2» займет достойное своему сану и качествам место.

Три урожая в год

Два урожая в год для Средней Азии не новость.

Можно посеять озимый ячмень в октябре и убрать его в мае. Посадить на том же поле свеклу или картофель и осенью получить второй урожай. Можно посадить в начале марта горох. А в июне поле из-под гороха занять кукурузой и иметь в октябре силос.

Так и поступают здесь разумные хозяева.

Климат Каршинской степи имеет тот плюс, о котором уже говорилось. Плюс 30 безморозных дней. Прибавка будто бы небольшая, но дело она меняет существенно. Открываются новые возможности в севообороте, в использовании земельного фонда. Вот они.

Можно посеять тот же ячмень в октябре. Заменить его в мае джугарой и, проведя два укоса, собрать в итоге три урожая.

Можно посеять горох осенью, убрать его в мае. Потом высадить кукурузу, а в августе — люцерну.

Есть еще один любопытный вариант. Он связан с шабдаром — полузабытой культурой. Шабдар— это персидский клевер. В одном килограмме шабдарного сена столько же белка, сколько в килограмме ячменного или кукурузного зерна. И то, чего в зерне нету,— каротин, минеральные вещества.

— Почему он забыт, не знаю,— говорил мне тот же Аманов.— На лекциях в институте мы слышали о нем немало добрых слов. Шабдар можно сеять осенью прямо в растущий хлопчатник незадолго до уборки. Он успевает вырасти за зиму. Урожай неплохой — центнеров 50—70 сена. Представляете, что такое зеленый корм в самую трудную пору, скажем, в марте, когда запасы на исходе, а травы еще не взошли? Учтите, что шабдар не зря будет занимать площади. Он оставит в почве азот. Десятки килограммов на гектар. И сбережет минеральные удобрения, килограммов полтораста аммиачной селитры на каждом гектаре. Хотите — опять хлопок сейте, хотите — двухурожайный севооборот внедряйте...

Мубарек — край благословенный!

Да простят мне филологи эту фразу: «Мубарек — край благословенный!» Наверное, с точки зрения словесности это сказано неудачно. Ведь Мубарек в переводе и означает благословенный. Но, во-первых, не я эту фразу придумал.

А во-вторых, побывав в Мубареке, я убедился, что фраза эта очень верно передает суть дела.

Посетить Мубарек порекомендовали мне в тресте «Каршинефтегазразведка». Трест этот только образован. В конторе еще пахнет краской. А буровые скважины уже натыканы по всей степи. Основная задача треста—открыть промышленную нефть, поскольку отдельные проявления ее здесь уже найдены. Что касается газа, то это пройденный этап.

Мубарекская группа месторождений существенно пополняет запасы газовых кладовых страны. Конечно, Газли много больше. Но пути Газли ведут далеко от здешних мест — на Урал, в Ташкент, Казахстан. Будущее газового Мубарека — это будущее Каршинской степи, ее промыслов, химических предприятий, коммунального хозяйства и быта.

Выйдя на станции Мубарек, я недоуменно огляделся. Поселок. Зелени мало. Песок. Чувствуется дыхание близлежащих Кызыл-Кумов. Что же тут благословенного?

Рауф Абдуллин, главный инженер разведки, улыбнулся и повез меня по буровым. Буровые как буровые. Тоже ничего особенного. Но какая-то из них непременно станет родоначальницей большой мубарекской нефти. Каршинской нефти! Разведчики в этом не сомневаются. И, наверное, потому так внимательно и хозяйственно приглядываются к тому, что творится в округе.

— Завернем на артезианское орошение! — сказал Рауф шоферу. «Газик» устремился к зеленой точке на горизонте. Четверть часа езды по раскаленной, звенящей от жары и сухости земле — и мы попали в иной мир.

Свежая, сочная зелень полей ласкает взор. Шумят на ветру молодые, но уже уверенные в себе тополя. Наливаются соками плоды на садовых деревьях. И журчит под их сенью прозрачная вода. Волшебница-вода. Густой ковер люцерны, виноградник, белые нарядные домики, чистый, слегка влажный воздух — все это ее работа. Откуда же здесь вода?

Из-под земли. Вот уже пятый год Минбулакская экспедиция пастбищно-мелиоративного треста ведет кропотливую исследовательскую работу в этом оазисе. Две скважины, пробуренные в степи, дали однажды воду. Немного — 17 и 10 литров в секунду. Всего несколько ведер.

И вот мы уже видим, что значат эти несколько ведер, что может сделать в пустыне малая вода, если ее толково использовать!

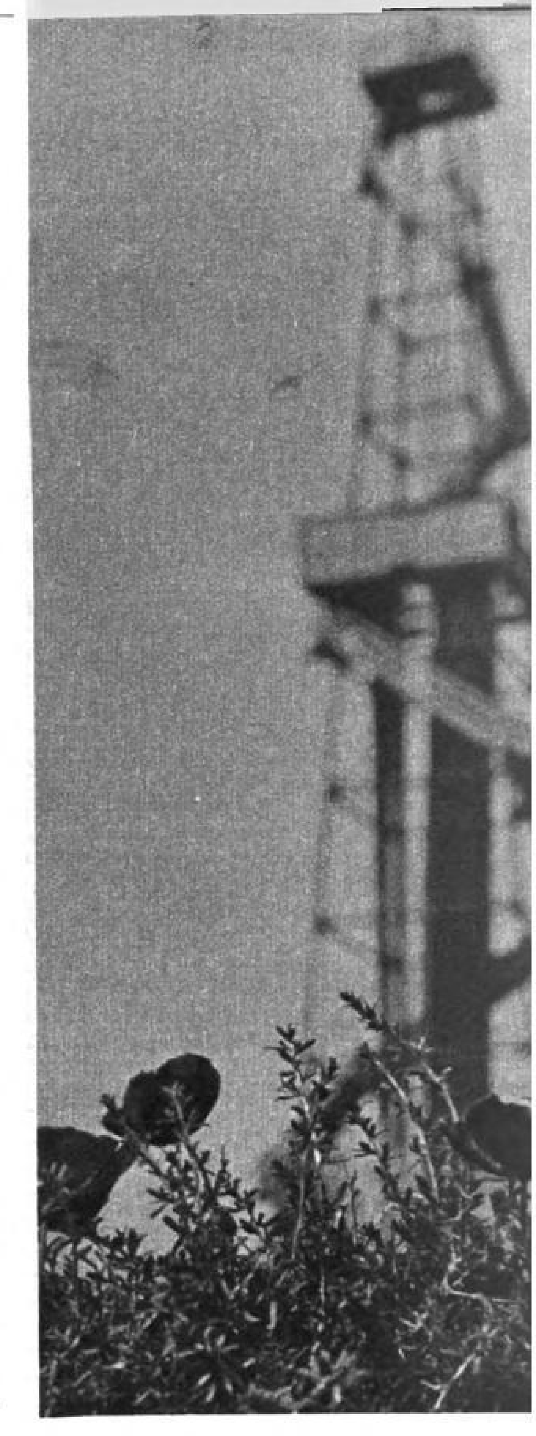
Вода, бьющая из скважины, бежит к посевам и посадкам по бетонным арыкам. Иначе добрая четверть ее просочилась бы в почву и растерялась по дороге. В стороне деловито стучит «Андижанец». А там что? Там идет дождь. Дождь, управляемый рукой Турсункула Ядгарова. Вчера стало ясно, что ячмень не взойдет: небесный агроном подвел. И земной агроном Анна Железова решила включить дождевальную установку.

Блестят на солнце серебристые трубы. С тихим и нежным звоном ударяют по земле хрустальные струи. Турсункул подставляет каплям заскорузлую ладонь и шепчет:

— Тилля! Тилля!.. (Золото! Золото!..)

В пустыне идет дождь. Золотой дождь — мечта землероба. А Рауф наклоняется над каким-то лазоревым цветком:

— Смотрите! Обычно в это время цветов уже нет. Все выгорает. А этот воду, что ли, почуял? И корень какой у него! Глубоко пустил.— Он показывает мне корешок — белый, крепкий

Не эта ли буровая станет родоначальницей мубарекской, каршинской нефти?

вода! Участок артезианского под Мубареком.

и жилистый. Да, цветы здесь пускают глубокие корни!

...Я еще раз оглядываю этот благословенный уголок природы. Вот она, Каршинская степь. Такая, какая она есть. Такая, какой она должна стать!

Сегодня или завтра!

Газ, нефть. Лучшие сорта хлопка. Среднегодовая температура +15°. На полтора-два градуса выше, чем в других областях Узбекистана. Возможность собирать по три урожая в год...

Так почему же проблема Каршинской степи встала только теперь? Почему не думали об этом, не занимались раньше? Думали. И занимались. Но реальные экономические и технические возможности освоения создались только теперь.

Раньше руки были заняты другими делами. Голодной степью. Ферганой. Голодностепские университеты многому научили. Как надо строить. Как избежать ошибок в ирригации, строительстве, благоустройстве новых районов. Вот почему каршинским целинникам будет легче. Да и целина здесь специфическая. В Голодной степи до сих пор не хватает рук. В Каршинской — картина другая. Детальные расчеты показали, что в местных колхозах есть излишки рабочей силы, что механизация сельского производства высвободит к 1965 году каждого второго работника. Следовательно, каршинские земли могут быть освоены собственными трудовыми ресурсами. Отпадает переселение колхозников из других областей, строительство жилья для них, отпадает в связи с этим целый ряд сложных, насущных, специфически целинных вопросов.

Раньше приход воды в степь был неразрешимой технической задачей. Теперь, когда промышленностью созданы невиданной мощности насосы, когда машинное орошение получило путевку в жизнь, поднять воду Аму в чуль, в безводную степь — дело недалекого времени.

Есть только одно «но», которое служит аргументом для некоторых скептиков. Где взять электроэнергию для насосных станций? Каждый гектар машинного орошения, по грубым подсчетам, требует приблизительно киловатт электрической мощности. Хочешь осваивать миллион гектаров — поставь станцию в миллион киловатт.

Обычно будущее Каршинской степи связывают с Нурекской ГЭС. Но когда она вступит в строй? Где-то около 1965 года. Три года ждать?

Энтузиасты Каршинской степи — партийные работники, экономисты, изыскатели, землеустроители — отвергли этот вариант. Браться за дело надо сегодня же! Через несколько месяцев даст промышленный ток Навоинская газовая электростанция. Вот и энергия. Весной будущего года она погонит воду на новые хлопковые поля, сады, виноградники. Дело за проектом первой очереди орошения, за изыскателями.

Четвертый вариант

Изыскатели торопятся. Весной начнутся работы, значит, проект должен быть выдан намного раньше. Николай Петрович Беспалов, начальник экспедиции «Гидропроекта», раскрывает передо мной карты.

— Конечно, воду хочется дать побыстрее. Как? Все проекты освоения Каршинской степи предусматривают строительство гидроузла на Аму-Дарье. Плотина поднимет уровень реки. Воду легче будет подать к месту потребления. Но плотина — дело хлопотное и долгое. Представляете, сколько времени уйдет на то, чтобы справиться с норовом Аму? Поэтому решено: на первых порах обойтись без плотины. Забирать воду насосами прямо из реки. Это ускорит дело освоения на год, если не больше. Наша задача — спроектировать трассу Каршинского канала. Было девять вариантов. Мы остановились на четвертом. Почему? Так подсказали пробы. На этом участке геологические условия лучше. Грунт плотнее — меньше песков. Значит, меньше будет потерь воды по дороге. Трасса пройдет по ровной площадке. Следовательно, легче будет строителям. Правда, лишнюю насосную станцию придется поставить. Но зато бетонное русло сможем сократить километров на семнадцать. Это и подешевле и в сроках строительства существенный выигрыш. И еще. Посмотрите на карту. Пройди канал левее, мы бы, конечно, выполнили проектное задание — обеспечить орошение двухсот тысяч гектаров первой очереди на территории Узбекской ССР. А по нашему варианту в оборот попадают еще сто тысяч гектаров на территории Туркмении. Думаю, и эти земли пригодятся в дело!

Калька, которую развернул Беспалов, могла бы рассказать еще много. Вот станция Талимарджан. Пройдет немного времени, и здесь расплеснется водохранилище. Миллиарда на полтора кубометров. Вот Кызыл-Аяк. Здесь поставит свои плечи плотина гидроузла. Не только в Каршинскую степь отсюда пойдет вода. По верху плотины пролажет канал. Он пополнит воды Каракумского канала, остановившиеся возле Ашхабада, поможет Аму-Дарье добежать до Небитдага, а потом и до Каспия. Так судьба Каршинской степи переплетается с судьбой четвертой и пятой очередей грандиозной стройки в Туркмении. Но это завтрашний день. А сегодня?

Сегодня «ювелиры» уже ищут подходящую оправу для новой жемчужины Средней Азии. Идет переустройство нижнего течения Кашка-Дарьи. Строится Каршинский гидроузел, наполняется водой Чимкурганское водохранилище (тоже несколько сот миллионов кубометров!), ликвидируются мелкие, лишние, неряшливо прорытые каналы и арыки, возрождается древний канал Эски-Ангор. Переустройство оросительных систем в Каршинской степи добавит к действующему земельному фонду еще несколько десятков тысяч гектаров.

...Оглядим на прощание степные просторы.

Повсюду идет напряженная работа. Чабаны и агрономы, ирригаторы и разведчики нефти, изыскатели и хозяйственники заняты любимейшим делом человека — устроением земли.

Пожелаем же им по старому и доброму народному обычаю:

— Хармангызляр! Не уставайте!

КУРСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Фото М. САВИНА.

Официально годом открытия Курской магнитной аномалии считается 1783-й. Именно в тот год академик Петр Борисович Иноходцев доложил собранию Академии наук о замеченном им странном поведении магнитных стрелок на курской земле: они не показывали север. Но богатства Курского края были известны много раньше. Еще в 1742 году купцы Иван Гликин, Андрей Попов и их «компанейщики» прислали в Берг-коллегию образцы найденных ими руд, из которых даже выплавили чугун.

Несметны сокровища КМА! Даже трудно себе представить, как богата эта величайшая кладовая земли! Разработка, например, только разведанных месторождений снимает проблему железа для человечества на сотни лет. А ведь геологи наносят на карту все новые и новые залежи железных руд. Ныне термин «Курская магнитная аномалия» является весьма условным. Фактически территория КМА проходит сейчас по одиннадцати областям России и Украины и занимает площадь, равную площади Бельгии, Дании, Нидерландов и Швейцарии, вместе взятых.

И только в наши дни курские железные руды пошли широким потоком на металлургические заводы. В последние годы, выполняя наказ Ленина — сугубо энергично разрабатывать КМА,— здесь широко развернули строительство горных предприятий. Губкинский и Южно-Коробковский, Лебединский и Михайловский рудники дали уже миллионы тонн продукции. С каждым годом наращивается добыча руды, вводятся новые мощности. Началось строительство Стойленского рудника. Здесь, как и в Лебедях и Михайловке, руда будет добываться открытым способом. А впереди освоение Яковлевского и Гостищевского месторождений.

Месторождений много, каждое могло бы составить честь любому государству. И все же одно — Михайловское — по праву названо жемчужиной КМА. Тут богатые руды залегают на глубине всего лишь в несколько десятков метров.

Ровно пять лет назад, в осенние дни 1957 года, вблизи села Михайловки на гречишном поле я видел первые палатки строителей и горняков. Добираться сюда было трудно: ни автомобильных, ни железных дорог. Одну из заболоченных низин неспроста назвали Гусарской. Легенда гласит, что здесь потонул упрямый гусар вместе со своим конем, когда пытался пересечь низину.

Прошло пять лет. И совсем недавно поселок Железногорск был преобразован в город. Да, за пять лет вырос горный комбинат и многоэтажный город со своим домостроительным предприятием.

Из окон домика горного диспетчера карьер виден как на ладони. Смотришь на него и не можешь оторвать глаз.

Широкими террасами убегают цветастые горизонты. Вот выделяются черные, иссиня-черные пласты. Чуть выше над ними светло-желтые глины, перемежающиеся кое-где известняками. В глубь карьера пролегла буро-красная дорога, которую горняки называют рудным проспектом. По нему с короткими интервалами бегут порожние десятитонные самосвалы, тяжело урча, подымаются груженные рудой. Солнце играет в ржавых озерцах — вода в них, кажется, насквозь пропитана железом.

Здесь, в карьере, как бы встретились с сегодняшним днем далекие-далекие миры. Геологи по окраске, по многим другим признакам определяют возраст горизонтов: тому сотни миллионов лет, тому миллиард, а тому, самому нижнему, пожалуй, и все полтора миллиарда.

На горизонтах стоят мощные экскаваторы: гусеничные, шагающие и роторные. Последние впервые в горнорудной промышленности страны появились в Железногорске. Тут они получают свое трудовое крещение.

Железорудный карьер сейчас разворачивается на восток. Горняки существенно поправили проектировщиков. Они доказали, что на восточном направлении можно легче и больше взять богатой руды. Карьер раздвигается, обнажая могучие залежи.

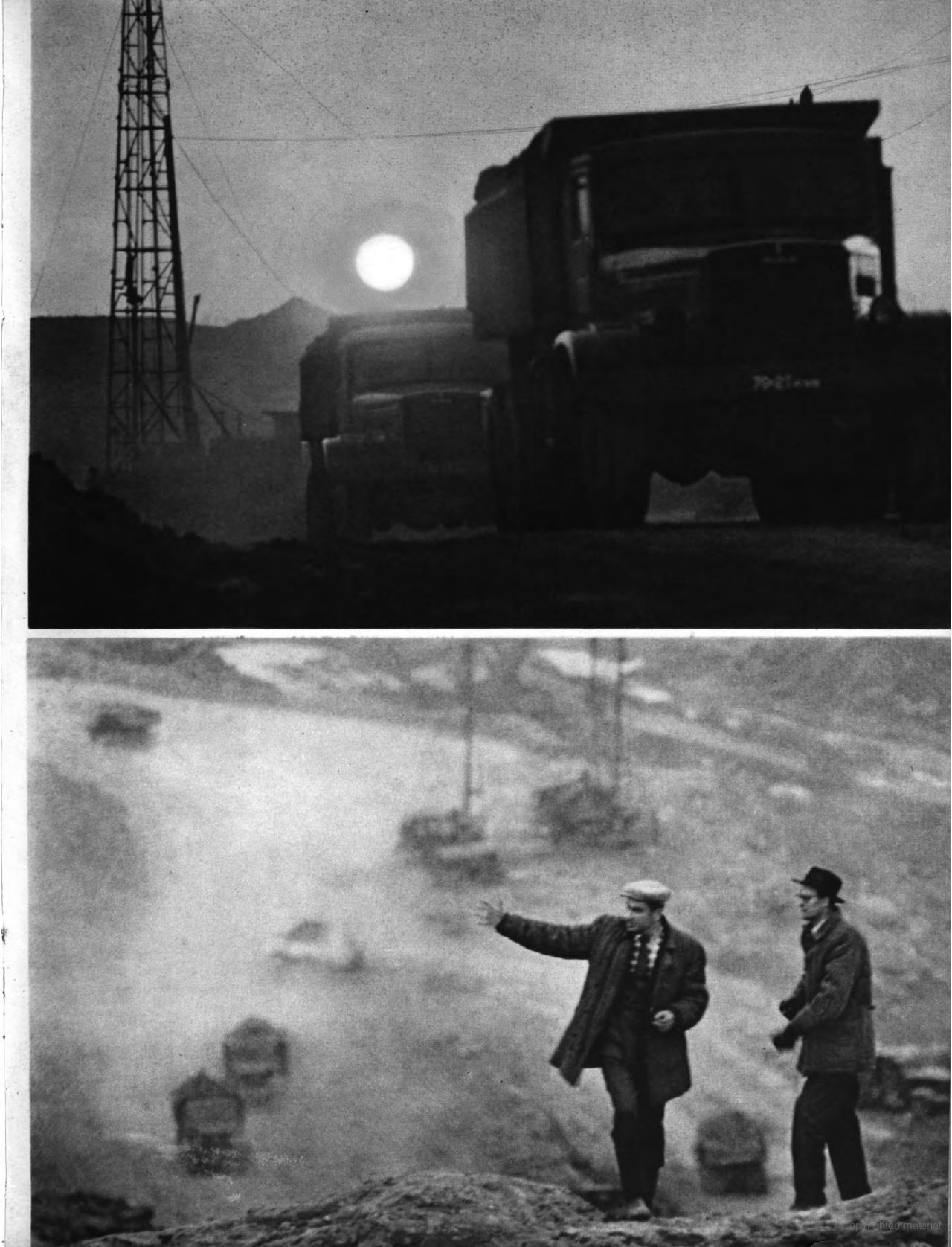
За пять лет здесь выполнено столько земляных работ, сколько, скажем, было на строительстве Волго-Дона.

Рудник перевыполняет план.

Л. МИХАЙЛОВ

Михайловский рудник. Тяжелой цепью движутся грузовики с рудой на дробильную фабрику.

Большим хозяйством руководят начальник карьера И. А. Ловицкий и главный инженер В. Г. Хомутов.

Римма КАЗАКОВА

Лирика

Березы

Две тоненькие, хилые березки —
две тоненькие хитрые бороздки
в душе твоей, под грубым пиджаком,
как будто бы натертой наждаком.
С утра шумишь ты, куришь, хрипло споришь —
слетают телефоны с рычагов,—
кричишь, пером строчишь, кроишь и порешь,
стаканами гремишь, громишь врагов.
Но вдруг — в их зимней красоте неброской —
наброском вырастают впереди
две тоненькие, хилые березки,
две тоненькие хитрые бороздки,
как две бороздки санного пути.
И вспоминаешь ты жену щемяще
в том беззащитном возрасте щенячьем,
в тех туфельках на низком каблучке,
с березовою веткою в руке.
И видишь годовалой свою дочку,
и маковкой береза ставит точку
над стриженой макушкой, на виду,
как дочкину счастливую звезду.
Куда бы ты ни шел и что б ни делал,
в твои несокрушимые недели,
как что-то, что и любим, а не ждем,
березы проливаются дождем.
И ты все тише хлопаешь дверьми.
И ты все тише говоришь с людьми.
И за дела по-доброму берешься,
берешься сердцем, а не кулаком.
И молоком парным парят березы —
добрейшим материнским молоком.

* * *

Большой мужчина девочку обманывает,
острит, что так положено от века.
Он веточку отламывает, обламывает.
Дрожит и грустно поддается ветка.
Она в руках топорщится, но тает.
Во что она поверила, зайчонок?!
Большой мужчина девочку листает —
от тапочек до пальчиков точеных.
Я сына научу, чтоб был он зол,
чтоб к девочке был строг, как будто к дочке,
чтоб первые горчащие листочки
не обрывал на муки и позор!
Будь злым, мой сын, гони девчонку вон,
когда ей задирает май юбчонку,
когда к себе, как бабочку, девчонку
влечет огонь — большой и мудрый вор.
Будь злым, мой сын, пусть слезы по лицу,
пускай, угрюмо закусив обиду,
она в стыду свою девичью придурь
стряхнет, как мотыльковую пыльцу.
Будь злым, мой сын, и знай, что предначертано
тебе за это — доброе, большое,
когда с высокой, гордою душою
к тебе придет твоя большая женщина.

Маша

Пятый год пошел, как Маша
провожает ваш отряд.
И целует всех подряд
и рукою грустно машет.

И открыто, как ребенок,
ждет — всего и нужно ей! —
чтоб из сумерек вагонных
улыбнулись, как своей.

Что ж вы, Юрий Николаич,
истуканом у окна?
Никакая, никакая
ей зарплата не нужна.

И подарок ваш стыдливый —
не увидел бы никто! —
Маша как-то суетливо
запихнула под пальто.

Не за это с вами в поле
пропадала в пятый раз.
Ей бы только подле, подле,
ей бы только возле вас!

Подошли бы, обхватили,
закружили б на весу...
Ведь в открытую ходили
к Маше летом там, в лесу.

И прохладными ночами,
жаркой нежности полна,
позабыв, что вы начальник,
обнимала вас она.

Днем — свой «парень», повариха,
всем геологам сестра.
Ночью — ваша повилика,
уголечек из костра...

Ту тропинку, тот овражек
листопадом занесло.
Без надежды смотрит Маша
на вагонное стекло.

В пятый раз уйдет, уедет.
Утешенья не нужны.
Снова Маше, как медведю,
под сугроб — и до весны...

Не сердитесь, бога ради!
Да, понять она должна,
что в далеком Ленинграде
ожидает вас жена.

А жена у вас такая...
В общем, Маше не чета.
Кто за Машу вас ругает,
тот не смыслит ни черта!

Вы с женой, конечно, пара.
Как она вам дорога!
Вы везете ей опалы
и лосиные рога...

Так езжайте! Не сердитесь.
Отойдите от окна.
Поудобнее садитесь.
Спойте. Выпейте вина.

Стынет Маша на перроне,
молчалива и строга.
Как жар-птицыно перо, ей
остается вся тайга.

Там нагнутся кедры к Маше,
и, чутки не по-людски,
к ней, шурша листвой опавшей,
прибегут бурундучки...

Первый снег

Когда первый снег нагрянет,
грязь покроет, слякоть сгложет,
это будет, как на грани
между правдою и ложью.

Разве ложь — поверить снегу?
Но — наивнейший поступок! —
по заснеженному следу
снова дождик в мокроступах.

Первый снег так слаб, непрочен,
первый снег — почти что небыль...
Разве ложь — поверить в прочерк
журавлей на сером небе?

Ложь ли, что так грешно — оземь! —
листья с материнских веток,
что нашептывает осень
очень трезвые советы...

Снег... Толкуем, как о неком
происшествии нелепом.
Мы в снежки играем снегом,
а живем насущным хлебом.

И комок в ладони теплой
тихо гасит синий лучик.
Говорим: смотрите, темный...
Чем он лучше всякой лужи?

Но светла природа снега!
Чист, как первый, самый храбрый,
снова снег повалит с неба
на хоромы и на храмы.

Упадет на мир усталый
снегом на голову, платой
по заслугам, чтобы стала
ложью ложь, а правда правдой.

И когда его суровой
белизны зажгутся искры,
мы поймем, что был основой
первый,
хрупкий,
бескорыстный.

Среди машинистов экскаваторов первенство держит Л. М. Родионов.

Машиной будущего выглядит современный роторный экскаватор.

ВО ВРЕМЯ СОЛНЕЧНОГО ШТИЛЯ

Н. В. ШЕБАЛИН,
ученый секретарь Советского геофизического комитета

Среди названий крупных научных мероприятий нашего времени совсем недавно прозвучало новое — Международный год спокойного Солнца... Что же скрывается за этими словами? Солнце — разве бывает оно спокойным или неспокойным? И почему этому «спокойному Солнцу» нужен именно год? К тому же зачем обязательно «международный» — разве не одно и то же Солнце сияет над Сибирью и Канадой, над Австралией и Южной Америкой? Ответы на эти вопросы не очень просты, но они касаются чрезвычайно интересных и важных областей науки о Земле — геофизики.

Мы еще плохо знаем Землю — нашу колыбель и наш родной дом, плохо знаем и ближайшие окрестности Земли. Но уже твердо установлено, что процессы, происходящие в недрах Земли, на ее поверхности, в водной и воздушной оболочках, тесно связаны между собой. К тому же геофизические явления, такие, как тайфуны, морские течения или магнитные бури, охватывают огромные территории. Геофизика, наверно, самая «международная» из всех естественных наук. «Одновременно и на всей Земле» — таков сегодня девиз геофизических наблюдений.

Впервые эта идея была осуществлена во время Международного геофизического года (1957—1959), когда в течение почти тысячи дней огромная армия наблюдателей и исследователей 65 стран мира, работая по согласованным программам, накапливала бесценные материалы. В те же годы сначала советские, а вслед за ними и американские ученые и инженеры создали новое, небывалое по эффективности средство для исследования нашей планеты — искусственные спутники Земли.

Спутник, за полтора-два часа огибающий Землю и несущий на себе различные приборы, совершил подлинную революцию в геофизике. Оказалось, что он может быть и землемером, и исследователем земных недр, и предсказателем погоды. Однако наиболее важными были открытия, сделанные при помощи научной аппаратуры спутников и космических ракет в окружающем Землю пространстве.

Раньше думали, что по орбите вокруг Солнца в однородном, почти пустом космическом пространстве перемещается твердый шар Земли, окруженный легкой дымкой атмосферы. Теперь же выяснилось, что с твердой Землей связана целая система так называемых поясов радиации. Магнитное поле Земли оказалось как бы огромной ловушкой, которая захватывает и заставляет в определенных кольцевых зонах метаться по замкнутым сложным орбитам полчища заряженных частиц. Кольца эти так велики, что Землю, окруженную ими, можно сравнить с орехом, положенным в середину бублика. Вещество поясов чрезвычайно разрежено.

Пояса радиации образованы взаимодействием земного магнитного поля, газовой оболочки Земли и солнечного излучения. Но если магнитное поле и земная атмосфера сравнительно постоянны, то о деятельности Солнца этого сказать нельзя. Уже давно ученые установили, что примерно каждые одиннадцать лет происходят заметные изменения на поверхности Солнца. Раз в одиннадцать лет в его кипящей атмосфере увеличивается число взрывов, выбрасывающих раскаленные потоки заряженных частиц в окружающее пространство. Раз в одиннадцать лет астрономы наблюдают увеличение числа солнечных пятен — этих слегка остуженных «шрамов», остающихся после взрывов на поверхности Солнца. Но эта периодичность, как и природа солнечных пятен и вспышек, полностью еще не разгадана. Зато хорошо известно, что Земля не остается безучастной — на ней вспыхивают зори полярных сияний, мечутся стрелки компасов, нарушается радиосвязь и даже, как думают некоторые ученые, немного замедляется на время вращение самой Земли. И не случайно проведение Международного геофизического года было приурочено к очередному максимуму солнечной деятельности, который ожидался в 1957—1958 годах.

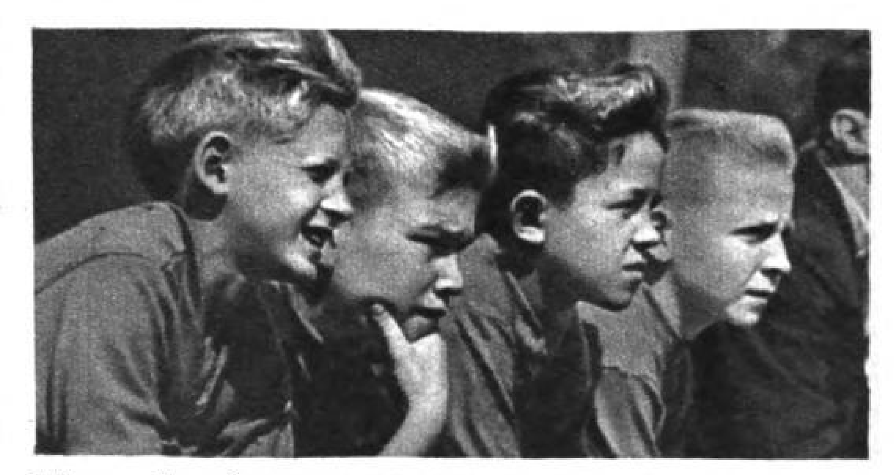
Сейчас ученые заняты обработкой полученных во время Международного геофизического года наблюдений. Рождаются остроумные теории, объясняющие сложные процессы в верхних слоях земной атмосферы. Так, например, ученые предполагают, что воздействие Солнца во время больших вспышек как бы приоткрывает магнитные ловушки поясов радиации, и накопленные заряженные частицы, «просыпавшись» оттуда в верхние слои атмосферы, вызывают полярные сияния, нарушают строение ионосферы, благодаря которой возможна дальняя радиосвязь. Потревоженное при этом магнитное поле Земли заставляет отклоняться стрелки компасов и дезориентирует движение судов и самолетов.

Многое уже сделано, однако ученым стало ясно, что нельзя до конца понять законы взаимодействия Солнца и поясов радиации, если основываться только на наблюдениях, проведенных в период максимума солнечной деятельности. Для сравнения совершенно необходимо провести подобные же наблюдения в середине одиннадцатилетнего периода, когда должен наступить минимум солнечной активности. В ближайшие годы не произойдет никакого уменьшения солнечного света и тепла, посылаемого на Землю. Но бурные процессы на поверхности Солнца сменятся относительным спокойствием, воздействие Солнца на Землю будет более ровным. Подобно тому, как во время шторма хорошо изучать океанские волны, но трудно брать пробы забортной воды или вести измерение морских течений, так и во время «солнечного штиля» будут внимательно изучаться те процессы, которые трудно наблюдать во время солнечных бурь.

Сорок одна страна заявила о своем намерении участвовать в Международном годе спокойного Солнца. И, конечно, важное место в программе занимают исследования советских ученых. Как всегда, тесным будет содружество ученых социалистических стран, которые уже в октябре

В день игры.

Сейчас — на трибунах, через полчаса — на поле.

Нет в городе афиш об этих футбольных встречах, но множество зрителей сидит на трибунах стадиона Юных пионеров, и, как в часы большого футбола, а может быть, еще горячей бушуют страсти.

— Дети же совсем, — говорит заслуженный мастер спорта Владимир Александрович Степанов, старший тренер коллектива юных футболистов «Спартака».— Мы в тринадцать лет гоняли резиновый, а то и тряпичный мяч во дворе, да и то когда не видел управдом!

Эти мальчишки тоже гоняли мяч во дворах. Но потом они узнали из объявлений, что спортивные общества «Динамо», «Спартак», «Труд», «Буревестник», «Локомотив» и другие приглашают их к себе. Во дворы и в школы пришли

Они играют.

Левый крайний спартаковцев Володя Федосеев.

А если неудача? Ничего, сами обсудят, исправят!..

известные мастера футбола, подолгу говорили с разгоряченными форвардами и защитниками: «Футбол, вижу, любите. Но ведь надо еще уметь, верно?..»

Мальчишки валом повалили в футбольные секции спортивных обществ. Герои дворовых футбольных баталий стали серьезно заниматься спортом. Они научились не скучать, когда вместо кожаного мяча получали девчоночью скакалку, когда вместо игры в футбол их заставляли бегать и делать гимнастические упражнения. Ребята понимали, что это нужно, что если не будешь выносливым и ловким, не справишься с мячом.

И вот играют мальчишки. Юный «Спартак» встречается с юным «Торпедо».

Как играют? Здорово! Даже совсем здорово, если вспомнить, что футболистам по тринадцать лет. Старшие вооружили их техникой, научили ориентироваться на поле, закалили. Ну, а задор свой, его не занимать!

Футбол мальчишек — дело хорошее, нужное. Оно начато в этом году и будет продолжаться из года в год. Специальный приз Малого футбола учрежден для тринадцатилетних!..

— Я уже давно играю, с восьми лет, — говорит нам Саша Юдин, коллега Игоря Нетто, самый молодой спартаковский капитан,— хочу быть мастером. У нас, знаете, какая команда, тут надо во как играть!

Саша дает первое в жизни интервью, а сам нетерпеливо поглядывает на поле, куда уже вышли после перерыва его ребята. Хочется скорее сказать ему: «Ну, беги, парень, играй на здоровье, в добрый час!»

Мальчишек

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

этого года соберутся в Будапеште для согласования научных программ.

Быстро меняющаяся поверхность Солнца должна наблюдаться непрерывно. Но по мере того как вращение Земли будет уносить Солнце к закату, все новые и новые наблюдатели должны перехватывать с востока на запад солнечную эстафету. В течение долгих полярных ночей в Арктике и Антарктике будут щелкать затворы специальных камер, запечатлевающих на одном снимке полыхание полярного сияния на всем небосводе. Точные радиоустройства будут регулярно зондировать ионосферу. На планшеты лягут новые маршруты магнитной съемки. Чувствительные гальванометры запишут всплески слабых токов у поверхности Земли, чутко отзывающихся на все возмущения магнитного поля. Новые искусственные спутники Земли понесут по орбитам свои приборы.

Не только ученые, но и практики — специалисты во многих отраслях хозяйства заинтересованы в результатах, которые появятся после обработки полученных материалов. Они нужны для решения проблемы устойчивой радиосвязи и планетарной системы телевидения. Они помогут понять законы, управляющие циркуляцией земной атмосферы,— основу точного прогноза погоды. Без этих результатов нельзя будет найти безопасные пути в глубины космического пространства.

Но, может быть, наиболее важным в эти годы будет дружная совместная работа ученых разных стран. Мы надеемся, что согласование научных программ будет способствовать прекращению безответственных «опытов» американских атомщиков в космосе. И во время Международного года спокойного Солнца и во все времена в космосе и на Земле должны царить спокойствие и мир.

ОБОГРЕВ... ДЫХАНИЕМ

Может ли космонавт обогреть свое тело одним дыханием?.. Эту проблему пытаются сейчас разрешить американские химики.

...Свежий воздух через клапаны поступает в шлем. А выдыхаемый — проходит через несложное химическое соединение — натриево-алюминиевый гидрид. В результате химической реакции из водяных паров (содержащихся в выдыхаемом воздухе) высвобождается водород. По гибким трубкам он направляется к ботинкам и перчаткам, где с помощью специальных установок он сможет гореть и, по замыслу специалистов, подогревать ноги и руки космонавта. Впрочем, такими костюмами могут воспользоваться и полярники, которые хорошо знакомы с «космическим» холодом Антарктиды и Северного полюса.

«ШЛЕМ КОСМОНАВТА» В МЕДИЦИНЕ

«Нарушен обмен веществ» — можно услышать от врачей, когда они после длительных анализов устанавливают причины чрезмерной полноты человека. Однако принятые методы анализа не позволяют врачам поставить точный диагноз быстро и без ошибок.

С совершенно неожиданной стороны помощь оказали изотопы. Врачи предложили ввести в меню больного масло, в составе которого находится мизерное количество радиоактивного углерода. Сразу после приема пищи больной надевает герметично прилегающий, как у космонавта, шлем.

У людей, страдающих болезненной полнотой, с дыханием выходит значительно меньшая доля радиоактивного углерода, который в основном переходит у них в жир. Диагноз заболевания устанавливается простым анализом выдыхаемого воздуха.

ВОКРУГ СВ

Лидия ФОМЕНКО

вгуст — конец лета. Месяц жатвы. Каков же наш литературный урожай, если собирать его в «толстых» журналах и если, отступив от слагающейся в «Огоньке» традиции, обратиться к произведениям иностранных авторов? Совершить, так сказать, литературное путешествие вокруг света?

Разумеется, напечатанное в последних номерах журналов не может дать полного представления о зарубежной литературе. И все же картина переводных произведений даже при чтении восьмых номеров в известной мере проясняется. В разное время именно журналы открыли советскому читателю имена Фолкнера, М. Уилсона, Сент-Экзюпери, Стоуна, Грэма Грина, Мартти Ларни, Бёлля, Селинджера, Моравиа, писателей социалистических стран: К. Брандыса, В. Минача, И. Петрова, Я. Отченашека, Лао Шэ и еще многих. Широким потоком влилась в наш читательский фонд литература Востока и Азии. Открылись целые миры, мы прикоснулись к неведомой нам ранее, своеобразной и красочной культуре.

Оценочный момент лежит уже в самой системе отбора произведений для перевода. Просматривая восьмые, августовские, номера журналов, перелистав и несколько предыдущих номеров, вы убеждаетесь, что отбор произведений идет по линии очень узкой. Вы обнаруживаете, что зарубежная литература (будто бы!) знает только одну тему.

Это минувшая война.

О ней пишут ради мира на земле. Слова «это не должно повториться» служат эпиграфом ко всем вещам.

Какие романы мы прочли за последнее время? Дитер Нолль «Приключения Вернера Хольта», Пьер Куртад «Красная площадь», Антуан де Сент-Экзюпери «Военный летчик»... Не будем продолжать. Названное — самое примечательное, что напечатано за последние месяцы.

Может быть, журналы выбрали произведения одной лишь военной темы, пленившись художественной оригинальностью их? Думать так было бы не совсем верно. Из трех упомянутых романов самый поэтичный и оригинальный по своему решению — «Военный летчик» Антуана де Сент-Экзюпери. Журнал «Москва» не первый раз печатает его произведения. Несколько лет назад журнал опубликовал прелестную сказку «Маленький принц», написанную Сент-Экзюпери, погибшим в 1944 году.

«Военный летчик» интересен прежде всего по форме. Это не только батальная картина, исполненная ужаса бессмысленных потерь, невнятных приказов растерявшихся командиров, тупеющих от непонимания рядовых, участвующих в битве... Сент-Экзюпери размышляет. Он докапывается до тайников души героев. «Военный летчик» — исповедь человека на этой войне. Он живет, он мыслит, он десятки раз пробегает внутренним взором весь свой жизненный путь. И снова, как и в романе «Земля людей», писатель проповедует важную для него мысль-открытие: «Человек не умирает... Человек не что иное, как узел связей. И только отношения имеют значение для человека». Военный летчик в промежутках между боями думает о том, что сила его и его друзей в связи с полком, с товарищами, с миром: «Я часть Гийомэ, я часть Гавуаля, я часть Ошедэ. Я часть полка 2/33. Я принадлежу моей стране. И все из моего полка принадлежат ей». Он часть полка, общества, наконец, часть чего-то поистине большого, величественного. Из таких, как он, слагается история.

Мягкая ирония, сдабривающая размышления, тонкая поэтичность, перемежающаяся суровыми драматическими сценами, афористичность языка отличают прозу Сент-Экзюпери.

Но самое манящее в ней — философия и поэзия жизнелюбия. «Единственная победа, в которой я не могу сомневаться, это победа, заключенная в силе брошенного зерна». И само письмо Экзюпери, как это зерно. Оно брошено в почву, и оно не может не прорасти, это песнопение товариществу, человеческим отношениям. Целый моральный кодекс, завещание ушедшего боевого друга: люди, бойтесь губительного индивидуализма, вы — люди, покуда признаете ценность человеческих отношений.

Подобные произведения — прекрасный урок нашей молодой литературе. Ведь не секрет, что в последние годы мы нередко печатали зарубежные книги, носившие следы индивидуалистического снобизма. Книги эти были эффектны, привлекательны. Иные из наших молодых авторов обольстились мишурным блеском индивидуализма и умудрились даже нашего советского воина изобразить этакой беззащитной единицей, оказавшейся пешкой в жестких руках военной судьбы. Сам себя лишив общественных связей, он сделал опрометчивые шаги к трусости, к моральной деградации. Об этом уже много писали в критике, анализируя повесть Булата Окуджавы «Будь здоров, школяр!» и произведения некоторых молодых авторов. Их не успел предупредить от тлетворного влияния какой-нибудь мудрый, добрый друг, как это сделал в свое время Ромен Роллан, обращаясь к тем «молодым» из литературных кружков, которые предаются нарциссизму искусства, расточающему себя на бесплодные наслаждения перед зеркалом. Из «нарциссизма» вышли и все особенности наиболее распространенного типа, обрисованного в современной зарубежной литературе, завораживающей своей «необычностью» и «новизной» иных наших писателей. О характерных приметах этого героя хорошо написал Д. Затонский в брошюре «Герой и автор»: «Это люди нравственно травмированные, тяжело переживающие свое «душевное неблагополучие», борющиеся с ним. Но борющиеся в трагическом и немом одиночестве... Вокруг пляшет, смеется и подличает жестокий, слепой, ничего не понимающий мир. И они привыкли скрывать свою болезнь, как нечто позорное... Они привыкли плясать, смеяться и даже немножко подличать вместе со всеми и молчать».

Именно «немножко подличать». А это «немножко» действует на наших молодых гипнотически, как черта «правды», «жизненности», как якобы неотъемлемая сущность того, что называют «настоящим человеком», а не «прописью». И, конечно же, это идет от чуждого нам, противоречащего нашему гуманизму влияния. Отдавая этой «правде» «немножко» честности, «немножко» благородства, легко не заметить грани, где кончается это «немножко» и начинается пренебрежение нравственными завоеваниями литературы. А Запад знает и истинное, бескомпромиссное благородство настоящих парней, не утративших человеческого достоинства на войне. И мужественная, тонкая, благородная книга военного летчика не единственная в этом ряду.

В наших литературоведческих статьях мы говорим о взаимосвязях советской и зарубежной литературы, пишем о том, что нужно выявлять не только наше влияние на литературу зарубежную, но и дать трезвую оценку обратного влияния.

Роман Дитера Нолля («Иностранная литература» №№ 4, 5, 6, 7) по форме — тоже исповедь. Исповедь, непомерно разросшаяся, вобравшая в себя почти каждый день, каждую излучину пути героя, Вернера Хольта. Но при такой дотошной детализации роман этот — странно! — как будто бы даже недостаточно аргументирован. Путь юного нациста к гуманизму и, как пишет в предисловии к роману Александр Бек, к социализму, усеян лишь внешними поводами, толкающими его к правде. Обилие драк, мелких и крупных подлостей, подстраиваемых «героями» друг другу, сочно выписанный быт сначала гимназистов, затем юнкеров и уже позднее солдат отступающей армии «великого рейха» — может быть, единственно достоверные детали этого очень неровного романа.

Знакомство Хольта с Утой Барним, имеющей кое-какое касательство к антифашистам, встреча с Гундель, чувство восхищения и ужаса перед словацкой девушкой, убившей немецкого офицера,— все это лишь слагаемые, подчас чисто механические, приводящие Вернера Хольта к истине.

Прямолинейны и одномерны центральные образы романа: фанатичный нацист Гюнтер Цише; ищущие юноши с чертами гуманности и правдолюбия, Гомилка и сам Вернер Хольт; олицетворение одержимого милитаризма — Гильберт Вольцов. Пожалуй, эта последняя фигура выписана с наибольшей достоверностью и последовательно доведена до естественного гибельного финала.

К сожалению, Дитером Ноллем утрачена даже та, пустившая глубокие корни ремарковская традиция, когда сквозь самые мрачные, предельно натуралистические сцены просвечивала высокая человечность, правда любящего сердца. Роман Нолля рационалистичен. Разумеется, он вызывает отвращение к фашизму и милитаризму силой своей сатиры. Позитивный же смысл романа, защита гуманизма здесь значительно приглушены.

Во Франции в расцвете политический роман. Это явление дорого советскому читателю, как дороги идеи коммунизма и прогресса всем честным людям.

Интересен по материалу роман Пьера Куртада «Красная площадь» («Иностранная литература» №№ 6—8). Это — раздумье о сегодняшнем дне коммунистических партий; о человеке, поверяющем героическим вчера нашу современность; о той буре, которую в сознании коммуниста произвели события 1956 года, года XX съезда КПСС. Симон Борд — истый француз, с упоением танцующий на массовом народном празднике 14 июля, признающий едва ли не главным из свойств человеческой натуры плотскую любовь, смакующий романскую поэзию, философию, все духовные богатства нации, не устающий часами любоваться набережными, парками, площадями Парижа,— этот жизнелюб и эстет делает первый шаг к коммунизму, увидев в 1935 году советский фильм «Броненосец «Потемкин». Истина века пришла к нему с экрана. Но ее одной было недостаточно, чтобы сделать вывод для себя на всю жизнь. Нужна была еще и «странная война», и огонь Сопротивления, и бессмысленная смерть друга Прево, сбитого грузовым автомобилем, и героическая гибель рабочего-комму-

ЕТА

ниста Гранжа, и встреча с отважной разведчицей из маки Жюстиной-Лоранс, и постоянное впрыскивание идей «ортодоксальным» Казо.

Пьер Куртад настойчиво подчеркивает, что при этом Симон не перестает любить, ревновать, веселиться, грустить, любоваться эстетическими ценностями, в чем-то убеждаться, сомневаться и снова обретать уверенность — словом, продолжает жить полной, многогранной жизнью, своим обликом и поведением давая понять окружающим: я таков, как я есть, и я против, категорически против догматизма. Мертвые, закостенелые нормы несовместимы с коммунизмом, и автор подтверждает это фигурой твердокаменного Казо.

Симон говорит ему: «Ты — скала. Ты — наш Сен-Жюст. И эта «скала», этот «Сен-Жюст» — Казо — в трудную для партии минуту, когда нужно было призвать всю щедрость и богатство души, всю гибкость и остроту ума, «выходит из игры». Ему не понять, как быть дальше коммунисту, если раскрылась трагедия культа Сталина.

Словом, политических проблем в романе много. Однако и внутренний мир Симона занимает здесь достаточно места.

Размягченный, рефлектирующий Симон, с фанатическим упорством доказывающий, что коммунист — человек, со всеми сильными и слабыми его чертами, оставляет впечатление фигуры в литературе не новой. Того, что мы обыкновенно называем художественным открытием, здесь не произошло.

Симону все еще не хватает ясности политического взгляда: «Многое из того, что говорил Казо, уже навязло в зубах, и я твердо знал, что наступит время — да и не наступило ли оно уже? — когда разговоры о Сталине и культе его личности будут волновать не больше, чем в наши дни спор историков о Наполеоне... Я слушал его с таким ощущением, какое испытывает, вероятно, верующий католик, увидев своего бывшего сурового исповедника, своего строгого духовного наставника в кафе на бульваре в гражданском платье».

Этот спор, претендующий на серьезный политический характер, построен так умозрительно, а сами истины настолько сомнительны, что все это снижает значение политического романа. В творчестве Куртада мы знаем бо́льшие удачи. Читатель помнит его прекрасную книгу «Джимми».

В 8-м номере «Нового мира» центральное место занимает роман польского писателя Тадеуша Брезы «Лабиринт».

...Молодой поляк, доктор прав, приезжает из Кракова в Рим с «мемориалом», чтобы уладить в папской курии дела отца. Консисторский адвокат — отец героя — попал в немилость к своему епископу, и тот лишил его права вести дела, ущемив его честь и подорвав материальное благополучие.

Мне представляется логическим следующий финал: ранее индифферентно относившийся к событиям на родине, герой станет настоящим гражданином социалистической Польши.

Как видим, форма исповеди, дневника, воспоминаний, то есть жанров лирических, — одна из самых распространенных. У Брезы, так же как у Нолля и Куртада, исповедь окрашена политическим колоритом. Не навязчиво, с художественным тактом Бреза подводит читателя к решающим проблемам современности, к идее гуманизма, честности и чистоты нового, социалистического строя.

Листая восьмые номера других журналов, наталкиваешься на рубрику «Иностранная новелла». Этот отдел, мне кажется, имеет смысл лишь тогда, когда редакторы отыскивают жемчужины новеллистического искусства.

Но, к сожалению, бывает иначе. В августовской книжке журнала «Знамя» напечатана новелла английского писателя Алана Корена «Уединенный тихий уголок». В название вынесена строка стихотворения Марвела:

Поистине, завидное владенье,
Уединенный тихий уголок...

Докопаться до смысла новеллы просто невозможно. Речь идет о мелком служащем Альфреде Тернбуле, который устал от повседневного филистерского существования.

Воскресенье. Безделье. Жена ворчит, требует прихода домой ровно к часу дня. Обед должен быть вовремя. Тернбул выходит из дому. Направляется в пивную. Там только ощущает, что он личность. Начинается «бунт». Бунт против мещанства, против филистерства? Добро бы автор не сочувствовал Тернбулу! Но он словно сам уверен, что есть смысл укрыться от бури жизни в тихом уголке.

Не отличаются большой идейной глубиной и некоторые другие переводные произведения. В журнале «Урал» сочли возможным напечатать один из ранних детективных романов Грэма Грина «Тайный агент». Это уже погоня за читателем, за подписчиком.

Отрадное явление в современной переводной литературе — пьеса турецкого сатирика Азиза Несина «Пойдите сюда!» («Иностранная литература» № 8).

Здесь есть глубокая страсть человека, любящего всей душой искусство. Мастер по сольфам (музыкальный инструмент) Матех и его подмастерья живы единым искусством, той музыкой, которую дано услышать не всякому. Человек, делающий зло, не слышит звуков сольфы. Драматург утверждает, что настоящее искусство не продается. Оно может заменить человеку все: семью, любимую, дом, весь привычный обиход. И когда мастер изменяет искусству, он уходит из жизни.

В «Иностранной литературе» интересен отдел публицистический, к которому я бы отнесла и острую статью Якова Фрида «Об авантюризме мысли и действия», и переписку американского майора Клода Изерли, сбросившего свой чудовищный груз над Хиросимой, с венским писателем и философом Гюнтером Андерсом, и даже информацию (часто очень содержательную) под рубрикой «Культура и современность. Обозрение зарубежной прессы».

Истинное эстетическое наслаждение доставят читателю рисунки и литературные портреты Адольфа Гофмейстера.

* * *

Следует сказать о критике зарубежной литературы... Но это уже разговор особый. Он касается большого раздела нашей советской критики. «Зарубежники» — отряд многочисленный, квалифицированный. Что же касается журналов, то они редко предоставляют свое поле для действия этому хорошо вооруженному отряду. Ни в одной августовской книжке нет статей или хотя бы рецензий, откликов на зарубежные новинки. Маленькая заметка Л. Копелева о книге Стефана Цвейга («Москва») исчерпывает в августовских номерах эту важную тему.

Даже в самой «Иностранной литературе» критике уделяется мало места. Время от времени появляются содержательные статьи И. Анисимова, Т. Мотылевой, А. Аникста, А. Елистратовой, Е. Трущенко... И все же этого недостаточно. Должен быть такой литературный центр (и, мне кажется, это прежде всего журнал «Иностранная литература»), где бы получали четкую оценку переводные произведения. Они весьма неоднородны не только по своему художественному уровню, но и по идейной направленности. В этом большом хозяйстве необходимо разобраться.

Публикуя произведения писателей различных творческих направлений и даже разных политических убеждений, издатели ждут, очевидно (а главное, ждет этого читатель), что книги будут оценены, проанализированы. Но вот что странно: молчит критика и литературоведение. Или читателю приходится довольствоваться общими статьями и заверениями, что все появляющиеся у нас книги прогрессивные, передовые, народные. Самые разные писатели выступают в этих статьях в общем реестре; их перечисляют через запятую, объединяя одной-двумя ходкими формулами (чаще всего спасительным термином «критический реализм»).

Нам дороги шаги, которые делают те или иные писатели в борьбе народов за мир, но они не лишают нас права критически относиться к художественным произведениям этих писателей. С той же принципиальностью и непредвзятостью, с какими советская критика оценивает произведения своих соотечественников, должны быть рассмотрены и книги зарубежных друзей. Это единственно правильная позиция. И поэтому было бы неверно, высоко оценивая общественные выступления того или иного писателя, считать за пределами критики все то, что им написано.

Писать конкретно и непредвзято обо всем этом — значит не сдаваться в идеологической борьбе.

За последнее время наиболее острыми и боевыми показались мне работы Б. Сучкова и Д. Затонского.

В самой «Иностранной литературе», на мой взгляд, недостает пристального внимания к действительным жемчужинам. Здесь предпочитают рецензировать книги, которые не вышли и, быть может, никогда не появятся на русском языке. В таком случае каков же смысл этих рецензий? Кому их рекомендуют? Знатокам? Как правило, рецензии эти крайне однотипны, в них излагается содержание, за которым вы с большим трудом пробьетесь к художественной форме книги. Даже такая «мелочь», как жанр, зачастую обходится в рецензиях. Выгодно отличается от безликого описательства статья Евгении Книпович о югославском писателе Иво Андриче. О нем сказано не только квалифицированно, но и тепло, проникновенно, с добрым желанием уловить обаяние и свежесть романа «Мост на Дрине».

* * *

Мы могли бы совершить кругосветное путешествие по литературам зарубежных стран. Могли бы... Но оно, это путешествие, не стало кругосветным. Ограничены его маршруты. Они даже более скромны, чем известный туристский маршрут на теплоходе «Победа» вокруг Европы.

Может быть, следующие месяцы принесут более обильный урожай.

ОБОР

Юрий НАГИБИН

Рассказ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

В сентябре прошлого года я впервые приехал на озеро Великое не вольным стрелком, а «гостем» недавно созданного охотхозяйства. Между охотничьим домиком и конторой находилась стоянка для машин. На желтом фанерном щите нарисована буква «Р» — совсем как в Москве. Здесь сгрудилось до десятка автобусов и крытых брезентом грузовиков. Автобусы принадлежали заводу имени Лихачева, первенствующему в столице по числу любителей охоты и рыбалки, грузовики — разным московским предприятиям. А слева, там, где располагались службы, между двух сосен была натянута проволока и к ней подвешен дорожный знак, запрещающий въезд.

Мне показали начальника базы. Он стоял на круче, возле деревянной лестницы, сбегающей к лодочной пристани, широко расставив ноги и заложив руку за борт военного кителя. Я подошел и представился.

— Буренков! — назвал он себя, не подавая руки.— Разрешение на охоту имеется?.. Карта отстрела?..

Я протянул ему охотничий билет и карту отстрела, выданную в Москве. Он не взял документов, лишь скосил на них строгий, проницательный взгляд из-под нахмуренных бровей.

— Койка оплачена?..

Я показал ему квитанцию.

Мне было немного грустно. Не так начиналась моя охота в прежние годы. Перебравшись на челноке через широкий разлив Пры под Ялманом и поднявшись на малый бугор, я входил в избу моего многолетнего спутника по охоте Анатолия Ивановича и слышал его спокойно-радостный голос: «Явился? А мы тебя еще вчера ждали!» А потом начинались расспросы о Москве, есть ли в магазинах пшено и колбаса, какие идут фильмы, что поделывают Курилыч и Курахтаныч (так он переиначивал отчества наших общих друзей: Кириллович и Иоганнович). Я, в свою очередь, расспрашивал его о зимней рыбалке, о делах бедного, но упрямо стремящегося к лучшему подсвятьинского колхоза, о том, как в нынешнем году справили ильин день, самый сокрушительный мещерский праздник...

— Теперь вы уже на вечерку поедете, — повелительным тоном сказал Буренков.

Утренняя зорька давно отгорела, но, когда идет северная дичь, это не имеет решающего значения. Гоголи, чернеть, чирки-свистунки налетают в течение всего дня. Я сказал об этом Буренкову.

— Ладно, располагайтесь,— недовольно произнес Буренков.— Я подыщу вам егеря.

— Можно мне поехать с Анатолием Ивановичем?

— С безногим? Он егерем у нас не служит. В плотницкой бригаде.

Я это и сам знал, но надеялся, что Буренков разрешит. А он отвернулся и медленно зашагал прочь, маленький, коренастый, непреклонный.

Подходя к охотничьему домику, я услышал скрежет рубанка и редкий, звонкий постук молотка. Я обогнул домик и сразу увидел Анатолия Ивановича, тесавшего доску; немного в стороне пожилой плотник с подвязанными тесьмой седыми волосами сколачивал какой-то ящик.

Свидание наше вышло невеселым. Анатолий Иванович словно стыдился того, что не может меня сопровождать, а мне было неловко, что я изменил — пусть невольно — нашему долголетнему содружеству.

— Над чем это вы трудитесь? — спросил я.

— Уборную строим,— отозвался егерь.— Как говорит наше начальство, писсуар.

Рядом, в орешнике, виднелось несколько наземных скворечен, покрашенных в ярко-зеленый цвет.

— Вроде и так хватает!..

— А Буренкову мало. У каждого своя страстишка. Нам-то чего? Прикажут — все Великое уборными обстроим.

Разговор не клеился. Анатолий Иванович ничего не спросил ни о пшене, ни о новых фильмах, ни о Курилыче с Курахтанычем. Видно, он тяжело переживал свою отставку от любимого дела. Я догадывался об этом и раньше по его скупым письмам и никак не мог взять в толк, почему охотхозяйство не захотело воспользоваться услугами лучшего на Великом егеря. Но, познакомившись с Буренковым, я уже ничему не удивлялся...

Оформив свой приезд и получив койку, я оделся для охоты и пошел разыскивать Буренкова. Нашел я его на том же месте, возле лестницы, в той же величавой позе. Оказалось, он еще ничего не сделал и, похоже, просто забыл о моем желании отправиться на охоту сейчас же. Я снова объяснил Буренкову, что гоголей, чернеть и чирков-свистунков можно стрелять весь день, и он зашагал в сторону застекленной террасы. Я последовал за ним. На террасе стоял бильярдный стол, над ним трудились двое: щуплый усатый человечек в замасленном комбинезоне и рослый детина в ватнике, из-под которого раструбом торчала синяя застиранная сатиновая рубаха, в истертых до зеркального блеска галифе и порыжелых, стоптанных сапогах. Когда мы вошли, детина как раз послал шар в угол. Шар пронизал лузу с оборванной сеткой и ударился в стену, отщепив кусок штукатурки. При виде начальства человечек в комбинезоне прислонил кий к стене и выскользнул из бильярдной.

— Семен, поедешь с товарищем,— сказал Буренков.

Не оборачиваясь, Семен нацелил шар в середину, смазал и положил кий на порванное, кое-как заштопанное сукно бильярда.

— Ступайте к лодкам,— повернулся он ко мне.

И вот мы плывем в синей лодке по тихой, темной воде. Семен лениво шлепает веслами. Он то погружает их слишком глубоко, и натужливый гребок почти не дает толчка, то скользит лопастями по поверхности воды, обдавая меня холодными брызгами. Он не умеет грести, этот рослый, плечистый парень; его большие крапчатые руки поросли густым рыжим пухом. Такими бы руками горы ворочать, валить леса, подымать целинные пласты, а они не могут совладать с легкими веслами...

Восьмой час утра. Но солнце позднего сентября, даже поднявшись вровень с верхушками сосен, совсем не греет. Жемчужно запотелая сита льдисто холодна на ощупь. Мы плывем медленно, лодка застревает в сите, цепляет килем дно, глинисто взмучивая прозрачно-лиловую воду. Долбленые кормовки местных охотников куда проходимее. Впереди открывается Великое с островами, корями, заводями. И странное зрелище возникает перед моими глазами: озеро наискось, от горловины Дуняшкиной заводи до Прудкова, словно поросло пальмами. Извилистой цепочкой убегают высокие, стройные, трепетно зыб-

кие в розоватом утреннем тумане пальмы к дальнему берегу озера.

— Что это, будто пальмы? — спросил я егеря.

— Игде?

— Да вон, вон и туда дальше!..

Он поднял весла и грузно повернулся на скамейке.

— Вешки — проход для моторок размечают, чтоб винт водорослями не опутало.

Теперь я понял: это были просто ободранные до крон березы, и мне что-то опять стало грустно. Раньше на Великом была лишь одна моторка, принадлежавшая клепиковскому егерю, и он отлично обходился без вешек. Не хватало еще увидеть над водой указатели проездов и поворотов и прочие орудовские знаки. Но еще более неуместен на озере был везший меня парень. Взгляд его зеленоватых глаз безучастно скользил по воде, камышам, сите, не загораясь тем внезапным интересом, который так хорошо и тепло красил сухова-

тое, мужественное лицо Анатолия Ивановича. Тому озеро постоянно рассказывало неслышные другому были, открывало разные маленькие секреты. По надерганным ушкам он узнавал места утиных кормежек, по горсткам пуха — как расселялись новожилы озера — ондатры; он умудрялся издали высматривать крошечные следы на песчаном окаеме наносных островков и по ним угадывать всякие озерные новости.

— Откуда будешь? — спросил я егеря.

Он назвал деревню, лежащую на Коробовском шоссе, километрах в тридцати от Великого. Да, там, конечно, живут люди сухопутные.

— А сюда как занесло?

— Попутным ветром, — вызывающе сказал он.

Мы подплыли к шалашу посреди ситы, сложенному из березовых веток. Сухая листва была так мертвенно-желта, что сердце защемило осенней печалью. Семен распахнул горло грязноватого мешка и стал вытаскивать чучела. Деревянные фигурки грубо воспроизводили чирков и крякв.

— Сам резал?

— Сам... на базе чучелов не хватает.

— А где же у тебя гоголи, чернеть?

— Какие есть... Один хрен...

«Тебе-то да, — подумал я, — но не уткам». Еще раньше выяснилось, что подсадной у него тоже нет, их на зорьке расхватали егеря. Веселая мне предстоит охота!..

Парень бестолково раскидал чучела и подвел лодку к шалашу. Место это мне не было знакомо, мы с Анатолием Ивановичем никогда тут не охотились. Но едва ли этот равнодушный пришлый человек знает настоящие места.

Я вылез из лодки на круглый деревянный настил, засваенный в илистом дне, под крышей шалаша. Это тоже было новшеством. Прежде мы просто загоняли челнок в шалаш, а корму, не вмещавшуюся туда, маскировали ситой, осокой.

— Когда за вами заехать? — спросил Семен.

— Нет уж, оставайся тут. Если подсадок не будет, поищем другое место.

В его зеленых глазах отразилась звериная тоска, но он ничего не сказал.

Громоздкая, длинная и широкая, лодка лишь наполовину вошла под навес. Над остальной ее частью мы склонили ситу, и все же лодка, несомненно, была приметна сверху. Оставалось надеяться на известную всем глупость и доверчивость гоголей и чернети...

Деревянные чучела неуклюже ворочались на сверкающей воде, заваливались набок, клевали тяжелыми, безобразными носами. В конце концов меня даже растрогала их неумелая игра, они словно хотели оживить этот мертвый, пустынный клочок озера. Вдалеке погромыхивали выстрелы, но сюда даже чайки не залетали, не то что утки.

Семен томился. Он то разваливался на дне лодки, обратив кверху большое веснушчатое лицо с закрытыми глазами, то вскакивал и начинал крутить цигарку из табачной пыли и сора, скопившихся в карманах его галифе, то вынимал перочинный нож и принимался яростно строгать какую-нибудь щепку. И все время зевал, с хрустом и подвывом.

— А чего ты ружье не взял? — спросил я. — С ружьем на озере все веселее.

— У меня его сроду не было.

— Хорош егерь — без ружья!

— Да какой я егерь! — с той же тоской в глазах сказал Семен. — Я крестьянин.

Он сделал ударение на последнем слоге, получилось вроде: христианин.

Я невольно усмехнулся.

— Ну и работал бы в колхозе.

— Нету у меня капиталу в колхозе работать.

— При чем тут капитал?

— А притом! У нас на трудодень не разгуляешься! Вот и рассуди, как тут без капиталу прожить?

— Руководство у вас, что ли, плохое?

— Это хорошо, что плохое. При хорошем не смоешься!

Семен ломался, играл в отчаянность, а мне хотелось наладить его на серьезный разговор.

— Я тебя делом спрашиваю, а ты...

— Я тебе делом и говорю, — вскинулся Семен. — Сейчас за колхозы, знаешь, как взялись!.. Раньше у меня жена и мать в поле работали, а я только на сенокос выходил: два стога колхозу, третий — себе. Законно? А теперь черта два посчитаются, что ты мужик, а не баба, все равно заставят работать!

— А ты думал на чужом горбу в рай въехать?

— Отдыхать человеку тоже надо!.. — обиженно проговорил здоровенный, поперек себя шире, детина, на котором лопались залоснившиеся галифе.

Я не выдержал и рассмеялся.

Видимо, озлясь на свою ненужную откровенность, Семен тяжело задышал. Потом вдруг наклонился и стал колотить кулаком по настилу. Я и прежде заметил, что под настилом творилась какая-то хлопотливая работа: шорох, плеск, царапанье. Раздвинув ситу, Семен что-то высмотрел там, вынул нож с фиксатором, закрепил трехгранное шило и несколько раз ткнул им в воду.

— Что там такое?

— Да крыса, — пробормотал он. — Ускользнула, стерва...

И вдруг, закаменев веснушчатым лицом и сжав бледно-сухие губы, он резко, от плеча, ударил шилом в пыльно-бархатистую воду, почти отвесно, под край настила. Вынув мокрую рыжеватую руку, он оглядел трехгранное лезвие и провел по нему пальцами, будто посучил нитку.

— Что за черт? — произнес он обескураженно. — И сукровицы нет...

Тут что-то пролетело, не то гоголь, не то луток, я вскинул ружье, опоздал с выстрелом, затем, странно готовый к тому, что сейчас будет, опустил взгляд и увидел на своем сапоге мертвую рыжую водяную крысу. Из груди ее текла красная, яркая струйка крови. Верно, в смертной тошноте, утратив страх, крыса подобралась к щелке настила и шмыгнула мне на сапог...

Веснушчатые пальцы протянулись, взяли крысу за хвост и швырнули в воду. На волне, перед шалашом, закачалась маленькая тушка.

— Зачем ты ее?..

— А чего она егурзила? — лениво проговорил Семен, пряча нож.

— Может, какой вред от нее? — спросил я с надеждой.

— Окромя пользы, ничего, — сведущим тоном натуралиста сказал Семен.

Крыса покачивалась возле шалаша, маленький комочек недавно еще живой, деятельной плоти. Это бессмысленное убийство испортило мне охоту, я чувствовал, что не смогу стрелять по уткам. Конечно, это пройдет, но сейчас я для охоты не годился...

— Поехали домой!

Семен разом схватился за весла. Я поймал себя на том, что впервые на охоте кого-то ненавижу. Я пытался вспомнить одно очень точное слово, которым метят таких вот людей, раздрызганных, безответственных, с расстроенной, как разбитая балалайка, душевной жизнью. Слово вертелось у меня на языке, но я так и не мог его вспомнить.

Когда мы сошли на берег, Семен, хмуро глядя в землю, сказал:

— На чекушку надо дать...

Я дал ему на чекушку и тут же пожалел об этом. Хватит того, что он испортил мне утро, теперь от него не отделаешься и на вечерней зорьке. А я твердо решил добиться от Буренкова другого егеря. Своей ненужной щедростью я только усложнил себе задачу. Семен вцепится в меня обеими руками.

После хорошего, крепкого сна я пошел договариваться с Буренковым насчет вечерки и случайно подслушал его разговор с Семеном. В дверях бильярдной, нависнув над низкорослым Буренковым, Семен тускло бубнил:

— Кого другого посылайте, я с ним не поеду.

— На чаек пожалел? — допытывался Буренков.

— Да нет... — нехотя процедил Семен. — А все равно не хочу...

— Да говори толком!

— Чего говорить-то?.. Ну его!.. Егурзит... в душу лезет! Обормот!..

Я услышал слово, которое тщетно пытался вспомнить, покидая шалаш.

ЧТОБ БЫТЬ КРАСИВОЙ И... НЕ ОЧЕНЬ СТРАДАТЬ

Научно-исследовательский технохимический институт — НИТХИ, точнее, его лаборатория бытовой химии позаботилась сократить время, которое женщины тратят на работу по дому и в борьбе за свою красоту.

Московский завод бытовой химии по рецептам лаборатории начал выпускать различные моющие средства: «Березку» и «Капронил» для стирки изделий из синтетических волокон, «Космос» для шерстяных. «Ковриком» можно почистить ковры, дорожки, тяжелые бархатные скатерти, портьеры. А если в доме будет «Алюминий» и «Хмалира», — металлическая посуда, раковины, ванны всегда будут сверкать чистотой.

Во все времена, конечно же, только в угоду моде, а совсем не для того, чтобы скрыть свой истинный возраст, женщины старались избавиться от седины. А чтобы быть красивой, надо страдать, говорят французы. И женщины страдают. Одни просиживают часами в парикмахерской, другие — дома. И в том и в другом случае на улаживание своих дел с красотой тратится не меньше двух-трех часов.

Теперь это время сократится. По рецептам той же лаборатории Ленинградский химический завод имени Фрунзе скоро будет выпускать красящие и осветляющие шампуни. Они шести различных цветов. А чтобы не ошибиться и точно подобрать нужный оттенок, вместе с шампунями магазины получат и альбомы с образцами: посмотришь, выберешь нужный и назовешь продавцу порядковый номер. И, главное, вместо двух-трех часов «пострадаешь» всего лишь 20—30 минут. Можно и в парикмахерскую не ходить.

Т. НИКОЛАЕВА

ОТВЕТ НА ПЯТЬ ТЫСЯЧ ПИСЕМ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Эта фотография была на обложке журнала «Огонек» № 43 за 1959 год. Под нею стояла короткая подпись: «Учительница средней школы Анна Васильевна Дьячук (поселок Ясиня, Закарпатской области)».

Не прошло и недели после выхода журнала, как в поселок Ясиня полетели конверты. Штемпеля на них указывали, что письма идут не только из советских сел и городов, но из разных стран: из Болгарии, Польши, КНДР...

Анна Дьячук получила пять с половиной тысяч писем. Почти на половину из них она ответила, но как ответить на остальные? А письма идут по-прежнему. Со многими авторами завязалась дружеская переписка. Иногда почтальон приносил в домик на улице Мира по пятьдесят писем в день. Ответы помогал писать Василий Дьячук, муж Анны, инженер Ясинского лесокомбината.

Анне Дьячук, знакомой только по фотографии, люди доверяют самые сокровенные думы, делятся с ней своими радостями, печалями; просят рассказать о Ясинях, о Закарпатье. Рассказать можно, но писем-то горы. Наш корреспондент Р. Коробова помогла Анне Васильевне — записала ее рассказ, который иллюстрируют снимки на вкладке.

Итак, слово имеет Анна Дьячук!

До прихода в Закарпатье Советской власти Ясиня занимали первое место в крае по безграмотности и второе — по инфекционным болезням. Была здесь одна четырехклассная школа. А сейчас? Три восьмилетних школы, одиннадцатилетняя и четыре начальных! У нас есть хорошие детские врачи, своя больница, поликлиника. За последние шестнадцать лет каждая третья семья построила новый дом.

Вы, конечно, знаете, что Закарпатье — край лесорубов. Лесорубы! О, раньше это был ужасный труд! Много было несчастных случаев. Ведь лес рубили вручную. Вот почему реку назвали Черной Тиссой: она уносила сотни человеческих жизней.

Сейчас труд лесорубов — это уже не проклятие судьбы, как считали раньше. Рано утром, еще не обсохнет роса на траве, еще туманятся горы, отправляются на лесопункты машины с лесорубами. Вместо топоров — электропилы. Над лесом взвилась подвесная дорога. В Ясинях находится большой лесокомбинат — «Советские Карпаты».

Много хороших вещей делают из нашего леса. Познакомьтесь с резчиками, большие они мастера. В их руках дерево поет — так красивы их изделия.

В Ясинях центральная усадьба колхоза имени О. Борканюка. У нас молодой председатель — Михаил Шпантарюк; он окончил недавно Ужгородский университет.

Главное в нашем колхозе — животноводство. С весны и до осени пасется скот на высокогорных альпийских лугах. А выше лугов в голубоватой дымке прячутся снежные вершины Петроса и Говерлы. Овчары любят свою профессию и передают эту любовь по наследству: отец — сыну, старший брат — младшему.

...Ясиня — живописный уголок Закарпатья. Буковые и хвойные леса — до самого неба, беспокойная Тисса, шумящая днем и ночью, горы... Поэтому очень много у нас бывает туристов. В прошлом году Ясинская турбаза обслужила 18 тысяч человек, в этом году — 24 тысячи. Туристов привлекают карпатские реки, в которых водятся форель, марена и даже дунайский лосось. По течению рек Ачишнец, Ильмень созданы заповедники, занимающиеся разведением форели. Если подняться выше в горы, — там другой заповедник, уже не рыб, а зверей. Здесь спокойно расхаживают пугливые косули, бродят карпатские медведи.

Шагают по горным тропам туристы. Их манит не только профессиональная любовь к спорту, их манит другое... Эдельвейс — цветок любви и счастья. Эдельвейс растет высоко в горах, на неприступных кручах. Сорвать его может только сильный и смелый.

Вот какие они, мои родные края, мое Закарпатье.

Ясиня,
Закарпатской области.

Музыка сердца

Бывают такие мгновения, когда аудитория, заполненная и так называемыми знатоками поэзии и людьми, просто любящими стихи, и слушателями привередливыми и легко воспламеняющимися, вдруг объединяется в одном чувстве и начинает бурно аплодировать. Забыты различия во вкусах перед лицом настоящего, неподдельного...

Так случилось недавно в Ростове-на-Дону, когда на трибуну большого вечера поэтов вышел совсем юный паренек, рабочий с «Ростсельмаша» Борис Примеров и стал читать свои стихи. В зале сидели московские, ленинградские, донские, кубанские, ставропольские писатели, поэты и критики, студенты ростовских вузов, учителя, библиотечные работники, члены литературных кружков. Все они обрадованно встрепенулись и замерли. Все сразу увидели, что на трибуну вышел настоящий поэт, и дело совсем не в том, сколько им уже написано стихов. Достаточно, например, и одного такого стихотворения, чтобы почувствовать поэта:

Бьют ветра голубыми копытами,
Вьется пыли космический хвост,
Замирает ветрами омытое
Королевство заоблачных звезд.
И Луна, как девчонка, наряжена,
Будто ей восемнадцати нет,
Начинаем концерт Шаляпина
По заявкам далеких планет.
Метеорные падают глыбы,
Налетает крутой ветролом,
Марсианки глотают, как рыбы,
Воздух.
Сердце идет ходуном.
Звуки кружат, как снежные
хлопья,
И рокочут, как в шторм океан.
И ресницы, как руки, хлопают
От восторга у всех марсиан.
Бас несется в космической дали.
...Я стою.
Я смотрю в небеса:
Там на цыпочки звезды привстали
И на Землю таращат глаза.

Называется это стихотворение, опубликованное в седьмом номере журнала «Октябрь», «Концерт Шаляпина». А у Бориса Примерова таких стихов немало. И очень хорошо, что журнал «Октябрь» и журнал «Дон» опубликовали циклы его стихов, позволяющие судить о талантливости молодого поэта.

...Возрастают эти стихи на той самой земле, которую называют шолоховской. Край, осененный поэзией могучей русской прозы... Край ярких красок, жаркого солнца, отважных сердец, бурных страстей, край необозримых степных просторов...

Все это властно вошло в трудовую биографию поэта, переливается в строчки его стихов. Вырос Борис Примеров в степном городке Зернограде, посреди пшеничного приволья, а потом переехал в Ростов и стал работать на «Ростсельмаше» подсобным рабочим. Одно стихотворение у него так и называется «Подсобный», и его нельзя не привести полностью, потому что оно позволяет увидеть источники того духовного здоровья, которым насыщены его стихи:

Кто-то трогает настоящие,
Горящие звезды в небе.
А я?
Я таскаю ящики,
Я в небе ни разу не был.
А я, как морская качка,
Швыряю грабаркой снизу
В гудящую печь из тачки
Дымящиеся метизы.
А мне говорят: «Способный,
Ведь мог бы начать иначе...»
Судьбы не хочу особой,
Неважно, откуда начал.

Нет, это очень важно, что именно оттуда — от гудящей печи — начал поэт и что отсветами этой печи с самых первых шагов озаряется его путь в поэзии. Здесь самый прочный залог его творческого здоровья и в будущем. Хорошо и то, что поэт не хочет для себя судьбы какой-то особой, отдельно от судьбы сверстников и товарищей своих по труду.

Так, наверняка «дотронется» поэт и до настоящих звезд в небе, и они переночуют в его строки и в сердца его читателей. Стихи Примерова очень земные, и именно поэтому он «дотрагивается» рукой и до звезд, до космоса:

Я — не робкий, я — ярый,
Я в простор голубой,
Как бунтующий парус,
Дерзко поднят землей.

Еще нужно сказать и о том, что стихи Примерова очень музыкальны. Не случайно в редакции «Октября» озаглавили цикл его стихотворений «Поющее лето». Тут можно сослаться и на такую «подробность»: этот рабочий паренек, оказывается, и начал свое приобщение к поэзии с музыки. Он не просто любит Моцарта, Бетховена, Чайковского — их музыка и заставила его заговорить стихами. Он влюблен в настоящую, большую музыку, этот молодой поэт «от тачки», «от гудящей печи». И поэтому так много в его стихах музыки сердца.

Анатолий КАЛИНИН

Хутор Пухляковский,
Ростовской области.

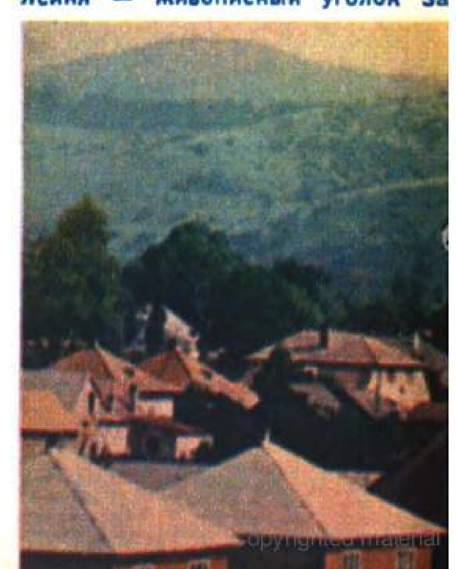
Адресат пяти тысяч писем Анна Дьячук и ее семья.

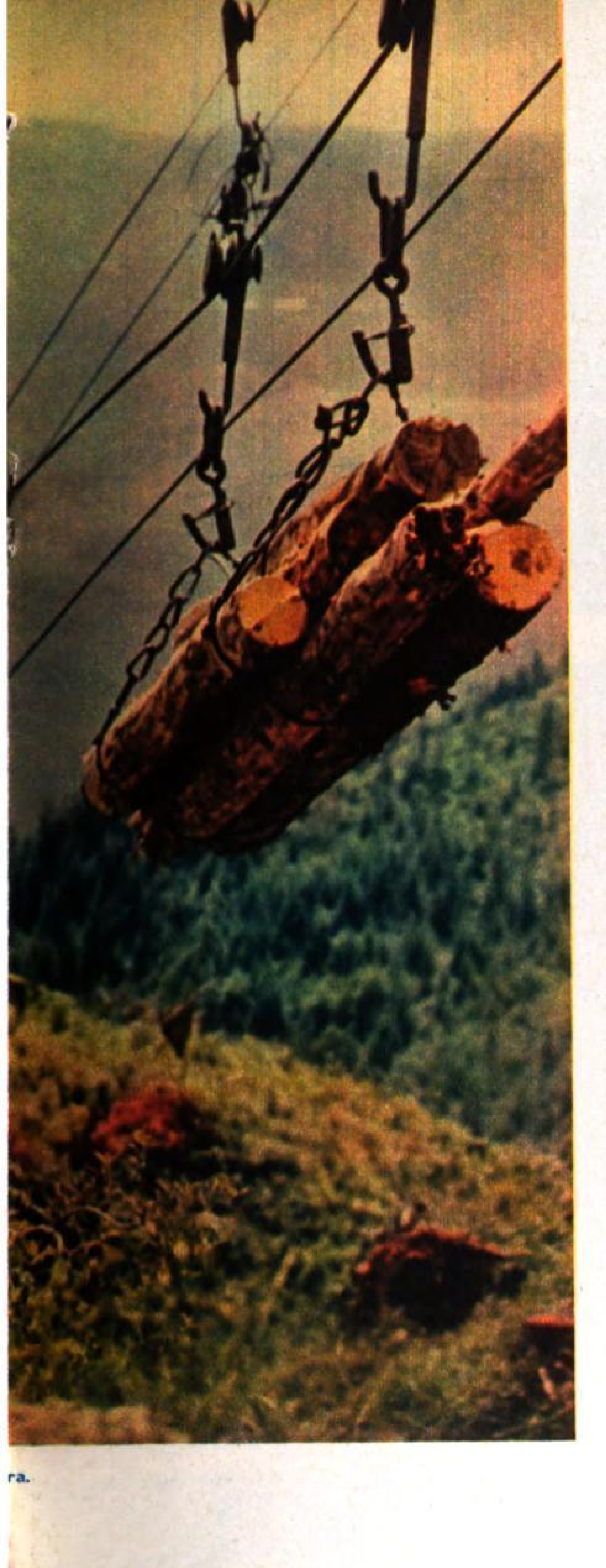
Артистов у нас много. На стороне не занимать. Надежда Соколович — представительница местной артистической молодежи.

Над лесом взвилась подвесная дор

Ясиня — живописный уголок За

га.

С весны до осени пасут овчары скот на высокогорных лугах.

арпатья.

А это мои односельчане...

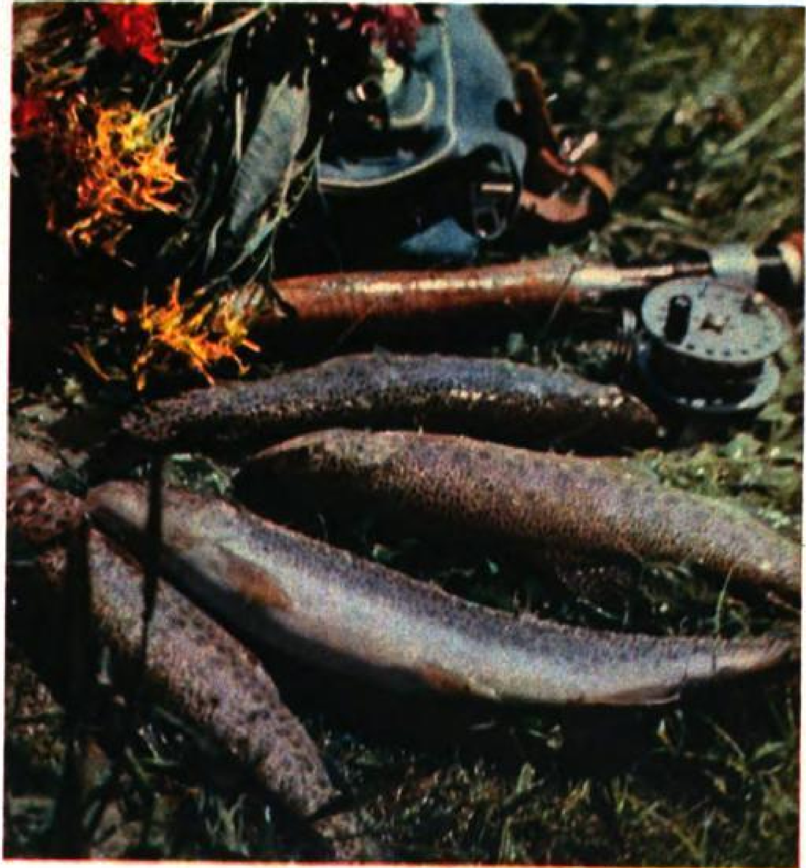
У нас есть хорошие детские врачи... Мария Ивановна Беккерт как раз такой врач.

Познакомьтесь с нашими резчиками, большие они мастера. Иван Васильевич Игнатюк учит дерево «петь».

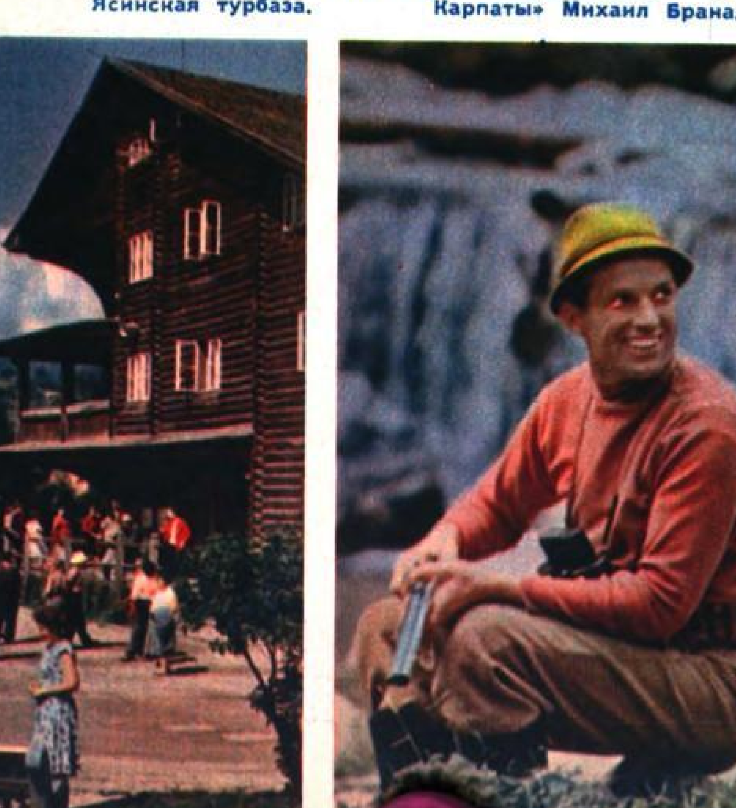
...цветок любви и счастья.

Рыбалка у нас отменная.

Ясинская турбаза.

Охотовед лесокомбината «Советские Карпаты» Михаил Брана.

В заповеднике.

ГОСПИТАЛЬ В ЕРЕМЕЕВКЕ

С. С. СМИРНОВ

Рядом с открытой, легальной деятельностью все время расширялась подпольная работа Силина и его друзей. После того, как оборудование госпиталя было закончено, Силин перешел жить в село, в хату одного старика, который зарабатывал себе на жизнь, изготовляя иконы, кресты... Там, в этом доме, с помощью выздоровевшего раненого Алексея Аржанова, связиста по специальности, удалось установить радиоприемник, тщательно замаскировав его в стене.

По просьбе Силина хозяин сделал ему большой нагрудный крест на длинной металлической цепочке. Теперь, как только в село приезжали немцы, Силин встречал их, надев этот крест поверх полушубка, внушая им еще большее доверие к себе. Но это «оборудование», как называл его шутя Силин, имело и практический смысл. Когда на его квартире включали радиоприемник, то цепочка служила антенной. Теперь Силин и его товарищи регулярно принимали Москву, сводки Советского информбюро и были вполне осведомлены о положении на фронтах. Сводки Силин каждый день пересказывал раненым, врачам, их содержание становилось известно и местным колхозникам.

Время от времени подпольщики затевали и прямые диверсии. То исчезнут со склада местного Заготзерна несколько сот мешков пшеницы, приготовленной для отправки в Германию, то кто-нибудь выроет и тщательно замаскирует на середине дороги глубокую яму, куда попадает грузовик, полный немецких солдат; то остановившиеся на ночлег в соседнем селе шоферы немецкой автоколонны утром неожиданно обнаруживают, что на колесах машин из покрышек и камер кто-то вырезал большие куски резины и надо менять все баллоны; то у напившихся полицаев пропадают винтовки или автоматы.

Это были пока лишь небольшие, отдельные акты сопротивления врагу — Силин и его товарищи пробовали силы, готовясь к будущей партизанской борьбе. Их подпольная деятельность только начиналась, и приходилось быть очень осторожными, чтобы не привлечь внимания гестапо к Еремеевке и не возбудить подозрений своих врагов в самом селе.

А Силин имел здесь очень опасного и злобного врага. Это был старший полицай Иван Атамась, по прозвищу Дракон. Человек без чести и совести, жестокий, жадный, он готов был на все ради своей карьеры и лез из кожи вон, стараясь выслужиться перед немцами. Сокровенной его мечтой была должность следователя районной полиции, и он прилагал все усилия, чтобы добиться ее. Он давно уже присматривался к Силину, завидовал его влиянию на немцев и явно что-то подозревал. Но у Атамася, к его огорчению, не было никаких явных улик против этого человека.

Однажды Дракон подал начальнику районной полиции Ющенко список с фамилиями двадцати семи сельских активистов Еремеевки, которые, по его словам, были здесь оставлены специально для партизанской борьбы. Но Ющенко уже успел подружиться с Силиным и нередко оказывал еремеевским подпольщикам важные услуги, вовремя предупреждая их о тех или иных намерениях фашистов. Ющенко передал этот список Силину, а тот показал Калашнику и просил старосту предупредить всех, кто был перечислен в доносе Атамася, чтобы они соблюдали осторожность и в случае необходимости могли быстро скрыться. Список же в конце концов Силин уничтожил.

Но, видимо, Атамась не ограничился только этим доносом. В декабре 1941 года в село неожиданно приехала группа немецких солдат во главе с офицером, и сейчас же были схвачены шестеро сельских активистов из тех, что значились в списке Атамася,— остальным удалось вовремя спрятаться. Шестерых арестованных заперли в помещении сельской управы, и Силину стало известно, что на рассвете они будут расстреляны здесь же, во дворе. Связавшись с Калашником, Силин выработал с ним план спасения людей.

Прежде всего он свел дружбу с немецким офицером, возглавлявшим карателей, и за бутылкой самогона они с Калашником стали доказывать ему, что было бы неправильно расстреливать людей в самом центре села. Это, говорил Силин, произведет неприятное впечатление на крестьян и может повредить немецким властям. Он даже указал на более удобное место для расстрела — за околицей села. Офицер согласился с ним и послал туда полицаев, чтобы заранее выкопать могилы для приговоренных к расстрелу. Удалось убедить немцев и в том, что не стоит расстреливать на рассвете, когда многие из крестьян уже не спят: «Лучше сделайте это глубокой ночью, после полуночи». Офицер и с этим согласился. А Силин с Калашником тем временем подготавливали дерзкий побег приговоренных к смерти.

По селу объявили, что сегодня в клубе состоится большой торжественный вечер, посвященный организации украинской полиции. По поручению Силина Калашник раздобыл самогона и обильную закуску: после торжества предполагалось устроить вечеринку. На вечеринку пригласили всех немцев во главе с офицером, а также полицаев, которым было поручено расстрелять приговоренных. Еще днем Силин предупредил нескольких красивых молодых женщин, что они обязательно должны быть на празднике, любезничать с немцами и задержать их как можно дольше в клубе. Среди этих женщин были учительницы Мария Рубачева и Александра Шевченко — жена одного из арестованных. Шевченко стала было отказываться от участия в вечеринке: она не может веселиться в то время, как самому близкому для нее человеку грозит смерть. Но Силин прямо сказал ей: «Если хочешь спасти мужа, ты должна прийти в клуб — пить, плясать и веселиться». Силину и Калашнику удалось также предупредить заключенных о том, как им следует вести себя по дороге на расстрел.

Вечер был не очень многолюдным, но все прошло как надо. После торжественной части приглашенные уселись за столы; немцев и полицаев усердно стали угощать самогоном, офицер и солдаты охотно танцевали с девушками. Время подходило к полуночи, и Силин все чаще поглядывал на часы. Затруднение заключалось в том, что ночь оказалась безоблачной и светила полная луна. Бежать в такую светлую ночь опасно. Однако после часу ночи луна должна была зайти, и Силин всячески старался затянуть вечеринку, чтобы задержать здесь немцев и полицаев. По его поручению Мария Рубачева то и дело приглашала танцевать немецкого офицера, а потом попросила проводить ее домой. Она нарочно выбрала самый длинный, кружной путь к своему дому и отделалась от «кавалера» лишь тогда, когда луна была совсем уже на заходе.

Освободившись, офицер пришел в сельуправу и приказал полицаям вести осужденных на расстрел. Конвоиры были порядком пьяны, и им пришлось дать в провожатые еще двух немецких солдат. Когда они подходили к околице села, осужденные внезапно сбили на землю обоих немцев и бросились бежать в разные стороны. В то время как пьяные полицаи наугад палили в темноту, все арестованные успели скрыться. Только один из них, бывший военнопленный Попов, раненный в ногу, не смог убежать и остался на месте. Остальным удалось спрятаться в крестьянских хатах, в заранее подготовленных убежищах.

Немцы были взбешены этим побегом. Наутро они решили расстрелять каждого пятого в селе и для устрашения жителей сжечь десятка два домов. Несколько часов Силин и Калашник убеждали офицера, что этого не следует делать. Они свалили всю вину на перепившихся полицаев, снова устроили для немцев угощение и задобрили их всевозможными подарками. В конце концов гитлеровцы удовлетворились тем, что расстреляли раненого Попова во дворе сельуправы, а Силин обещал им сообщить в комендатуру, будто все сельские активисты казнены. С трудом, но все же удалось выпроводить карателей, и Еремеевка на этот раз не пострадала.

Но Атамась продолжал пристально следить за Силиным, настойчиво собирая улики против него. Видимо, нашелся и предатель в самом госпитале. И вот роковой час наступил.

Ночью первого марта Силин разбудил нескольких врачей и выздоровевших раненых, с которыми был особенно дружен. Он сообщил им, что ему дали знать о доносе, поступившем к немцам: Силин обвинялся в укрывательстве евреев и коммунистов. Он посоветовал товарищам подготовиться к побегу, предупредив, что, возможно, и сам попробует убежать. Но когда наступило утро, оказалось, что уже поздно. Госпиталь на рассвете окружили приехавшие из районного центра немецкие солдаты и украинские полицаи.

Вскоре явилась немецкая медицинская комиссия. На этот раз Силин уже ничего не мог сделать: всех раненых подвергли осмотру, отбирая выздоровевших для отправки в лагерь. Вместе с ними отобрали всех коммунистов, командиров, евреев и часть русских,— видимо, доносчик хорошо знал коллектив раненых и предал всех, кого мог. Арестован был и Силин, ему запретили выходить из своего кабинета в госпитале.

И все же вечером следующего дня Силин вместе с врачом Михаилом Салазкиным пытался бежать. Это бегство заранее готовили его друзья. На окраине села,

---

Окончание. Начало см. № 39.

в одной из хат, для Силина была приготовлена гражданская одежда. Во дворе стояла лошадь с повозкой, на которой он мог уехать в безопасное место. Чтобы облегчить побег «доктора», его друзья организовали в селе вечеринку, на которую был приглашен и Иван Атамась. И хоть Атамася усердно потчевали самогоном, все заметили, что в этот вечер он пил мало и то и дело прислушивался, точно ожидал чего-то. Действительно, поздно ночью раздался стук в окно: Атамася вызывал его ближайший помощник полицай Сергей Палёный. Дракон ушел тотчас же с вечеринки и вернулся спустя полчаса, довольно потирая руки. «Силин хотел бежать,— сказал он присутствующим,— но я поймал его. Теперь он у меня уже не вырвется».

Увы, это было горькой правдой. Силин сумел незамеченным выйти из госпиталя, перерезать телефонные провода, ведущие в сельскую управу, и добраться до окраины Еремеевки. Но Сергей Палёный, которому Атамась приказал неусыпно наблюдать за Силиным, выследил его и донес начальнику. Доктору Салазкину удалось бежать, а Силина Дракон застиг в тот момент, когда он переодевался в гражданское платье. Угрожая пистолетом, Атамась повел беглеца назад в госпиталь. Он сам рассказывал потом, что по дороге Силин уговаривал его. «Если ты отпустишь меня, это послужит в твою пользу, когда придут наши,— говорил Леонид Андреевич.— А если ты выдашь меня немцам, люди припомнят это, и тебе не миновать виселицы». Но Дракон только смеялся в ответ и обещал застрелить Силина, как только тот попытается бежать. Он передал беглеца немецкой охране у школы. Силина связали и заперли до утра в его кабинете.

На другой день, 3 марта 1942 года, около сорока отобранных немцами раненых и врачей увозили из госпиталя в Кременчугский лагерь. Был базарный день, и уже ранним утром на площади перед школой открылся базар, на который съехались сотни крестьян из окрестных сел. Когда к школе, охраняемой немецкими солдатами и полицаями, подъехало десятка полтора саней и на крыльцо стали выводить раненых, все, кто был на площади, толпой хлынули к госпиталю.

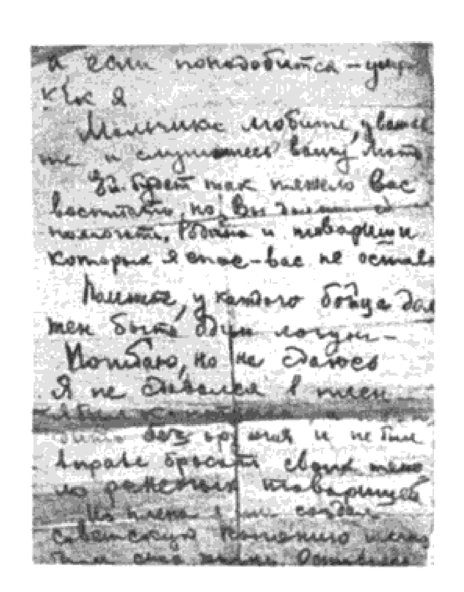
Раненых, которые не могли двигаться, немцы и полицаи выволакивали и бросали в розвальни. Все уже понимали: везут на смерть! И, заметив в толпе знакомые лица, громко прощались с друзьями, выкрикивали свои адреса, чтобы жители Еремеевки смогли сообщить семьям об их гибели. Из толпы неслись ответные возгласы, слышались женские рыдания. И вдруг все разом стихло.

Последним, вслед за врачами Геккером и Портновым, на крыльцо вышел Силин. Его сопровождал Атамась с двумя пистолетами в руках. Силин был без шинели, в своем кожаном шлеме и гимнастерке и со связанными назад руками. Кто-то набросил ему на плечи рваный овчинный полушубок, но он тут же упал на крыльцо. Толпа зашумела, закричала, требуя, чтобы Силину развязали руки. Немецкий офицер кивнул в знак согласия. Атамась распутал узел, но тут же связал Силину руки уже впереди и накинул на него полушубок.

Силин молча оглядел собравшуюся толпу, раненых, лежащих на санях, а потом обернулся и посмотрел на окна госпиталя. Они были открыты. Оттуда выглядывали оставшиеся раненые, врачи и немецкие солдаты с фотоаппаратами, снимавшие эту сцену. Силин попросил офицера разрешить ему попрощаться с товарищами. Получив разрешение, он подошел к краю крыльца и медленно начал говорить, обращаясь и к тем, кто глядел из окон, и к тем, кто лежал на санях.

— Дорогие мои друзья и товарищи! Я сделал для вас все, что мог. Я старался спасти вас от смерти и организовал этот госпиталь, превратив его в советскую колонию в тылу врага. Но мне не удалось до конца уберечь ни жизней многих из вас, ни своей жизни. Я знаю, что меня расстреляют, а потому сейчас слагаю с себя дальнейшую ответственность за вас и каждому передаю в руки его собственную судьбу. Спасибо вам за все, и не поминайте меня лихом.

И вам, дорогие наши товарищи из Еремеевки и из других сел, большое спасибо! Спасибо за помощь, за доброе, сердечное отношение к раненым солдатам, командирам. Помните, вам уже не долго осталось страдать под проклятой властью врага. Расстреляют меня, может быть, расстреляют и других моих товарищей, но таких, как мы,— миллионы, и всех нас не могут расстрелять. Красная Армия уже разбила врага под Москвой, она скоро погонит его на Запад, освободит и вашу украинскую землю, и вы снова станете свободными советскими людьми. Когда наступит этот радостный час и сюда придут советские войска, не забудьте помянуть нас, которые погибли в борьбе. Вспомните нас так, словно все мы живыми вернулись сюда вместе с нашей родной Красной Армией.

А если понадобится — умру как я
...
Погибаю, но не сдаюсь
Я не сдавался в плен

Фотокопия с последнего письма Л. А. Силина семье.

И еще одна моя просьба. У меня остались в Москве жена и два сына. Напишите им, как я погиб, скажите сыновьям, что в красном знамени нашей Родины есть и капли крови их отца.

Голос его слегка дрожал от волнения, но он говорил проникновенно. И вся толпа — несколько сот мужчин и женщин,— слушая его, плакала. Немецкий офицер, увидев, какое действие на людей оказывает эта прощальная речь, подал знак Атамасю. Тот толкнул Силина, приказав ему замолчать и идти к саням.

— Прощайте, дорогие товарищи! — крикнул Силин и низко поклонился народу.

Потом он сошел с крыльца и сел на последние сани. Рядом с ним поместились Атамась и еще два полицая. Толпа придвинулась ближе. Немцы и полицаи угрожающе взяли на изготовку автоматы.

И вдруг все увидели, как Силин связанными впереди руками неловко полез к себе в карман и вытащил оттуда белый носовой платок. Потом быстрым движением он поднес руки ко рту и прокусил себе вену. Полилась тонкая струйка крови, он приложил к руке платок и потом бросил его в толпу, крича:

— Передайте это на память моим сыновьям!

— И мне! — раздался чей-то возглас из плачущей толпы, и на колени Силина упал еще один белый платок. Он смочил его своей кровью и бросил обратно. И тотчас же десятки платков с разных сторон полетели к нему.

— И мне! И мне! — слышались голоса, и Силин хватал эти платки, прижимал к своей окровавленной руке и бросал назад тем, кто хотел сохранить, как самую дорогую память, следы горячей крови смелого борца и мученика, бестрепетно идущего сейчас на смерть.

Немцы заторопились, чтобы скорее прервать эту сцену, конвой вскочил на сани, раздалась команда офицера, и обоз тронулся в путь. Толпа побежала вслед за санями, и полицаи предупреждающе стали стрелять в воздух. Лошади пошли рысью, а люди все бежали следом. Силин стоял на коленях и, подняв над головой связанные руки, прощально махал ими.

Потом обоз поравнялся с постаментом, на котором до войны стояла статуя Ленина, разрушенная оккупантами. И все издали увидели, как Силин, показывая на постамент, начал что-то грозно кричать, обращаясь к немцам и полицаям. Атамась толкнул его в бок, заставил лечь в сани, лошади прибавили шагу, и вся колонна скрылась за поворотом.

* * *

Госпиталь продолжал существовать, но ощущение большой непоправимой беды охватило всех — и раненых и врачей. И в селе настроение было подавленным, тяжелым. Собираясь весенними вечерами у ворот, еремеевские женщины то и дело вспоминали Силина. Опустевший стоял клуб, помрачнел, посуровел староста Иван Калашник, и, когда теперь наезжали в Еремеевку фашистские начальники, село притихало в страхе и тревоге. Не было теперь у людей Еремеевки их умелого заступника.

Восьмого марта Мария Рубачева, собрав кое-какие продукты, отправилась из Еремеевки пешком в Кременчуг: она надеялась повидать Силина и его товарищей. Девушка отыскала в лагере знакомого полицая, и тот за бутылку водки сообщил, что Силин накануне был расстрелян, и показал даже место, где это произошло. Вместе с Силиным ту же участь разделили врачи Портнов и Геккер, подполковник Константин Богородицкий и многие другие его товарищи. С этими печальными вестями Мария вернулась в Еремеевку.

А на другой день поздно вечером к медицинской сестре госпиталя Оксане Романченко пришел человек, бежавший из Кременчугского лагеря. Он передал ей коротенькую записку, нацарапанную карандашом на клочке бумаги. Это было написанное перед расстрелом прощальное письмо Силина, адресованное жене и детям. Идя на расстрел, он незаметно сунул письмо пленному и наказал ему при первой возможности отдать Романченко. Когда Еремеевка будет освобождена Советской Армией, она должна переслать письмо его семье по адресу, заранее оставленному им.

А по селу в те дни из хаты в хату передавали другой исписанный листок — стихи, посвященные Леониду Андреевичу Силину, стихи, которые написал находившийся в госпитале боец и молодой поэт Григорий Заболотный. Они кончались такими строчками:

Нет Силина, но в памяти народной,
В глазах народа и в его сердцах
Навеки жив твой образ благородный,
Бесстрашного советского борца.

Позднее, когда в Еремеевку вернулся один из тех раненых, что были увезены вместе с Силиным — Павел Иванов,— люди узнали о том, как погиб Леонид Андреевич. Павел Иванов был русским солдатом из Калининской области. Когда он, раненый, попал в плен под Оржицей и оказался в госпитале у Силина, ему, как и другим, дали украинскую фамилию: он стал Павлом Иваненко. Это и спасло ему жизнь.

По словам Иванова, в пути, когда раненых везли в районный центр Градижск, а оттуда в Кременчугский лагерь, Силин уже не заботился о себе, не сомневаясь в том, какая участь ему уготована. Он старался придумать что-нибудь для спасения товарищей. На одном из перегонов они оказались в санях вместе, и Силин шепотом давал Иванову последние инструкции:

— Имей в виду, ты можешь спастись. Ты записан в списках как Иваненко, и в лагере, вероятно, не будут знать, что ты бывший солдат. Поэтому говори все время, что ты житель Еремеевки, никогда не служил в армии, а только выпекал хлеб для раненых в госпитале. Если будешь твердо стоять на своем, может быть, тебе удастся спастись.

В Кременчугском лагере Силина отделили от остальных пленных и увели куда-то. Иванов увидел его уже спустя несколько дней, когда восемнадцать человек из еремеевского госпиталя были выведены на расстрел. Их поставили в ряд у кирпичной стены, около глубокой ямы. Потом откуда-то привели Силина с непокрытой головой и со следами побоев на лице. Держался он с достоинством, гордо, независимо. Немецкий офицер, руководивший казнью, почему-то приказал каждому из приговоренных перед расстрелом назвать свою фамилию, национальность, место рождения, местожительство и воинское зва-

ние. Иванов ответил все точно так, как учил его Силин. Тогда офицер, немного подумав, приказал ему выйти из строя и стать в стороне.

Когда очередь дошла до Силина, Леонид Андреевич в ответ на вопрос офицера только резко дернул головой и сквозь зубы презрительно бросил: «Продолжайте дальше!» Он не пожелал разговаривать со своими палачами.

На глазах у Иванова всем приговоренным приказали раздеться, заставили их спуститься в яму и там перестреляли из автоматов. А потом его отправили в барак и, видимо, на время забыли о нем. Он вскоре заболел тифом и, когда выздоровел, был как местный житель отпущен назад, в Еремеевку. Так Силин уже перед самым расстрелом все-таки спас жизнь еще одному человеку.

И, хотя Леонида Андреевича уже не было в госпитале и в селе и даже не было в живых, он после смерти словно продолжал действовать, учить, наставлять своих друзей, закалять их волю. В ночь на Первое мая оставшиеся в госпитале раненые внезапно обезоружили, связали охранявших их полицейских и совершили побег. Часть из них была потом поймана и казнена, но многим удалось скрыться в Еремеевке или в соседних селах. После этого немцы окончательно расформировали госпиталь и оставшихся раненых, врачей, медсестер отправили в лагеря.

Едва не погиб в эти дни доктор Михаил Добровольский. Полицай Пилипенко, заменивший в селе Атамася, которого отправили учиться на курсы следователей, обвинил его в организации побега. Он избил врача, вымогая у него признание, а потом заставил раздеться, поставил лицом к стене и стрелял в кирпичи над его головой. Но расстрелять Добровольского без немцев он все-таки не решился. А когда на другой день в село приехал немецкий следователь, Добровольский показал ему ту бумажку, которую в свое время добыл для него Леонид Андреевич Силин: благодарность фашистского командования за успешную операцию, спасшую жизнь эсэсовца в Крестителеве. Документ произвел впечатление, и следователь ударил Пилипенко за самоуправство и велел немедленно освободить врача из-под стражи.

Дело, начатое Леонидом Андреевичем Силиным, продолжалось. Бывший раненый Алексей Аржанов, устроившийся жить в Еремеевке, по-прежнему слушал радио и распространял сводки Совинформбюро. Вместе с другими подпольщиками — Россиевым, Шарым и бежавшим из плена командиром Полищуком — он в 1943 году организовал небольшой партизанский отряд, базой которого был заросший лесом остров Желтая Коса, лежавший на Днепре почти против Еремеевки. Командовать этим отрядом стал Сергей Полищук. Партизаны атаковали обозы немцев на дорогах, выводили из строя телефонную и телеграфную связь врага, устраивали всевозможные диверсии. Напрасно старался выследить партизан Иван Атамась, сделавшийся к этому времени следователем районной полиции, напрасно охотились за ними еремеевские полицаи — отряд Полищука действовал до тех пор, пока в эти места осенью 1943 года не пришла Советская Армия.

Атамасю не удалось бежать со своими хозяевами: он был пойман и привезен в Еремеевку. Там его судил военный трибунал. Именами его многочисленных жертв и прежде всего именем Леонида Андреевича Силина обвиняли Дракона в его страшных преступлениях еремеевские колхозники. И, как предсказывал Силин, Атамась получил по заслугам — по приговору трибунала он был повешен.

* * *

Медицинская сестра Оксана Романченко бережно хранила у себя маленькую записку, присланную ей Силиным из лагеря. Как только Полтавщина была освобождена и в Еремеевку пришли наши войска, она отправила письмо Силина в Москву по адресу, который он ей оставил. Перед этим она сняла для себя копию с этой волнующей записки.

Много лет спустя О. Т. Романченко прислала мне свой рассказ о госпитале в Еремеевке, а также копию с прощальной записки Силина. К сожалению, Оксана Трофимовна уже не помнила адреса его семьи, и, таким образом, я не мог сразу же отыскать родных Леонида Андреевича.

Я включил рассказ О. Т. Романченко в одно из своих выступлений по радио и в заключение прочитал последнее письмо Силина. А на другой день в радиокомитет пришла взволнованная, плачущая женщина. Это была вдова Силина Анна Леоновна...

Так я встретился с семьей героя. Вскоре я побывал в маленькой комнатке на Хорошевском шоссе, которую занимали Анна Леоновна и ее сыновья — Леонид и Геннадий. Здесь я впервые увидел фотографию Леонида Андреевича Силина и услышал рассказ о том, как в послевоенные годы жила его семья. Анна Леоновна, как ни трудно порой приходилось ей, сумела вырастить обоих сыновей достойными, честными людьми и дать им образование — оба сына уже были студентами. Они жили дружно и хорошо, и каждый раз, как наступал трудный момент в жизни маленькой семьи, Анна Леоновна доставала бережно хранимые два документа, написанные рукой мужа, и читала их вслух сыновьям. Одним из этих документов была та самая записка, которую Леонид Андреевич написал перед расстрелом. Но в семье хранился и другой замечательный документ, о существовании которого я ничего не знал.

Оказалось, что задолго до того, как Силины получили из Еремеевки последнюю записку отца и мужа, в адрес семьи еще в конце 1941 года пришел большой пакет, надписанный рукой Леонида Андреевича. Он был адресован всем троим: «Анне Леоновне Силиной, Леониду Леонидовичу Силину и Геннадию Леонидовичу Силину». Внизу стояла приписка: «Вскрыть после получения извещения из штаба части о смерти Л. А. Силина». На обратной стороне конверта была надпись: «Военной цензуре: после проверки тщательно заклеить».

Строго выполняя наказ, семья в продолжение двух лет хранила пакет нераспечатанным, надеясь, что им не придется вскрывать его вообще и что после войны Леонид Андреевич вернется живым и здоровым. Лишь когда в конце 1943 года пришло письмо Оксаны Романченко, а за ним и свидетельства других о том, что Леонид Андреевич погиб, Анна Леоновна и ее сыновья, собравшись вместе, с волнением распечатали пакет. В нем находилось большое письмо-завещание Силина, адресованное семье, документ большой духовной силы, который я привожу ниже с незначительными и несущественными сокращениями:

Семья Л. А. Силина: жена Анна Леоновна, сыновья Леонид и Геннадий.

«Здравствуйте, мои родные!

Здравствуйте, хотя, когда вы будете читать это мое письмо, меня не будет в живых.

Но и через смерть, через небытие я обнимаю вас, мои родные, я целую вас, и не как привидение, а как живой и родной вам папка.

Мальчики и Аня! Не думайте, что я ушел на эту страшную войну из-за желания «блеснуть» своей храбростью.

Я знал, что иду почти на верную смерть.

Больше всего я люблю жизнь, но больше жизни любил я вас, Аня и мальчики.

И зная, какой ужас, какие издевательства ждут вас, если победит Гитлер, зная, как будут мучить вас, как будут издеваться над вашей матерью, зная, как высохнет ваша мать, а вы превратитесь в маленьких скелетиков, я, любя вас, должен уйти от вас, желая быть с вами, должен уйти на войну.

Я иду на войну, то есть на смерть, во имя вашей жизни.

Это совсем не прекрасные слова. Для меня сейчас это слова, облеченные в плоть и кровь, в мою кровь.

Аннушка, родная! Знаю, что тебе будет тяжелее всех. Знаю. Но за то, чтобы ты была в безопасности, я иду в огонь...

Мне нечего больше к этому прибавить. Скажу лишь, что нет в мире человека, которого бы я так любил и которого бы мне было так тяжело оставлять навсегда, оставлять одинокой, как тебя, любимая!

Леня! Мой старший сын и заместитель!

Тебя зовут Леня, как и меня. Значит, ты — это я, когда меня уже не будет.

Наша славная, добрая мамка, так много она в жизни страдала, так мечтала о хорошей, спокойной жизни, но ей это было не суждено со мною. Пусть же ты дашь ей счастье.

Пусть в тебе она видит лучшего своего друга и помощника. Я знаю: тяжело детям расти без отца, особенно мальчикам. Но ведь я умер ради того, чтобы вы, мои мальчики, росли — тяжело ли, легко ли, но росли, а не погибли под германскими бомбами.

Я умер, как подобает умирать мужчине, защищая своих детей, свою жену, свой дом, свою землю.

Живи же и ты, как жил и умер твой отец.

Помни: мама — мой лучший друг, ближе мамы у меня никого не было. Поэтому мама знает, что хорошо и что плохо, что я делал и чего я не делал, за что я похвалил бы, а за что и поругал.

Всегда, во всем советуйся со своей мамой, не скрывай от нее ничего, делись с ней всем, всем.

Это ничего, что мама — женщина, она особенная женщина, она наша мама, наша любимая, умная мамочка. Она все поймет.

Эх, Леня! Многое мне нужно тебе сказать, да всего не скажешь, да и многого ты не поймешь!

У меня есть много, много о чем рассказать тебе в жизни, но обо всем расскажет тебе мать.

Мои к тебе последние слова: помни маму, заботься о маме, всю жизнь заботься, Леня Силин. Люби и слушай всегда во всем свою маму.

Леня Силин, мой заместитель и старший сын, прощай, сынка, и не забывай!

Геня! Мой младший сын и помощник!

Я тебя оставляю совсем маленького. Ты даже не запомнишь лица и голоса твоего отца. Но твой старший брат — мой старший сын и заместитель Леня Силин — тебе расскажет, как жил твой отец, как он вас любил, он расскажет тебе про твоего папку. Наша мама тебе расскажет, как жил, работал и боролся за лучшую жизнь твой отец.

Все, что я написал твоему старшему брату, относится и к тебе. Слушай Леню Силина и маму, и тогда, я верю, ты будешь хорошим, смелым и честным человеком.

Мальчики Леня и Геня!

Учитесь хорошо, изучите тщательно немецкий язык, немецкую культуру, немецкие науки. И все это вы должны употребить на ги-

Ранение и смерть Багра

В Бородинском сражении 7 сентября 1812 года около полудня генерал от инфантерии князь Петр Иванович Багратион был ранен в ногу «черепком чиненого ядра». С первого взгляда рана казалась «не столь тяжелою», хотя до первой перевязки на поле боя «он истекал кровью». Первым на помощь явился доктор Яков Говоров, который в 1815 году издал книгу «Последние дни жизни князя П. И. Багратиона», подробно изложив в ней историю болезни.

Исследовав рану, доктор нашел, что она «была сопряжена с повреждением берцовой кости». Того же мнения, очевидно, был и главный инспектор армии Я. В. Виллие, который вторично перевязал рану. После этого князя отправили в Москву в сопровождении докторов Я. Говорова и Г. Гангара. Уже на другой день открылась жестокая лихорадка, аппетит пропал, ночь прошла в бессоннице.

На четвертые сутки князь приехал в Москву «весьма в худом состоянии».

В воскресенье 13 сентября полученное известие о предполагаемой сдаче Москвы столь расстроило Багратиона, «что от душевных огорчений он впал в род некоторого оцепенения чувств». Надо было торопиться с отъездом. В день занятия Москвы неприятелем 14 сентября в 9 утра они выехали из города.

На другой день прибыли в Сергиев-Посад (ныне Загорск), где и остановились, так как далее продолжать путь князь не мог от жестокой боли в ране, причиненной «поездкою, тряскою и качанием кареты».

Состояние раны и положение больного настолько ухудшились, что 15 сентября консилиум врачей решил произвести князю ампутацию голени. Об этом сообщил ему Говоров. «С видимыми знаками душевного негодования и прискорбия» Багратион отверг ампутацию.

Пробыв три дня в Сергиевом-Посаде, печальный поезд тронулся дальше, направляясь в село Симы, Владимирской губернии. Только 19 сентября была сделана «предполагаемая операция расширения раны знатным разрезом мягких частей около раны». Здесь, к своему ужасу, врачи обнаружили «совершенный перелом и раздробление берцовой кости, которые вместе с черепком ядра, глубоко вонзившимся в мясистые части, причиняли жестокую и нестерпимую боль».

Болезнь быстро прогрессировала. «Князь был не что иное, как скелет, едва покрытый сморщенною и сухою кожею, сквозь которую видны были кости. Члены едва двигались, и черви, предтечи всеобщего разрушения, гнездились в глубокой ране». Развивался смертельный сепсис, и 24 сентября «поутру летарг совершенно почти убил все чувства князя. В час пополудни он тихо скончался».

Это случилось на 17-е сутки после ранения. Князь был похоронен в каменном склепе в церкви села Симы. Ему было 47 лет.

Возникают вопросы: все ли было сделано для спасения жизни Багратиона?

Разумеется, этот вопрос ставится не с точки зрения современной военно-полевой хирургии, а принимая во внимание уровень знаний и методов лечения огнестрельных переломов в ту эпоху, от которой нас отделяют сто пятьдесят лет.

Сам доктор Говоров облегчает нашу задачу. В заключение он пишет: «Теперь медицинское сословие, которого я был сочленом, отдает себя суждению публики и подвергает благосклонному и беспристрастному исследованию ее следующий вопрос: мог ли быть выпользован князь Петр Иванович Багратион, при вышеупомянутых обстоятельствах, от раны?»

По тому, что задан вопрос и как он поставлен, как будто ожидается ответ: «Нет, спасти князя П. И. Багратиона было невозможно».

А между тем еще в старые времена у врачей, умудренных опытом, сложилось убеждение, передававшееся из поколения в поколение, что всякая рана прежде всего должна быть очищена.

На протяжении столетий взгляды менялись, методы лечения усложнялись, вводились новые средства, но оставалось главное: рану надо расширить, а для конечности создать покой. С внедрением огнестрельного оружия, с развитием артиллерии чаще возникали переломы, быстрее развивались жестокие септические осложнения. Нельзя было рассчитывать только на длительное лечение. Для спасения жизни, даже при пулевом огнестрельном

бель и уничтожение немецкого фашизма.

Старайтесь перенять у немцев их самое грозное и страшное оружие — организованность и четкость.

И, когда почувствуете себя сильными, пустите все это в ход против фашистов. Помните, сыновья мои, пока существует фашистская Германия как государство, пока существует хотя бы один вооруженный фашист, пока бесконтрольно работает хотя бы одна фашистская лаборатория или завод, до тех пор Европе, миру, человечеству, и вам лично и вашей маме, вашим женам и детям грозит смертельная, страшная опасность.

Помните: фашизм вообще, а германский в особенности — это смертельная, кошмарная проказа, коричневая чума, которая грозит всему человечеству...

Пусть же кровь вашего отца, пусть же пепел вашего отца стучит в ваши маленькие сердца, мои мальчики, и пусть последний вооруженный фашист почувствует вашу страшную месть!

Мальчики и Аня! Главное без меня — спокойная и внимательно четкая организация жизни и поступков.

Нас и меня, в частности, погубили зазнайско-болтливая система «на авось», скверная организация и неспособность некоторых командиров, плохо знающих технику и недооценивающих врагов.

Я верю, что враг будет разбит и что победа будет за нами. Если же нет,— уничтожайте врага где и как сможете.

Мальчики, слушайте нашу милую, любимую, родную мамочку, она мой самый родной, близкий и любимый друг.

Аннушка, родная, прощай!

Любимая, солнышко мое! Вырасти мне сыновей таких, чтобы я даже в небытии ими гордился и радовался на крепких, смелых и жизнерадостных моих мальчиков, мстителей с врагами и ласководобрых к людям.

Будьте вы счастливы, здоровы и живы.

Прощайте, целую и обнимаю в последний раз. Тебя, Геничка, тебя, Леньча, тебя, Анночка. Прощайте! Ваш отец. Всегда ваш, Леня Силин-старший.

30 августа 1941 года».

И как трагическое заключение этого письма-завещания звучала последняя, прощальная записка Силина, та самая записка, которую переслала семье Оксана Романченко.

«Дорогие, родные мои жена Анна и мальчики Леня и Геннадий!

Я вас целую и обнимаю в последний раз. Сегодня я буду расстрелян немецким командованием. Мальчики! Вырастите и страшно отомстите всем фашистам за меня. Я целую вас и завещаю вам священную ненависть к проклятому и подлому врагу, бороться с ними до последнего фашиста. Я честно жил, честно боролся и честно умер. Я умираю за Родину, за нашу партию, за великий русский, украинский, белорусский и другие народы нашей Родины, за вас! Любите Родину, как я ее любил, боритесь за нее, как я, а если понадобится,— умрите, как я. Мальчики! Любите, уважайте и слушайте вашу мать, ей будет так тяжело вас воспитывать, но Родина и товарищи, которых я спас, вас не оставят. Помните, у каждого бойца должен быть один лозунг: погибаю, но не сдаюсь. Я не сдавался, я был контужен, не мог ходить и не был вправе бросать своих тяжело раненных бойцов. В плену я им создал советскую колонию и многим спас жизнь. Оставаясь с ними до последней минуты, я принес пользу Родине. Время не ждет. Родные мои, будьте честными советскими людьми, вырастите большевиками! Анна, прощай! Леня и Геннадий, прощайте! Да здравствует Родина! Целую! Ваш муж и отец!»

...Двадцать лет тому назад московский юрист Леонид Силин назвался доктором Леонидом Силиным и организовал госпиталь в тылу врага. Это была благородная ложь: она помогла спасти сотни жизней раненых советских воинов, попавших в гитлеровский плен.

Но теперь на земле есть настоящий доктор Леонид Силин. Это старший сын героя — Леонид Леонидович, недавно окончивший московский медицинский институт и сейчас работающий врачом «Скорой помощи». История госпиталя в Еремеевке подсказала ему выбор профессии. Его младший брат скоро будет инженером, и оба молодых Силина, только вступающие на самостоятельный путь, всегда имеют перед собою великолепный пример в жизни и труде — светлый образ героически погибшего отца.

* * *

Спешные дела мешали мне совершить давно задуманную поезд-

тиона

переломе, требовалась немедленная ампутация, в первые сутки после боя. В тех условиях это считалось самым рациональным мероприятием. Именно в прошлом столетии господствовало убеждение, что «при осложненных огнестрельных переломах от упущения срока ампутации теряется больше жизней, чем спасается конечностей». В русской армии широко использовали эту жестокую, но необходимую меру лечения. «По рассказам стариков, наши хирурги в Бородинском сражении так много ампутировали, что стояли на перевязочных пунктах по щиколотку в крови»,— писал Н. И. Пирогов. То же самое происходило и в лагере противника. Главный хирург армии Наполеона, знаменитый Ларрей — лучший военно-полевой хирург того времени, лично произвел под Бородином за сутки более двухсот ампутаций.

Эта доктрина была руководящей еще в течение многих лет до Севастопольской обороны, когда великий Пирогов восстал против шаблона и с помощью своей гипсовой повязки, впервые им примененной в Крымской войне, провозгласил сберегательный метод лечения.

Разумеется, теперь, читая историю болезни Багратиона, легче понять, в чем состояли неточности, упущения врачей, пользовавших Багратиона. Нетрудно представить, что авторитет Багратиона — высшего представителя военного командования русской армии — давил на сознание лечивших его врачей. Избегая причинять мучения раненому, опасаясь «навлечь на себя его неудовольствие», они ограничились осмотром раны на поле боя и, хотя определили слепой огнестрельный перелом голени, не сделали правильных выводов. Они не только не подумали о первичной ампутации, доверившись внешнему благополучию раны, но даже не рассекли ее, сильно запоздали со вскрытием и вовремя не извлекли посторонних включений, как диктовалось в руководствах тех лет. Больше того, после ревизии раны и простой перевязки конечность не была шинирована, не было создано покоя для ноги, тем более необходимого, что предстоял далекий путь. Автор записок даже допускал возможность, что замеченный вначале несовершенный перелом берцовой кости превратился в совершенный под влиянием «затруднительных переездов, негладких проселочных дорог и тряски в карете».

Таким образом, после вдумчивого анализа истории болезни нельзя признать, что огнестрельная рана Багратиона была смертельной. Не говоря про ампутацию в первые сутки, даже своевременное рассечение ее и вскрытие, возможно, могли бы обеспечить при тех же условиях благоприятный исход.

Б. А. ПЕТРОВ,
член-корреспондент АМН СССР

Это знаменитая кавалерист-девица, героиня Отечественной войны 1812 года Надежда Дурова. Автор скульптурной композиции — Федор Федорович Лях.

Летом сорок пятого года, когда миллионы демобилизованных воинов возвращались домой, в кабинет директора Загорского художественного училища вошел высокий худощавый лейтенант и поставил на стол глиняного коня.

— Вот,— сказал он,— за сегодняшнюю ночь слепил. Прочитал в газете, что объявлен прием в училище. Приехал попытать счастья.

Директор с удивлением смотрел на посетителя.

ПОРТРЕТ КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЫ

— К сожалению, произошло какое-то недоразумение. Нашим ученикам от силы 15—16 лет. А вы, по-моему, уже к третьему десятку приближаетесь.

Молодой офицер — а это был Федор Лях — смутился и торопливо начал заворачивать коня в газету.

Федор Лях лепил с детства. Он родился и вырос в Краснодарском крае, в глухом хуторе Ангелинском. Случилось как-то, что в сельскую школу, где учился Федор, принесли вылепленный из глины бюст Тараса Шевченко. Мальчишки буквально заболели лепкой. Лучше, чем у всех, получалось у Федора Ляха. После войны перед ним встал вопрос: кем быть? Вспомнил он свое былое увлечение: как разминали руки глину, как теплела она, становилась податливой, послушной. Потянуло к творчеству, к ваянию.

Директор увидел растерянное, огорченное лицо Федора.

— Я мог бы предложить вам работу. Поступайте к нам комендантом общежития. Вы сможете посещать уроки в училище, консультироваться у наших преподавателей.

И Федор Лях, взрослый человек, прошедший войну, сел на одну скамейку с подростками, вверенными к тому же его комендантским заботам. Он знал, чего хочет, понимал, что должен овладеть профессией, о которой мечтал столько лет.

Следующей осенью Федор Лях был принят в Строгановское училище. А через три года он вернулся в Загорск, но уже преподавателем художественной лепки. Казалось, цель достигнута: Федор Лях стал скульптором. Однако, столкнувшись с настоящим искусством, Федор почувствовал, что недостает ему глубоких знаний, подлинной культуры. Он снова берется за учебники — поступает на вечернее отделение искусствоведческого факультета МГУ.

Однажды Федору Федоровичу предложили принять участие в реставрации лепных украшений Воскресенского собора в Новом Иерусалиме. Тут открылось его настоящее призвание — быть скульптором-реставратором. Именно в этой работе проявился его интерес к истории, умение найти ответ на сложную историческую загадку. И даже свое первое оригинальное произведение — «Кавалерист-девица», Федор Федорович Лях создавал как художник-историк.

Л. КАФАНОВА

ку в село Еремеевку. Но однажды я получил оттуда известия, заставившие меня ускорить поездку в места, где происходили описанные события. Дело в том, что старой Еремеевке суждено было исчезнуть. Шло строительство Кременчугской ГЭС, и вскоре должно было начаться заполнение нового Кременчугского моря. Еремеевка была среди тех сел, которые должны оказаться на дне будущего моря.

Я приехал в село летом. Еремеевка еще находилась на прежнем месте, но с каждым днем все больше редели ее густые сады, вырубаемые в связи с предстоящим затоплением, уже были разобраны многие старые хаты, и подводы с домашним скарбом колхозников, переезжающих на новое место жительства, тянулись к окраине села. Но мне повезло. Еще оставались нетронутыми каменное здание школы, где помещался госпиталь Силина, дом бывшей сельской управы, жили на старых местах в своих прежних хатах некоторые участники памятных событий. Я встретился здесь с Марией Рубачевой, с бывшим кооператором Иваном Кузьменко, с колхозником Павлом Ивановым, тем самым, что когда-то оказался очевидцем расстрела Силина в Кременчугском лагере, и, наконец, с бывшим сельским старостой, другом и помощником Силина — Иваном Константиновичем Калашником.

Судьба этого человека сложилась драматически: он испытал на себе ту политику, которую после войны проводил враг народа Берия и его приспешники. И. Калашник был несправедливо обвинен в пособничестве врагу и несколько лет отбывал незаслуженное наказание.

Но, пожалуй, самой важной для меня была неожиданная встреча с бывшим главным врачом госпиталя Михаилом Александровичем Добровольским, который тоже оказался в Еремеевке. Старому врачу, столько испытавшему в годы оккупации, довелось пережить личную трагедию: он узнал, что вся его семья, оставшаяся в Одессе, расстреляна гитлеровцами. После войны он уехал в Одесскую область и несколько лет работал там. Но его все время тянуло сюда, в Еремеевку, и в конце концов он вернулся в это ставшее ему родным село и поступил работать в местную больницу. Я записал подробно его воспоминания, записал рассказы других участников событий. Мы вместе с ними ходили по селу, и они показывали мне все, что связано с историей госпиталя Силина.

А потом я побывал и там, где рождалась будущая Еремеевка. К западу от села местность резко поднимается, словно крутым уступом, и вот на гребне этих высот, куда не достигнут волны Кременчугского моря, возникал новый поселок. Вдоль дороги ровным рядом стояли удобные, добротные дома, с широкими окнами,— дома, в которые с удовольствием переезжали из своих старых и подслеповатых хатенок еремеевские колхозники. Уже стояла водонапорная башня, строилось здание больницы, поднимались стены будущего сельского клуба. Только в отличие от старого села новая Еремеевка еще не была укутана в зелень садов и стояла на открытом, голом месте. Но это не омрачало радость новоселов. Они уверенно говорили, что за пять-шесть лет разведут здесь такие же сады, и Еремеевка снова станет зеленой и тенистой.

И я, бродя по новому селу и представляя, каким оно станет через несколько лет, думал о том, что в его жизнь должен обязательно войти подвиг, совершенный здесь советскими людьми в 1941—1942 годах. Лишь теперь, спустя много лет, этот подвиг становится широко известным нашему народу, и нет сомнения, что он будет достойно отмечен. И, вероятно, еремеевским колхозникам, областным организациям Полтавщины и правительству Украины стоит подумать над тем, как увековечить его. Почему бы, скажем, Еремеевке не переменить свое имя и не назваться отныне селом Силином? Почему бы не поставить в центре этого нового села на постаменте бронзовую фигуру Леонида Андреевича Силина со связанными впереди руками, каким он стоял на школьном крыльце, обращаясь в последний раз к народу со своей памятной речью? Почему бы, наконец, пионерам и комсомольцам новой еремеевской школы не создать у себя небольшой музей, посвященный этой славной странице в биографии их села? Пусть будущие поколения жителей села всегда гордятся подвигом Силина и его товарищей и на их примере воспитывают молодежь такими же верными сынами и дочерьми Родины, какими были эти люди.

1.

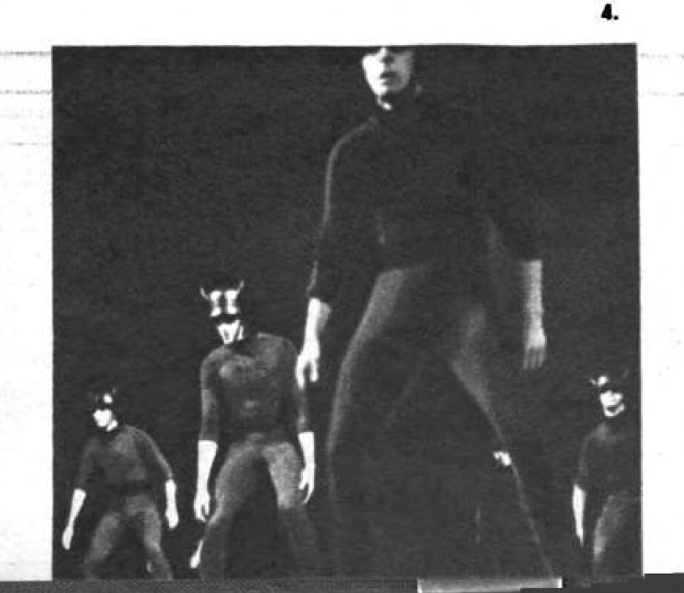
ОБРАЗНАЯ С

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН

1—5. Сцены из балета «Ленинградская симфония».

3.

4.

5.

Можно ли сомневаться в силе поэтических танцевальных обобщений?! Новый хореографический язык возникает и в наши дни в смелом обновлении и развитии принципов симфонического танца.

Молодые ленинградские балетмейстеры Ю. Григорович и И. Бельский почти не прибегают к тем средствам пластической пантомимы, которые, скажем, утверждает в своем «Спартаке» Л. Якобсон. Однако их работы — «Легенда о любви» композитора А. Меликова на сюжет пьесы Н. Хикмета и «Ленинградская симфония» на музыку первой части Седьмой симфонии Д. Шостаковича — вызывают интерес зрителей как работы яркие, современные.

Их спектакли страстно утверждают образную силу танца. Они убеждают в возможности воплощения героической темы современности, раскрытия глубины человеческих мыслей и чувств чисто танцевальными средствами.

В «Легенде о любви» постановщик Ю. Григорович, рассказывая о высокой любви и высоком долге, добивается удивительно смелых, запоминающихся и поэтических обобщений. Как выразительно обрисованы, например, жестокие всадники восточной царицы Мехменэ Бану! Благодаря чеканной, воинственной пластике сражающихся юношей зрителю начинает даже чудиться звон богатого оружия, топот бесчисленных скакунов, лес грозящих пик. Хотя нет на сцене ни коней, ни пик, нет никакого оружия в руках актеров-воинов.

Изобретательно и вдумчиво построил балетмейстер любовные дуэты Ферхада и Ширин. Перед нами действительно воплощенная в танце прекрасная «Легенда о любви». Стоит вспомнить любовные стихи восточных поэтов, вспомнить, в каких восторженных словах и сравнениях описывают они глаза, косы, руки, походку возлюбленной. И станут понятны истоки той страстности, прихотливости, неиссякаемой фантазии, с какой решены дуэты Ферхада и Ширин в балете. Это настоящая пластическая песня любви! Ей ничего не страшно — ни власть царей, ни разлука, ни гибель. Она бессмертна.

...Балет, поставленный И. Бельским на музыку Шостаковича, посвящен патриотической, героической теме.

Здесь в танце оживает современность.

В темноте пустой сцены вспыхивает светящийся автограф Седьмой симфонии Д. Шостаковича, а внизу высвечивается неподвижная фигура юноши. Он закинул голову и так стоит, не отрывая взгляда от нотных строк; он словно внимает звукам великой борьбы, запечатленной в симфонии. В его позе строгая сосредоточенность, и в то же время готовность человека к новым подвигам и свершениям...

Звучит музыка первой части Седьмой симфонии. На белом фоне задника едва намечены стройные очертания моста через Неву, шпиль Адмиралтейства. Несколько штрихов — легчайшие графические намеки — создают образ прекрасного строгого города. Лаконичность графики художника М. Гордона соответствует всему мужественному строю произведения.

Сцену заполняют юноши и девушки. В их танце, порой безмятежном, а порой упорном и волевом, счастливая целеустремленность ликующих молодых сил. Очень интересно наблюдать, как приемы академического, классического танца приобретают особую свежесть, насыщенность, мужественную простоту.

Постепенно танец девушек и юношей замедляется. Их задумчивый шаг теперь передает завороженность белой ленинградской ночи. Кажется, что они тихо и долго бредут по улицам, площадям, мостам любимого города — притихшие, будто вслушиваясь в свои мечты.

Видно, что танец может передать не только энергию, но и раздумье, одухотворенность юности... Эта поглощенность лирическим настроением, светлая созерцательность танца не сразу нарушается доносящимися издалека зловещими тактами темы нашествия. Но вот уже кто-то услышал, заметил, в ужасе закрыл лицо... Момент тревожной настороженности. Потом, словно в строю, выпрямились тела юношей, скорбно приникли к ним девушки. В прыжках юношей — отвага, суровая собранность. В женственных движениях девушек — скорбь, отчаяние. Но и само горестное отчаяние это остается сдержанным. Затем лирика женского танца приобретает трагическую строгость, сила мужского — гневную решимость.

Неуловимыми пластическими штрихами балетмейстер создает впечатление все более глубокого внутреннего возмужания. Девушки словно вырастают в своем скорбном терпении. Юноши, преображаясь на наших глазах, становятся суровыми и грозными воинами. А ведь в их руках опять-таки нет автоматов, да и движения отнюдь не копируют строевого шага.

Появляются ряды гитлеровских полчищ. Они страшны, жестоки. Но в их мерной, устрашающей поступи есть уже нечто обреченное. Это ощущение обреченности возникает благодаря механичности, автоматичности всех движений, какой-то внутренней опустошенности, маниакальности танца: кажется, что каждый шаг врага безжалостно растаптывает что-то живое. Почти гротескно подчеркнутая четкость шагов соединяется с бесцельными взмахами тяжелых рук — это окровавленные, тупо болтающиеся руки убийц, палачей.

Сквозь вражеский строй проходят девушки. Одни идут, поддерживая друг друга, едва передвигая ноги, другие проносятся в стремительных, отчаянных прыжках. Рисунок же танца фашистов не меняется, они и с появлением девушек продолжают шагать и приплясывать все так же мерно и тупо. Вам кажется, что враги безостановочно идут и идут, сея смерть на своем пути, равнодушно и привычно убивая, мучая людей. В них нет даже ярости или одержимости. Только все та же мертвенная маниакальность.

Образ жестокости, тупости и обреченности фашизма нашел в пластике выражение, тождественное музыке Д. Шостаковича. Балетмейстер не боится показать ужас и горечь войны, страдания и муки беззащитных полонянок, лихорадочное безумие труса, пускающегося в присядку, чтобы задобрить и позабавить поработителей... А надо всем этим встает и вырастает в балете образ народного героизма. По сцене над фигурами пригнувшихся немцев проносится, взрывая и разрезая воздух могучими прыжками, юноша-герой. Враги бросаются на него, он падает. Но тут же на месте героя появляются еще трое, четверо, пятеро. Поднимаются с земли смертельно раненные и снова бросаются в бой. Бессмертен народ.

Вновь и вновь хочется подчеркнуть: на сцене нет «настоящих» рукопашных схваток либо перестрелок. Образ героического отпора врагу создается танцем: вихрем полетов и вращений, гранитной монолитностью скульптурных поз.

Величав финал балета. Стремительно скользит и опускается алый стяг; на фоне ясного неба возникает белый строгий обелиск. Вечно будет жить в сердцах людей память о героях.

Подбежав к самому краю рампы, девушка требовательно и вопрошающе протягивает руки к зрителям. Люди, будьте бдительны! Не допустите, чтобы повторился ужас войны!

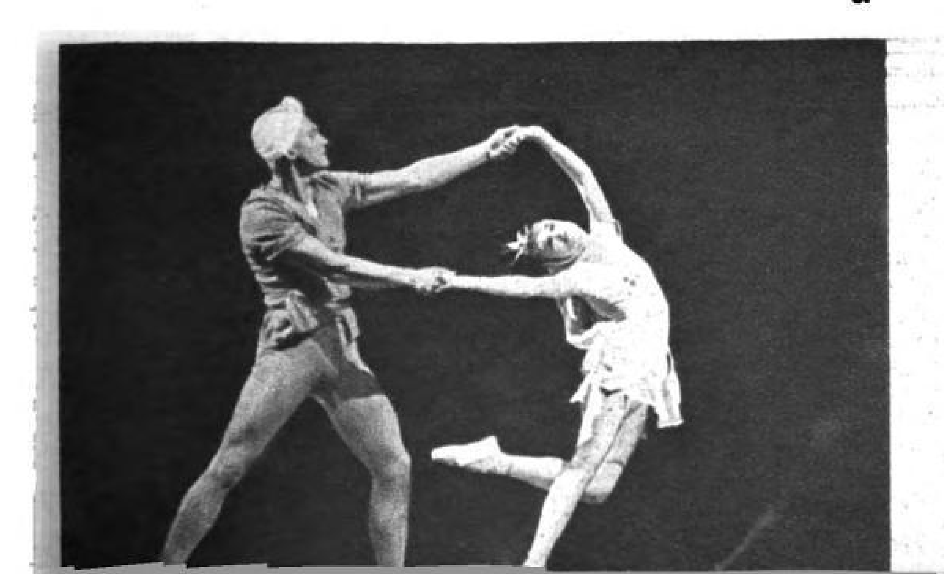

2.

...ИЛА ТАНЦА

Фото Е. УМНО...

6. 7.

6, 7. Балет «Легенда о люб...

Ник. КРУЖКОВ

Заявление на папу

Фельетон

Рисунки В. Черникова.

Кто я? Мне 20 лет, мой рост — 175 сантиметров, ботинки у меня — 43-й размер.

Я учусь. Вернее, не учусь, а собираюсь учиться. Собираюсь почти три года, но никак собраться не могу: все не выходит. Срезавшись на приемных экзаменах в медицинский, а затем в полиграфический, а затем в электротехнический, а потом в педагогический, я убедился, что являюсь сущим ослом и решительно никуда не гожусь.

Папа и мама смотрят на меня грустно, ведут со мной душеспасительные беседы на тему «Ученье — свет, неученье — тьма». Есть еще и вторая, смежная тема собеседований: «Корень учения горек, а плод его сладок».

Все это я знаю и без них...

Мои родственники — дяди, тети, двоюродные сестры — называют меня балбесом, обормотом, лентяем, пижоном, бессовестным, бесчувственным, безнравственным. Все это, по-видимому, истинная правда.

Я ленив, глуп, неразвит. Я жру папин хлеб и бессилен заработать себе хотя бы на кино. Я дармоед.

Каждый день я читаю объявления на улицах: требуются слесари, токари, маляры, разнорабочие, продавцы, няни и даже ученики кассиров. Но все это не для меня. Я желаю быть космонавтом, художником, писателем. Но пока я еще не нашел ни одного объявления «Требуются космонавты» или «Требуются писатели».

У меня есть дядя-художник. Он ничего не делает, только рисует. По крайней мере мне так кажется. Дядя мой высок, толст, носит яркие галстуки и ботинки на каучуковой подошве. Говорят, он талантлив и знаменит. Я этого не знаю. Мне только известно, что именно он назвал меня олухом царя небесного (как-то очень сложно и не по-марксистски), и за это я его ненавижу. Он мне говорит:

— Петька! Иди на любую работу, не висни у отца на шее, у твоего отца коронарная недостаточность, ты его в гроб вгонишь... Поработаешь на производстве, наберешься ума — я тебя за уши вытащу.

Уши у меня большие, оттопыренные, и тащить меня за уши действительно очень удобно. Но удастся ли это моему дяде, я не уверен. Боюсь, что окажу сопротивление и буду хвататься за косяки...

Почему же я такой, и кто в этом виноват?

Долго я размышлял над этим вопросом и пришел к заключению, что во всем виноват мой папа — старший экономист треста «Мельпром», 55 лет, беспартийный. Отчасти виновата и мама, но она всего только иждивенка, с нее много не возьмешь. А папу как-никак окружает общественность, у него в «Мельпроме» местком, цехком, стенгазеты, комиссии. Его легко, как говорят, взять за шкирку.

Недавно я прочитал в газете, как одного 60-летнего старика судили товарищеским судом за то, что его 30-летний сын, будучи пьяным, подрался в троллейбусе. Газета очень похвально отозвалась об этом процессе: так, мол, и надо этому пошлому старику, не сумел воспитать своего сына! А сын, между прочим, отделался легким испугом, и ему ничего не было. Соседи смеялись, и сын тоже ужасно хохотал: был рад, что свалили все с больной головы на здоровую. Только мой дядя сказал: «Собачьи идиоты!» — неизвестно, впрочем, в чей адрес.

Вот эта история с судом и надоумила меня написать заявление на своего папу в местком треста «Мельпром»: пусть ему дадут взбучку за неправильное воспитание собственного единственного сына.

Что же было написано в моем заявлении? А вот что...

Когда я был совсем маленький и ходил в шапочке с красным помпончиком, меня очень любили папа и мама. Они исполняли все мои желания, самые нелепые. У меня была гора игрушек, я объедался пирожными, я был баловнем. Я плевал на бабушку (тогда бабушка была еще жива), всегда метко попадая в цель. Я плевал и на родителей, вызывая этим самое искреннее восхищение. Меня ни разу не выдрали, не поставили в угол. Разве это правильно, товарищи из месткома? В корне неправильно, и вы не можете с этим не согласиться.

Когда я пошел в школу, меня облачили в чистую формочку. Отец сказал: «Береги, не пачкайся. Я не могу каждый день покупать тебе новые штаны». С уроков я пришел грязный, с оторванными пуговицами, с продранным локтем. В ответ на замечание матери я швырнул учебники на пол и стал топтать их ногами. Что сделал со мной отец? Представьте, товарищи из месткома, ничего. Отец проявил гнилой либерализм, товарищи.

Но это было только начало. Я учился плохо, получал двойки, оставался на второй год. Мама часто плакала, отец ходил мрачнее тучи. Но разве этого достаточно, товарищи из месткома? У меня ныли сердце, чесались руки от желания выпороть самого себя. А что делал в это критическое время мой беспринципный папа? Читал мне нотации! Проводил среди меня воспитательную работу! Подсовывал мне разные назидательные книги! Ведь это сущие пустяки, товарищи, это безрукость, если хотите знать.

Когда меня, наконец, выгнали из 8-го класса, как говорят, за тихие успехи и громкое поведение, папа начал меня устраивать в вечернюю школу. Он доставал какие-то справки, бегал в роно, умолял, просил, заклинал, врал, называл меня хорошим, говорил, что все происшедшее — чистое недоразумение. Наконец, ему удалось впихнуть меня в вечернюю школу. Через три месяца обнаружилось, что я за все это время ни разу не открыл учебников по математике. Что же сделал мой папа? Он, видите ли, не придумал ничего лучшего, как опять бегать в роно, хлопотать, унизительно просить, извиняться. Разве это — достойное поведение, товарищи?

Все-таки он, мой жалкий отец, добился своего: меня восстановили в школе, и с грехом пополам я ее окончил.

Это произошло почти три года тому назад. У меня на руках аттестат, и это дает мне возможность удивлять своим невежеством приемные комиссии различных вузов. Меня призывали в армию, но не взяли: у меня плоская стопа. Мой отец не только не огорчился этим, как следовало бы ожидать от честного советского патриота, но, напротив, обрадовался: ему, видите ли, трудно расставаться со мной. Он проявляет ко мне постыдное благодушие и безрассудную снисходительность. Когда я недавно украл у матери 15 рублей (нужно же когда-нибудь развлечься), он ограничился тем, что нудно и долго меня отчитывал. Мне было неприятно на него смотреть: он чуть не плакал от огорчения, словно какая-нибудь слезливая девица.

Чаша моего терпения переполнилась, и вот мое заявление у вас, товарищи из месткома. Прошу вас принять решительные меры в отношении моего отца, обнаружившего: а) преступную слабость воли и характера, б) в корне неправильное понимание своих задач как воспитателя и наставника собственного сына.

* * *

Вот что я написал в своем заявлении. Не знаю, обсуждалось ли оно. Думаю, что обсуждалось, ибо, насколько мне известно, ни одно заявление трудящегося (гм! да!.. тут я слегка запнулся) не должно оставаться без ответа. Два дня отец поздно возвращался домой, видимо, шли заседания, мама смотрела на меня дикими глазами (вот чудачка тоже!) и кормила меня хуже обычного, а на третий день у нас в доме появился мой дядя. Он пришел совершенно неожиданно под вечер — высокий, толстый, в новом демисезонном пальто. Я лежал на диване с журналом в руках, папа корпел над какими-то бумагами, мама возилась на кухне, все молчали. Текла нормальная, тихая семейная жизнь, и ничто не предвещало грозы. Но гроза пришла, и принес ее с собой мой дядя.

Войдя в столовую, он рявкнул во всю мощь своего горла:

— Где этот негодяй? Где эта скотина?

Отец молча показал пальцем в мою сторону...

Дядя сгреб меня в охапку, как щенка, нахлобучил на мою голову шляпу, швырнул в лицо непромокаемый плащ и при отвратительном попустительстве моих родителей дал мне грандиозного пинка, после чего я своими ребрами пересчитал ступени лестницы на протяжении всех четырех этажей нашего дома. Это было со стороны моего дяди очень некрасивым поступком.

* * *

Я сейчас живу у своего приятеля Алика на его тощий счет. Читаю объявления: «Требуются слесари, маляры, разнорабочие...»

В животе бурчит. Почему-то вспоминаются такие глаголы, как «поесть», «пошамать», «похлебать».

Не написать ли мне второе заявление на своего папу? Что это в самом деле?! Распущенность какая-то! Дядя проявил отвратительное самоуправство, а он и пальцем не шевельнул в мою защиту,— папа называется! Прогнивший тип!

Напишу!

И на дядю напишу.

Я буду бороться.

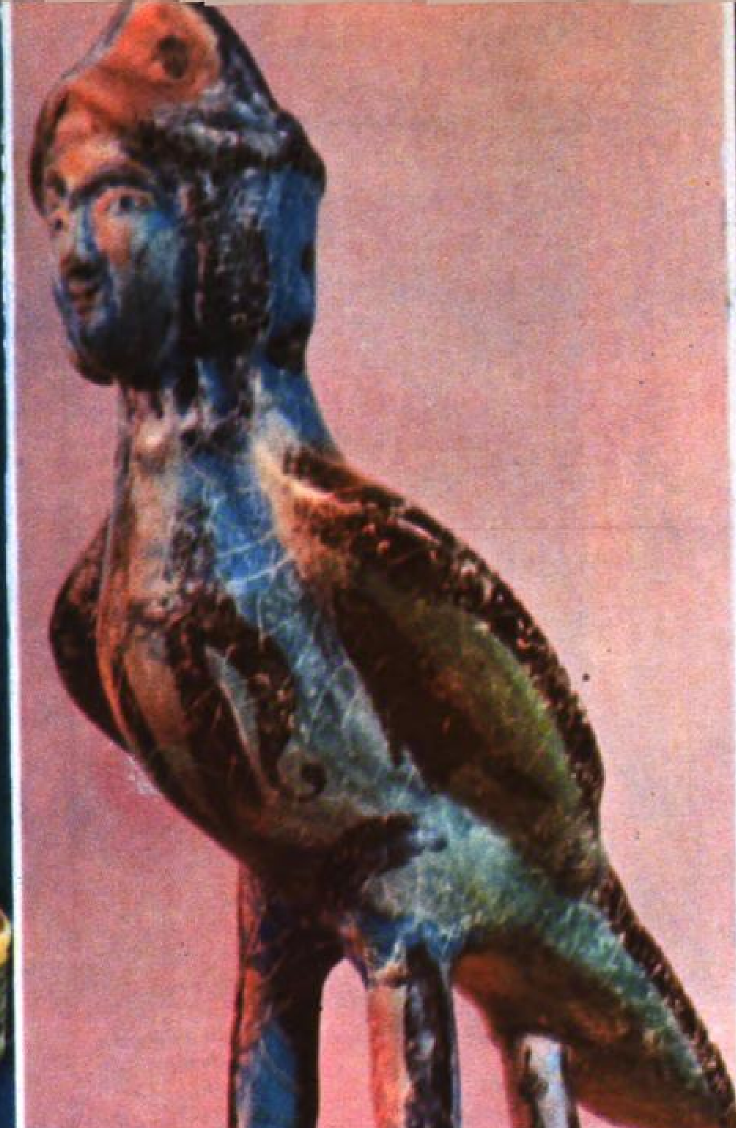
Я покажу, что у меня твердый характер! И они узнают, почем пуд лиха!

Это железно!

Законненько!

Красавица Си Ши. Коралл. КНР. 20-й век.

Сосуд в виде птицы-феникса. Иран. 13-й век.

Хори Рюудзио. Блаженство. Дерево, мел, ткань. Япония. 20-й век.

МУЗЕЙ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР

Фото Е. Умнова и С. Фридлянда.

Декоративная ваза. Латунь, эмаль. Индия. 20-й век.

Декоративная тарелка. Лак «нирмал». Индия. 20-й век.

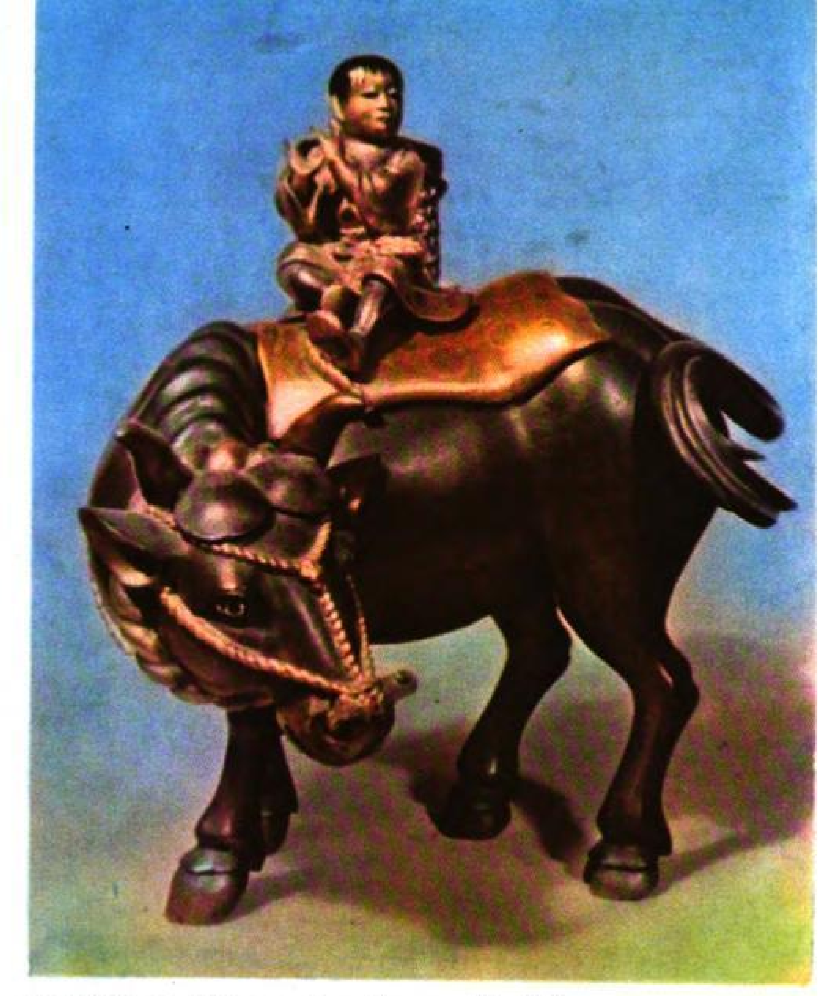

Баклан. Дерево. Индонезия. Остров Бали. 20-й век.

Божество долголетия Шоу Син. Слоновая кость. Китай. 16-й век.

Пастушок на буйволе. Лак. Япония. 18—19-й век.

Блюдо с изображением парусников. Турция. 17-й век.

Слоны за работой. Черное дерево. Индия. 20-й век.

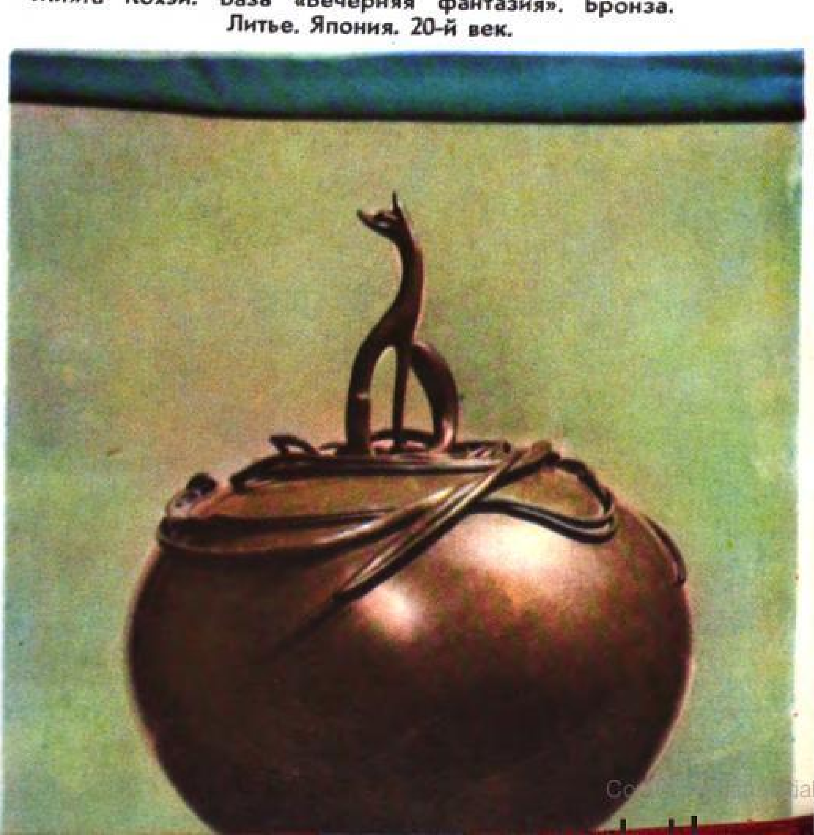
Бродячие актеры-манзаи. Керамика. Япония. 18-й век.

Буддийское божество. Бронза. Непал. 17-й век.

Мията Кохэи. Ваза «Вечерняя фантазия». Бронза. Литье. Япония. 20-й век.

СКАЗКА, СОГРЕТАЯ ЛЮБОВЬЮ

Мир восточных образов своеобразен и на первый взгляд труден для понимания. Но постарайтесь понять красоту искусства Востока, и оно щедро одарит вас, обогатив ваш разум и сердце.

Героями многих произведений китайского искусства были боги: не те, ради которых нужно приносить кровавые жертвы или отказываться от земных радостей. Боги эти — добрейшие существа, часто веселые, проказливые, близкие и понятные простому человеку. Эти полулегендарные персонажи созданы фантазией народа. Таков Шоу Син — маленький старичок с ласковой, чуть лукавой улыбкой доброго волшебника. У него высокий лоб, свидетельствующий о большой мудрости; в руке он держит персик, символизирующий бессмертие, которое он несет людям. Старичок не знает покоя, постоянно странствуя, поэтому в другой руке у него суковатая палка и сосуд в виде двойной тыквы. Раньше, отправляясь в дальнюю дорогу, непременно брали с собой высушенную тыкву с водой, и очень скоро она стала символом доброго пути.

Многочисленные китайские символы одушевляют природу и приближают ее к человеку. Сосна, как и персик, символизировала долголетие, тростник — упорство в достижении цели, старые скалы — мудрость, две рыбы — супружеское согласие. Но особенно много символов было связано с цветами. Народная фантазия даже создала особую фею цветов. Согласно легенде, фея в часы утренней зари парит над пробуждающейся землей и осыпает ее цветами.

Обращение к образам природы пронизывает все китайское искусство. Естественные прожилки и разводы камня прекрасно передают формы складок фантастической одежды феи цветов. Мастер стремится и в законченном произведении сохранить всю непосредственную красоту камня или кости, поэтому он с таким вниманием подбирал материал; ведь не только формы, созданные резцом, передавали замысел художника, но и структура материала — его прожилки, твердость, хрупкость, дымчатость.

Любовь к естественному материалу с его выразительностью переняли у Китая японские умельцы. Но прошли столетия, и японские художники нашли свой неповторимый стиль, совсем не похожий на китайский.

Японские художники создали фигурки манзаев — странствующих народных актеров. Они выполнены из глины и покрыты разноцветной глазурью. В небольшой статуэтке с теплым юмором и симпатией передал мастер характерную мимику японских скоморохов, живописные лохмотья их одежды, их немного смешную и такую специфически «актерскую» походку.

В современном прикладном искусстве Японии на каждом шагу можно встретить образы народного фольклора. Вот на крышке бронзового сосуда грациозно уселась лисица — такой же частый персонаж японских сказок, как и русских.

Каждый народ имеет своих любимых животных. В Индии это слон — животное, олицетворяющее силу и мудрость. В древней индийской мифологии головой слона был наделен один из сыновей могучего бога Шивы — Ганеша. А в современном индийском искусстве нередко встречаются изображения слона за работой. Их вырезают из различных пород дерева, которыми так богата Индия. Тут и ароматный сандал, и красное дерево, и дуб, и даже белоснежное ватное дерево.

Из отвара семян тамаринового дерева в Индии получают лак, им покрывают тарелки и вазы из папье-маше, сверху изделия расписывают яркими красками. На черном фоне краски горят и переливаются, как драгоценные камни. По названию городка, где производятся лаковые изделия, индийские лаки получили название «нирмал».

Жизнерадостными, сочными красками покрывают металлические изделия в городе Джайпуре. Холодные эмали прекрасно гармонируют с желтоватым блеском металла, на который их наносят в виде мелкого орнамента из фигурок птиц, животных и цветочных гирлянд.

В древности металлические изделия были широко распространены и в Иране. Позднее ислам запретил делать сосуды из драгоценных металлов. Тогда стали создавать керамические изделия. Их покрыли металлическим составом — люстром, который мерцал и переливался золотистым блеском. Особенно прославился город Рей; там делали не только вазы, чаши и блюда, но и фигурные сосуды в виде птиц и животных.

Турецкий город Изник знаменит своей керамикой, большими блюдами, расписанными крупными коралловo-красными цветами, а иногда фигурками людей и животных. С какой наблюдательностью и экспрессией изобразил турецкий мастер летящие по волнам кораблики! Несколькими смелыми ударами кисти и всего лишь двумя-тремя цветами художник передал ощущение свежести и силы ветра, движение волн, скорость судов, несущихся под парусами. Изображение свободно вписано в круг тарелки как часть ее общего декора.

Когда-то индонезийская скульптура предназначалась для украшения храмов. Мастер никогда не продавал свои работы, и если у него не хватало на жизнь, то община поддерживала его семью, пока он украшал храм.

Мастерство индонезийских скульпторов поразительно. Тщательность в отработке мельчайших деталей сочетается с гармонией целого, причем никогда не увидишь в их произведениях рабского подражания. Это не копия, не мертвый слепок с действительности, а всегда согретая любовью и вдохновением сказка о жизни, живое существо, пусть внешне неподвижное, но одухотворенное и безупречное по исполнению.

Н. ГРИГОРОВИЧ

ТЕЛЕСКОПОМ УПРАВЛЯЮТ ЗВЕЗДЫ

Огромная труба телескопа устремлена в небо и послушно следует за плывущей звездой. Телескоп поворачивается за ней без всякого участия астронома. Почему это происходит? Оказывается, этим телескопом управляет не человек, а звезды.

В Крымской, Киевской и Пулковской обсерваториях новая оригинальная система, разработанная в Ленинградском институте электромеханики инженером П. В. Николаевым, вытесняет силовой часовой механизм, уже не одно столетие поворачивавший трубу телескопа. Теперь свет звезды, попадающий в телескоп, преобразуется в фототок, который усиливается и поступает для управления электрическим двигателем, перемещающим трубу телескопа. Телескоп автоматически настраивается на любое небесное тело и уже, словно зачарованный, не отводит внимательного взгляда от мерцающей точки.

УЛЬТРАЗВУК И ПОСУДА

Одно из многочисленных применений ультразвука — это... мытье посуды. Установка для этих целей уже действует на московской парфюмерной фабрике «Свобода».

Загрязненная тара закладывается в барабан. Он заполняется водой, в которую добавляют моющий порошок. Включается источник ультразвукового излучения, и под влиянием мельчайших, но очень энергичных колебаний, когда совершенно холодная вода кипит, происходит очищение посуды.

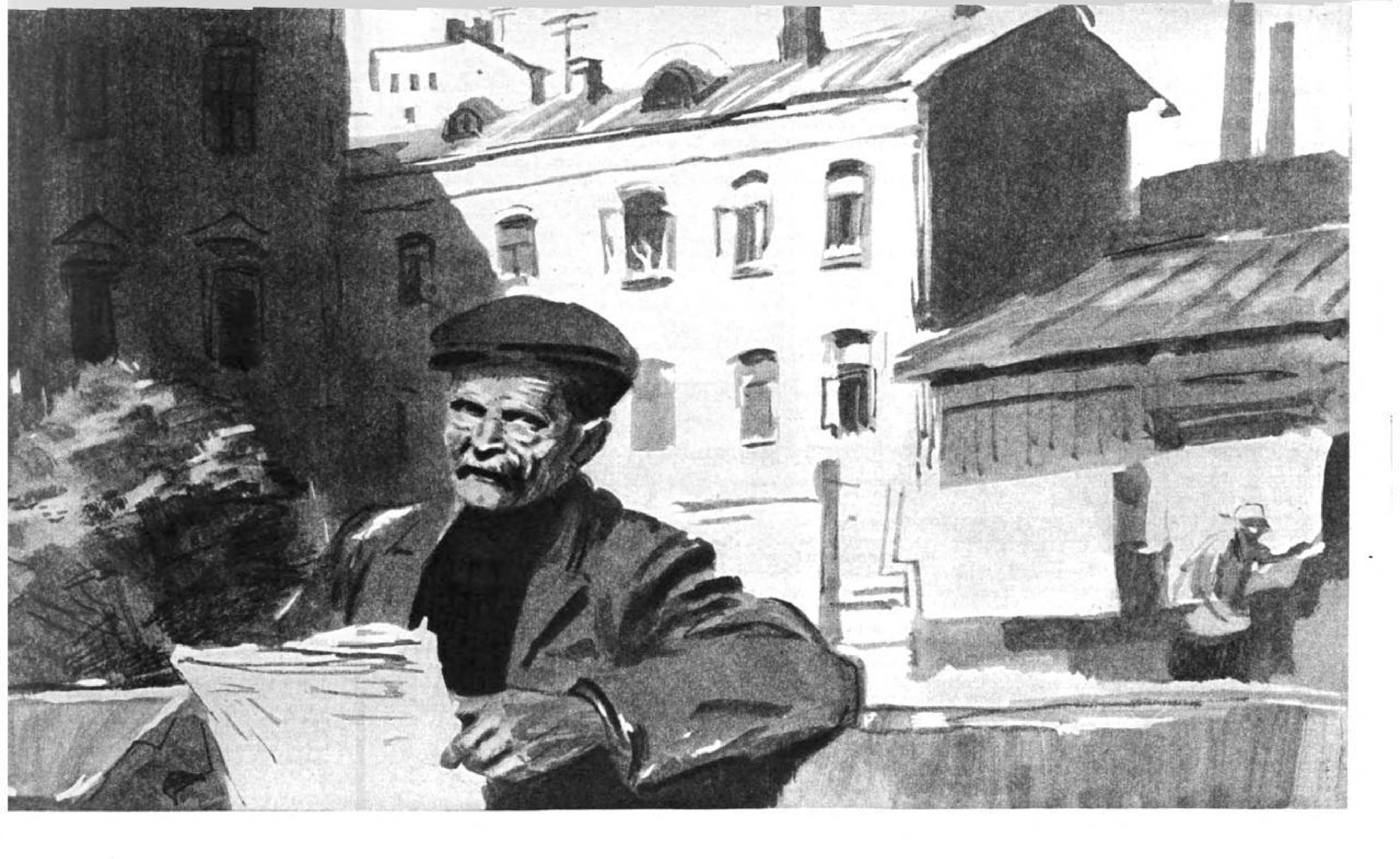
В институте создан опытный образец ультразвуковой моющей машины, которая обрабатывает до десяти тысяч стеклянных баночек в час.

Теперь сотрудники института заняты конструированием еще одного моющего агрегата. Его получат предприятия консервной промышленности. Агрегат позволит высвободить много рабочих для других операций, до минимума снизить брак, улучшить условия труда.

ВОДА НА ЛУНЕ

С чем встретятся на Луне люди? Могут ли они добыть воду, необходимые для жизни газы и полезные ископаемые?

На эти вопросы отвечает французский журнал «Наука и жизнь». Лунные породы содержат атомы водорода и кислорода. При их соединении получается вода. Уже сегодня ученые научились добывать из горных пород воду, кислород и другие газы, а также стекловидную массу, которая может быть использована в качестве строительного материала на Луне. Несомненно, что и лунные минералы могут дать основные химические элементы, необходимые человеку.

ПРОЕ

Борис ЗУБАВИН

Рассказ

Ровно полвека изо дня в день, если не считать выходных, Петр Иванович Березин ходил по одним и тем же улицам, к одной и той же заводской проходной, а оттуда — в свою знаменитую сортопрокатку и ни разу, насколько ему помнится, не задумался: так ли он живет, полна ли жизнь его смысла, значения и содержания? Были в этой жизни радости: рождение Сашки, например; было страшное горе: гибель при автомобильной катастрофе сына и невестки, возвращавшихся с воскресной массовки.

Но даже после несчастья ему некогда было задумываться, поскольку воспитание внука полностью легло на его плечи.

Все, что делалось у них с внуком за те годы, делалось правильно и законно. Правильно и законно пошел Саша после десятилетки на завод, в ту самую знаменитую сортопрокатку, где работали и дед, и отец, и мать Саши и где начальником был Дмитрий Дмитриевич Толоконников, по прозвищу ДДТ, Сашин крестный; правильно и законно дали Петру Ивановичу по старости пенсию, и он, ничуть не горюя, деятельно и не спеша занялся домашним хозяйством, хотя к главной заводской проходной продолжал ходить каждый день, словно на работу. Там он обменивался мнениями со знакомыми вальцовщиками, возвращавшимися со смены, покупал в киоске заводскую многотиражку, которую потом, дома, не спеша и старательно прочитывал от заголовка до редакторской фамилии, и в связи с этим был в курсе всех заводских новостей и событий.

Так правильно и законно жили они с внуком до тех пор, пока Саша, уже учившийся заочно в электротехническом институте, не уехал в Сибирь на строительство ГЭС.

Впрочем, и этот отъезд считался Петром Ивановичем до некоторой степени правильным и законным. Комсомольцы уезжали из Москвы полными вагонами и даже целыми составами, а Саша не хуже других. Однако, если говорить по совести, как на духу, сам дед, окажись он на месте внука, не сделал бы этого ни за что.

Таким образом, Петр Иванович и одобрял и осуждал Сашу. Одобрял вслух, при любом удобном случае, осуждал про себя, тайно от людей.

— Сорванец,— ворчал он,— право слово, сорванец. Бросил меня одного, куда мне теперь деваться?

Без внука ему стало скучно и нелепо жить на земле.

Деньги, которые Саша каждый месяц аккуратно присылал ему, Петр Иванович с такой же аккуратностью относил в сберкассу, где у него были оформлены на имя внука и доверенность и завещание. На житье-бытье ему вполне хватало пенсии.

Беда заключалась в том, что без Саши вдруг утратился смысл жизни. Некуда было деваться с утра до вечера, и словно назло все время хотелось с кем-нибудь поговорить. Он по-прежнему ходил к проходной, встречал там знакомых, покупал газету, но и чтения многотиражки и разговоров со знакомыми хватало ненадолго: знакомые, в большинстве шедшие с ночной смены, выглядели усталыми и торопились домой спать, а газета была невелика.

Как и прежде, дважды в месяц по воскресеньям деда навещал Толоконников. Вот тут уж Петр Иванович наговаривался всласть, досыта. По давнишнему обычаю, ДДТ приносил пол-литра, дед варил картошку, резал большими кусками хлеб, селедку зало́м, выпивали, крякали, гримасничая, сильно дули из себя воздух и говорили решительно обо всем: об очередном пленуме ЦК, о президенте Америки, о Кубе. Только если раньше разговор их незаметно и обязательно сводился к тому, что завод их самый лучший в Москве, а сортопрокатка, в которой дед проработал ровно полвека и которой руководил по сей день Толоконников, самый лучший цех на заводе, то теперь все благополучно и радостно завершалось Сашей.

— Сашка у меня сила! — кричал захмелевший дед.— Такого парня поискать. Энтузиаст. Деда не забывает, о здоровье справляется, каждую получку переводы высылает. Сила!

— Вырастили парня,— вторил Толоконников,— без отца, без матери поставили на ноги, будет нас с тобой благодарить.

— Сила! — ликовал дед.— Энтузиаст высшей марки.

Петру Ивановичу вот так бы и говорить с кумом Толоконниковым хоть каждый день. Очень уж хорошими они были собеседниками. Никогда не возражали друг другу, никогда не спорили и понимали все с полуслова. Стоило, к примеру, Толоконникову сказать:

— Нет, как ты там ни говори, а наша сортопрокатка...

И уже дед, будьте здоровы, знал, что́ сейчас ДДТ скажет про свою любимую сортопрокатку. И он никогда не ждал, пока Толоконников выскажется до конца, и, нетерпеливо ерзая на стуле, подхватывал:

— Сила! Ни в жизнь нас никому не обогнать и не обштопать. Что они, лентопрокатчики, что?

— А листопрокатка? — воодушевленно подхватывал Толоконников, делая при этом презрительное лицо.— Что они могут? Речи на собраниях произносить?

— Это они могут, как же! — кричал дед.— У них одно — тра-ла-ла, тра-ла-ла, а как до дела — слабы. А у нас в цеху, кого ни возьми — сила! Вот, к примеру, наш Сашка, хоть он и уехал там на год, на два, это надо, пускай, ничего, а когда вернется?..

— Сашка у нас молодец, орел!

— Сила!

Так согласно и интересно говорили они час, два, даже незаметно для себя заканчивая любую тему Сашей.

Совсем другое получалось при разговоре с министерским инженером Белогорским.

Петр Иванович не любил Белогорского, который каждое утро неторопливой походкой самодовольного и преуспевающего во всем человека, в безукоризненно вытюженном костюме торжественно, как нечто драгоценное, неся в руке большой желтый портфель, выходил из дому и направлялся к себе в министерство. Петр Иванович не любил его именно за то, что сам Белогорский любил до самозабвения делать все по правилам, по законам, логически. Он был настолько правилен и свят, что к нему невозможно было придраться, упрекнуть его даже в мелком грехе, и именно это его святое прозябание на земле и раздражало Петра Ивановича, хотя он, будучи человеком весьма воспитанным, знающим почем фунт табаку, дипломатично не показывал виду и разговаривал с Белогорским достойно, на равных.

Белогорский и жену и старшую дочь Машеньку прочно опутал своими логическими правилами на все случаи жизни, как мух паутиной.

Но в отличие от Петра Ивановича Машенька уважала отца именно за эту его стойкую последовательность, сама давно уже привыкла долюбивая, румяная Машенька могла бы стать неплохой женой его Сашки.

— Так,— говорил Белогорский присевшему рядом с ним Петру Ивановичу.— Скучаешь?

— С чего бы? — уклончиво отвечал Петр Иванович.

— Не скрывай. По логике, одинокому человеку всегда скучно и одиноко. Поэтому таких, как ты, и называют одинокими, что вам одиноко.

— Одиночество всякое бывает, а мне среди людей хорошо живется,— бодрился дед.— Да и внук не забывает меня.

— Внук позабыл тебя еще тогда, когда собрался уезжать, когда бросил тебя на старости лет на произвол судьбы, а теперь только делает для приличия вид, что не забывает, помнит и чтит. На самом же деле, если бы он тебя чтил, уважал и любил, то он, по логике, ни за что бы не бросил тебя одного, никуда бы не уехал от тебя или же бы тут же вернулся с раскаянием в своем непродуманном поступке.

Петру Ивановичу очень хотелось поговорить о политике, об Африке или об индонезийском министре иностранных дел Субандрио, который недавно приезжал с визитом в СССР. Хотелось поговорить обстоятельно, согласно, отвести за разговором, как это бывает с ДДТ, душу. Но с Белогорским ничего согласного не получалось, поскольку он никого не хотел слушать, ничьих доводов не признавал, считая, что только он один может все разумно и правильно оценить и определить и что к нему все, от мала до велика, должны относиться, как школьники к учителю.

О внуке, особенно с Белогорским, с которым, возможно, придется вступить в родственные связи, деду хотелось говорить так, чтобы собеседник, ахая, восхищенно шлепал себя ладонями по ляжкам и дружно поддакивал. Од-

ЗДОМ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

рассуждать по-отцовски, и когда Саша Березин, работавший электромонтером, учившийся в институте, тот самый Саша, в которого она была тайно влюблена и жизнь которого была, по ее мнению, так логична и благополучна, вдруг все бросил, даже своего старенького дедушку, и уехал в Сибирь на строительство ГЭС, Машенька пришла в ужас. Впрочем, продолжая любить его, она не теряла надежды на то, что Саша все-таки одумается, поймет свою ошибку, пожалеет одинокого дедушку, вернется домой, и тогда... Тогда он увидит, прозрев, как она любит его, все время думает и вспоминает о нем и... Словом, у Машеньки всякий раз при этом приятно замирало сердце.

Каждый день, возвратясь с работы, переодевшись в полосатую пижаму и пообедав, Белогорский выходил во двор покурить и подышать свежим воздухом, хотя от воздуха на Фасонной улице всегда отчетливо попахивало заводскими угольными дымами и лавочка, на которую усаживался Белогорский, была присыпана мелким угольным порошком, и он, прежде чем сесть, вынужден был старательно и брезгливо сдувать этот порошок.

Увидев Белогорского, дующего на лавку, во двор спешил и Петр Иванович, которому все время так не терпелось поговорить, что даже Белогорский был очень приятной находкой. К тому же Петр Иванович, как и все старики, считал себя тонким человеком и давно уже прикидывал, что красивая, рассудительная, тру-

нако Белогорский, хитрая бестия, понимая и чувствуя душевное состояние Петра Ивановича, его бессмысленную без Саши, одинокую жизнь, всякий раз сводил разговор к своим логическим рассуждениям, и Петр Иванович не только не отводил душу в этом разговоре, но уставал от него, как от тяжелой работы.

Но что было делать! Он терпел и умышленно не замечал ловушек, искусно расставляемых перед ним безжалостным Белогорским, поскольку говорить хотелось так, что язык чесался.

Но вот однажды Петр Иванович получил телеграмму, в которой сообщалось, что в одно из ближайших воскресений внук явится в Москву.

Он вышел с этой телеграммой во двор и плотно уселся на лавочку. Уселся счастливый дед на лавочку, и кто бы ни проходил мимо него, всех подзывал и показывал телеграмму, и все выражали удовольствие, что Саша наконец-то возвращается домой. Потом, все больше распаляемый радостью, чувствуя, что не в силах сидеть на одном месте, Петр Иванович отправился к заводской проходной и стал показывать телеграмму всем знакомым, после чего, совсем уж распалясь, поехал в Измайлово к ДДТ, и там они на радостях «тяпнули», как говорил ДДТ, по стопке.

Сколько надежд, волнений и желаний в связи с известием о предстоящем возвращении Саши вспыхнуло у самых различных людей!

Больше и сильнее всех обрадовало и взволновало это известие, конечно же, самого деда. Он весь преобразился. Жизнь его вновь обретала и смысл и значение. И как ему было не ликовать! Подумать только: приедет Сашка, распакует свои чемоданы, пойдет работать обратно в сортопрокатку к ДДТ, а тут Машенька...

«Сила! — твердил про себя дед.— Сила!»

Обрадовался приезду крестника и Толоконников. Он соскучился по Саше, ему не терпелось узнать, как его подопечный выглядит теперь, после двухлетней самостоятельной жизни.

Определенное впечатление произвела телеграмма и в семье Белогорских.

Сам Белогорский, подумав, погладив ладонью бритую голову, наставительно сказал дочери:

— Вот видишь, Машенька, все происходит по законам логики. Логично ли было уезжать ему, оставляя одного престарелого, глупого деда, кое-как, но все-таки воспитавшего его? Нет, нелогично. Я всегда говорил об этом и всегда буду твердо стоять на позициях правильных, логических и обдуманных поступков. Возвращение Александра Березина я рассматриваю как признание им своей вины, своих ошибочных, торопливых взглядов на жизнь, которыми он, заметь это,— тут Белогорский многозначительно поднял торчком указательный палец с крепким желтым ногтем,— заметь это, славился все время, сколько я его помню. И ты прекрасно знаешь, как его необдуманные, нелогичные поступки приносили людям огорчения, например, той же классной руководительнице Майе Васильевне в то время, когда он учился в школе.

— Да, да,— в смятении отозвалась Машенька, доверчиво и покорно глядя на рассудительного отца.— Я знаю.

Известие о приезде Саши взволновало ее не меньше, чем Петра Ивановича. Ведь она продолжала любить Сашу, и теперь все ее страстные и пока не сбывшиеся надежды на то, что он наконец узнает, поймет и достойно оценит ее чувства, воскресли в ней с новой силой. «Да, да,— думала Машенька,— он совершал нелогичные, необдуманные поступки, я-то знаю, эти поступки касались и меня. Папа прав, он возвращается только потому, что понял, как нехорошо поступал с дедушкой, и, конечно, поймет и то, как неправ был по отношению ко мне».

И вот наступило знаменательное воскресенье. Это был чудесный, безоблачный июльский день. Солнце вовсю жарило московские крыши и тротуары. Дед вымыл пол, накрыл стол чистой полотняной скатертью, расставил тарелки и принялся готовить закуску, когда пришел Толоконников и стукнул по столу поллитровкой.

— Еще не приехал? — спросил он.

— Еще нет,— ответил Петр Иванович, нарезая колбасу.

Толоконников распахнул окно, лег животом на подоконник и стал смотреть на улицу.

— Ну и денек! — сказал он, не оборачиваясь.

— Денек что надо! — отозвался дед.— Праздничный денек!

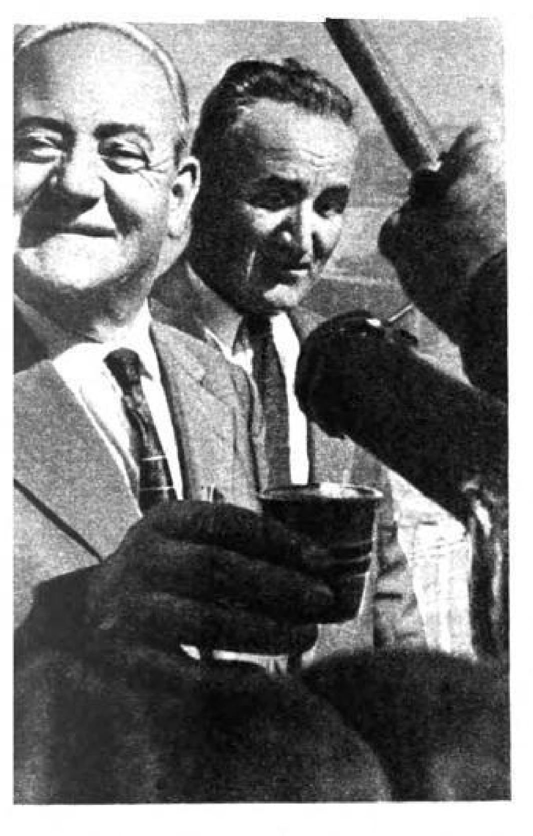
— А ты словно на Первое мая нарядился,— продолжая следить за улицей, сказал ДДТ.

— Для Сашки.

За улицей наблюдал, поджидая Сашу, не только Толоконников. Ниже этажом, как раз под высунувшимся из окна ДДТ, сидела с книгой в руках Машенька. Однако она делала вид, что читает, а на самом деле с нетерпением, как и ДДТ, следила за улицей. Ей казалось, что время тянется нестерпимо медленно и что она сидит подле окошка много часов подряд. Ожидание так измучило ее, что, когда около дома остановилось такси, Машенька даже не сразу поняла, что это приехал Саша. И тем не менее стоило только такси остановиться напротив окна, еще не видя Сашу, не зная, что это приехал он, Машенька почувствовала, как сильно, часто и тревожно застучало ее сердце.

Некоторое время в машине не было никаких признаков жизни. Потом передняя дверца распахнулась, и Саша, засовывая в карман брюк кошелек, вылез из автомобиля.

Батюшки мои, как он возмужал, раздался в плечах, окреп и огрубел! Машенька с трудом узнала в этом красивом, широкоплечем, смуг-

ЗА ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ!

Ия МЕСХИ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Мы никогда не задумывались, почему именно эти слова приходят вам в голову в то время, когда ваша правая рука с бокалом протягивается навстречу человеку, который стоит перед вами?

— За ваше здоровье!

Наверно, это произносилось человеком с древнейших времен, с тех самых, когда он «изобрел» виноградный напиток. И так дошло до наших дней.

— За ваше здоровье!

Он сказал это не напрасно, ибо в виноградном вине заключено здоровье и только здоровье.

— За ваше здоровье! — желает вам месье Буше, француз, винодел, делегат 10-го Международного конгресса виноградарства и виноделия. Впервые конгресс должен был проводиться в СССР. А в СССР решили: да будет он в Грузии! Следовательно, неминуемо и в Кахетии, расположенной по берегам быстротечной Алазани.

И вот настал сентябрь, и из Тбилиси по дорогам Кахетии движется длинный-предлинный кортеж. Где-то впереди едет президент Международного бюро виноделия и виноградарства барон Пьер Ле Руа — невысокий, немолодой шустрый человек, с неожиданно зычным голосом и неистощимым запасом юмора. Едет молчаливый, увешанный орденами узбекский виноградарь Разимат Мусамухамедов, едет Жорж Жоржиакопулос — директор Института вин из Афин и Итало Косо — профессор из города Падуи. Едут люди из Болгарии, Чехословакии, Румынии, Польши, Чили, Японии, Туниса, Марокко, Израиля, Венгрии, Югославии — ученые, предприниматели, колхозные бригадиры, министры. Самая разнообразная публика заходит на виноградники, пробует на ладонь гроздья, на язык — ягоды, пригубливает вино, прицокивая, закатывая глаза, что-то припоминая, сравнивая, оценивая.

Столица Грузии — Тбилиси — открыла перед гостями двери своих крупнейших винодельческих предприятий, научных учреждений, выставок и учебно-опытных хозяйств. Но Кахетия есть Кахетия, и первое столпотворение происходит в Гурджаани у чанов с виноградным соком, в которых приготовляются сладкие колбасы с орехами — чурчхелы. Разумеется, это лишь дополнение к главному впечатлению от гурджаанских вин, изготовленных особым, кахетинским способом.

В селе Велисцихе, в колхозе-миллионере «Заветы Ильича», «конгрессмены» устраивают набег на виноградники. Идет сбор урожая, обещающего хозяйству высокий доход.

В Кварели, на родине «Киндзмараули», разгоряченная солнцем, вином и гостеприимством процессия погружается в чрево горы и идет, идет, идет, наслаждаясь свалившейся, как божий дар, прохладой. Подземный лабиринт есть не что иное, как винохранилище, которое в окончательном своем виде объединит 15 тоннелей, способных хранить каждый по два миллиона декалитров.

— Когда этот лабиринт в Кварели будет полон, я согласен провести в нем остаток своих дней,—

лом мужчине того самого круглолицего, добродушного Сашку, вместе с которым когда-то училась в одном классе и даже однажды (тоже теперь кажется очень давно, помнит ли он этот случай?) ездила с ним в театр.

Машенька так обрадовалась, увидев Сашу, что, порывисто вскочив со стула, уже схватилась было рукою за тюлевую занавеску, чтобы отдернуть ее, окликнуть и первой поздравить Сашу с приездом, но вдруг вся радость, охватившая ее, померкла, и улыбка сбежала с ее лица.

Саша, выбравшись из машины, поспешил распахнуть и заднюю дверцу. И как только он сделал это, из машины, словно чижик из клетки, выпорхнула маленькая, изящная и бойкая девчонка в модном пестреньком платьице. Она ловко оправила свой чуть примявшийся от сидения в машине наряд и, грациозно и гордо вскинув голову (девчонка была курноса и ярко голубоглаза), сунула худенькую, оголенную до плеча руку Саше под локоть.

Тем временем машина, взревев мотором и словно с перепугу присев, прежде чем тронуться с места, укатила, а Саша с бойкой пестренькой девчонкой, по-хозяйски уцепившейся за его руку, не спеша и торжественно направился к дому.

Откуда же взялась эта девчонка, так смело и откровенно показывающая свои неограниченные права на Сашу? Почему Саша приехал с таким видом, будто не был дома всего несколько часов и вернулся из кино или с танцплощадки парка культуры и отдыха? Ведь при нем не оказалось не только чемоданов, но даже нищенского узелка!

Обидное огорчение Машеньки сменилось ревнивым любопытством. Она поспешно схватила книгу и кинулась к двери. Здесь она несколько задержалась, чтобы унять волнение, и как это не раз делала раньше, когда она хотела нечаянно встретиться с Сашей, распахнула дверь и неторопливо вышла в коридор.

— Здравствуй, Саша,— как ни в чем не бывало, с достоинством и достаточно приветливо сказала она.

— Привет работникам питания! — весело закричал Саша.

— Ты давно приехал? — слукавила Машенька.

— Только сейчас. Знакомься,— кивнул он в сторону девушки, продолжавшей держаться за его локоть и, склонив голову набок, с веселым любопытством, без какого-либо смущения рассматривавшей Машеньку.— Это Валя. Валентина Сергеевна Березина. Моя жена.

У Машеньки от этого известия на миг потемнело в глазах, а девчонка, словно издеваясь над ней, держась за Сашин локоть и не спуская с Машеньки вызывающе веселого взгляда, взялась двумя пальчиками свободной руки за подол платья и грациозно присела.

Машенька с болезненной улыбкой поклонилась ей.

— Как жизнь? — спросил Саша, не обратив внимания на эту страдальческую ее улыбку.— Все трудишься на почве общественного питания?

— Да,— рассеянно, но как заученный урок, сказала Машенька.— Ведь я училась, государство затратило средства, и я должна...

— Должна, должна,— благодушно поощрил Саша, помахал рукой, на которой блеснуло золотое кольцо, добавил: — Привет! — И тронулся под руку с беспечной, счастливой женой вверх по старой, с шатающимися из стороны в сторону перилами лестнице.

А там, на площадке второго этажа, их уже поджидали дед и Толоконников.

— А она красивая,— сказала жена.

— Маша? — спросил муж.

— Да.

— Красивая.— Муж посмотрел вниз, не стоит ли там Машенька, и, убедившись, что ее уже нет, продолжал: — Слишком она праведная, нерешительная, ненастойчивая.

— Ты любишь настойчивых? — спросила жена, пытливо поглядев на него снизу вверх.

— А ты не знаешь! — усмехнулся муж и, осторожно, бережно отстранив спутницу, расцеловался сперва с дедом, потом с крестным, потом взял за руку Валю и сказал:

— А это Валя, моя жена.

Воцарилось неловкое молчание.

Первым пришел в себя Петр Иванович и стал поспешно, словно бедняк перед помещицей в китайском кинофильме, кланяться и пятиться перед Валей к двери, приговаривая:

— Милости просим, милости просим.

Валя смотрела на него во все глаза — таким забавным показался ей добрый Сашин дедушка.

— Что ты, дед? — виновато и растроганно сказал Саша и, обняв его за плечи, укоризненно посмотрел на жену.

А в комнате, в той самой комнате, в которой почти всю свою жизнь прожил Петр Иванович, родился и вырос Саша, был накрыт знаменитый березинский стол. Валя даже всплеснула руками — так все оригинально, небрежно, по-мужски было приготовлено: большущие куски колбасы, селедки, сыра, помидоров, кастрюля с горячей картошкой...

Дед, суетясь, стукая бутылкой по рюмкам, разлил водку.

— Ну, молодожены,— сказал ДДТ,— ваше здоровье!

— Только я не пью, вы уж извините,— сказала Валя и, посмотрев на Сашу, добавила: — И он тоже.

— А насчет красненького мы не догадались,— с сожалением сказал ДДТ.— Кто знал, что наш Сашка женатый приедет! Ну, да ладно, мы с дедом хватим за ваше благополучие, а вы горяченькой картошечки, заломчика.

— Это я очень люблю,— улыбнулась Валя.

«Ишь ты какая!» — поощрительно подумал, глядя на нее, ДДТ.

И с этого момента, как принято писать в газетных корреспонденциях, за столом завязалась непринужденная беседа.

— Ну-ка, расскажите нам, как и где вы отыскали друг друга,— попросил Толоконников.

Саша неопределенно пожал плечами, а Валя горящими глазами уставилась на ДДТ, и в ее голове пронеслось все-все, с самой первой их

В Цинандальском парке, у стен старинного винзавода, для участников конгресса накрыт стол на 600 персон.

Президент барон Пьер Ле Руа пробует старинное вино.

спешит записать в книге гостей жизнерадостный президент.

А в старинных винных подвалах Цинандали польская делегация обнаруживает бутылку «Польского меда», выпущенного в 1814 году. Это самая старая из 17 тысяч бутылок вина, составляющих уникальную цинандальскую коллекцию. И здесь же, на этом заводе, членам конгресса демонстрируется самый крупный в мире карусельный пресс, перерабатывающий 30 тонн винограда в один час — настоящий виноградный Гаргантюа!

Прогресс, «модерн» и рядом бережно хранимая мудрая старина — вот, пожалуй, главное хозяйственное впечатление гостей, выраженное устами итальянского ученого Д. Далмассо.

А не хозяйственное, просто человеческое впечатление? Ведь представители виноградарей и виноделов всего мира впервые встречаются с советскими людьми.

— Меня особенно поразил беспредельно радушный прием, оказанный нам самим грузинским народом,— сказал Ле Руа, и все остальные в знак согласия долго аплодировали ему.— Я считаю,— сказал он также,— что конференция по разоружению должна проходить не в Женеве, а здесь, с нами.

И были эти слова не только шуткой, но и серьезным пожеланием людей доброй мирной профессии, которые только что хорошо поговорили и договорились.

встречи. И то, как она, увидев Сашу, сразу же без ума влюбилась в него, и то, как у нее от этой сильной любви вдруг стали сочиняться стихи, и то, как она твердо решила про себя добиться Сашиного внимания и ради этого делать все, чтобы быть достойной его.

Все это и многое еще другое можно было рассказать этим чудесным, как определила она, людям, но Валя ничего не стала рассказывать, а лишь запальчиво и вызывающе весело выкрикнула:

— Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет! — И обратилась к мужу: — Правда, Саша?

— Точно,— отозвался тот.

— Очень лаконично и вполне исчерпывающе,— похвалил молодоженов ДДТ.— А теперь расскажите, почему вы прибыли налегке. Или поиздержались в дороге?

— Так мы же едем на курорт,— сказала Валя.— На Кавказ, в отпуск. У нас путевки, а вещи наши на вокзале, в камере хранения.— Она сделалась очень озабоченной.— Можете себе представить, нам до отхода поезда надо еще побывать на Пресне, у моей мамы.

— С визитом, так сказать,— подхватил ДДТ, наливая себе и деду еще по рюмке.

— Вроде этого,— согласился Саша. Он опять виновато посмотрел на деда.— Мы, дед, когда будем ехать обратно, на несколько дней задержимся.

Дед, все это время восторженно глядевший на внука, заспешил, заторопился:

— Делайте как лучше. Вы на нас не смотрите, мы еще тут посидим, потолкуем.

— Поехали еще раз под селедочку,— подняв рюмку, предложил ему ДДТ.

Они чокнулись, выпили, ошалело поглядели друг на друга; дед, сморщась, крякнул, ДДТ дунул из себя воздух, и оба разом, словно по команде, принялись закусывать.

Прошло еще полчаса. ДДТ расспрашивал о строительстве ГЭС, Саша с Валей рассказывали, захмелевший дед несколько раз воскликал:

— Сила! Митрий, кум, это же сила!

Но вот молодожены, переглянувшись, поднялись, и Саша, вновь виновато поглядев на деда, сказал:

— Нам пора.

— Всего вам доброго, всего вам доброго,— подхватил дед,— отдыхайте и все такое, как полагается.

ДДТ, откинувшись на спинку стула, доброжелательно поглядывал на крестника и его жену. А когда они ушли, дед, выпив с ДДТ еще по рюмке, прослезился и закричал:

— Сила! Сашка-то наш — сила! Взял и женился. Каков, а?

— Правильно. Полюбил — женись,— поддержал Толоконников.

— Правильно! — подхватил дед.— Полюбил — все побоку! Женился — и на курорт! Видал, каков?

— Нашего Сашку голыми руками не возьмешь.

— Именно!

Тут разговор их сделал несколько произвольный, даже без всякого усилия с их стороны, зигзаг, перескочил на строительство ГЭС, про которое только что рассказывали молодожены, потом почему-то на Асуанскую плотину, коснулся международной политики, и они по заведенному давно обычаю дружно, в один голос стали обсуждать последнюю пресс-конференцию президента США.

Выйдя из дому, молодые Березины опять встретились с Машенькой. Она сидела во дворе на скамейке рядом со своим отцом, министерским инженером, облаченным в полосатую пижаму, и Саше пришлось представлять Белогорскому свою жену.

Белогорский учтиво и несколько ехидно улыбнулся, а когда Березины скрылись за воротами, сказал:

— Вот, Машенька, логично ли так скоропспешно жениться, не получив даже согласия дедушки? Пусть он недалек, в некоторой степени даже глуп, но он дедушка, и не спроситься его может только бестактный человек.

— Откуда это тебе известно, папа? — с тоской сказала Машенька.

— Если бы он запросил у деда согласия, то об этом давно бы уже знал весь наш дом, однако нелогичность его поступка...

Он говорил обстоятельно, словно читал лекцию, а Машенька, все глядя себе под ноги, впервые за всю жизнь не слушала отца и зло думала: «Да пусть она пропадет пропадом, твоя хваленая логика. Ненавижу! Ненавижу!»

А молодожены Березины тем временем уже были на стоянке такси, и как раз в тот момент, когда подошла их очередь, Саша увидел свою бывшую классную руководительницу Майю Васильевну и окликнул ее.

— Березин? — удивилась она.— Не узнать!

— А вы все такая же.— Саша приветливо улыбался.

— Что вы, где, что делаете?

Он рассказал, где работает.

— Похвально, похвально,— сказала она, хотя ничего похвального в том, что он электромонтер, она не находила.

— И заочно институт заканчиваю,— добавил Саша.

— О! — удивилась она теперь уже искренне.

— А это моя жена Валя,— сказал Саша и обнял Валю за плечи.

— Поздравляю, поздравляю,— проговорила учительница и подумала, что он, вероятно, попрежнему такой же неугомонный, и своим поведением приносит людям много хлопот и неудобств. Но подумала теперь уж не так, как думала раньше, когда была классной руководительницей, а без раздражения и обиды.

Обменявшись еще несколькими любезностями, Березины сели в такси, учительница последовала своей дорогой, и когда машина тронулась, Саше так вдруг стало жалко расставаться и с дедом, и с ДДТ, и с Машенькой, и с Майей Васильевной, и со старым своим московским домом, что он даже крякнул с досадой и махнул рукой.

— Что ты? — заботливо спросила Валя.

— Жалко что-то мне,— сказал он.— А отчего, и сам не пойму.

Ходит белая луна

Музыка Б. МОКРОУСОВА Слова Н. ГРИБАЧЕВА

За селом невдалеке
Ходит белая луна,
На селе и на реке
Устоялась тишина.

Только травы пьют росу,
Не смолкает соловей,
Да целуется в лесу
Парень с девушкой своей.

Стежкой с кручи шел рыбак,
Затаился у плетня.
Трубка старая в зубах
Остывает без огня.

Это дочь его тайком
С пареньком ушла во тьму,
И при случае таком
Все упреки ни к чему.

Было время, сам гулял
Над рекою до утра,
Сам любил и целовал,
А теперь другим пора.

Знать, у каждого своя
Невозвратная весна,
Где под песни соловья
Ходит белая луна.

Поединок

Охотник давно заметил маленькую черную точку на льду. Обходя разводья, перепрыгивая трещины, он держал направление на торчащую глыбу льда. Угрожающе хлюпала вода, ударяясь о подмытые края льдин, но охотника не пугала неустойчивость льда под ногами. Перед ним была цель.

На краю небольшого поля лежал крупный морж. Иногда льдина, где находился человек, и глыба, на которой лежала черная туша моржа, приподнимались волной одновременно, и тогда охотнику хорошо было видно зверя.

Человек заметил, что морж чувствует себя неспокойно. Наведя бинокль, охотник ясно разглядел животное. Это был сильный, крупный морж. Концы его мощных клыков были выгнуты во внешнюю сторону, что редко случается у моржей. Он лежал головой к воде. Задние ласты подобраны, при первой опасности они готовы бросить громадную тушу в море.

«Осторожный, а глупый,— подумал охотник.— Не мог улечься на ровном месте, подальше от тороса». Он решил, что удобнее всего подойти к зверю из-за этого тороса, и хотел было тронуться с места, но настороженность зверя передалась и ему. Морж не мог чувствовать присутствия человека, не могли его встревожить и привычные звуки булькающей воды, треск и шум ломающихся льдов. Тут было что-то другое...

Охотник затаился, стал осматривать в бинокль каждую льдинку. Его внимание остановилось на желтом пятнышке, которое неясно выделялось лишь на фоне белых и синевато-зеленых льдин. Пятнышко двигалось, исчезая в торосах и вновь появляясь на ровном поле льдов.

«А ведь это умка — медведь»,— определил охотник.

Медведь полз, ловко пользуясь неровностями ледяного покрова. Быстрыми, бесшумными прыжками достиг он тороса и притаился, слившись с глыбой льда. Казалось, умка застыл. Но чуть заметными движениями он стремился вперед, выбирая удобную позицию и готовясь к прыжку.

Морж как будто успокоился, опу-

КОВАРНАЯ ПРИМЕТА

Ян ПОЛИЩУК

Чижиков вернулся в общежитие поздно вечером.

— Ребята! — сказал он счастливым голосом, будто получил очередную посылку от гжельской тетки.— Ребята! Хочу вас обрадовать. Я уговорил профессора. Завтра он будет меня экзаменовать. Теперь остановка за вами.

— За кем? — спросил Коля Гребенкин, не скрывая разочарования. Чижиков сдавал сопромат уже третий раз, и мы стали привыкать к его неуду.

— За вами! — категорически сказал Чижиков.— Ругайте меня на чем свет стоит, и на этот раз я сдам наверняка.

— Хорошо,— согласился Коля Гребенкин.— Мы-то уж давно готовы. А когда приступать?

— Завтра. Во время экзамена,— сказал Чижиков.

— Я противник заочных методов,— откликнулся из угла Володя Титов.— Не стоит откладывать дело в долгий ящик.

Чижиков повел носом, но потом согласился. Интересы науки взяли верх.

Володя Титов старательно откашлялся, набрал побольше воздуха в свою атлетическую грудь и начал с несколько общих мест:

— Я бы таких лентяев вообще не пускал в институт. Только напрасно занимают место, на которое, быть может, претендовал человек талантливый и просвещенный...

— Ничего,— кивнул Чижиков.— Подходяще. Пожалуй, тройка мне уже обеспечена. Давай теперь ты, Гребенкин.

Коля Гребенкин долго глядел в потолок, черпал там вдохновение и наконец разразился экспромтом:

Кто чванлив, самоуверен,
Точно старый сивый мерин?
Кто состоит из пустяков?
Ну, конечно, Чижиков!

— Неплохо,— отметил Чижиков, но в его голосе почему-то не было восторга.— Только откуда «старый сивый мерин»? Не так уж я стар для второго курса.

— Для рифмы,— быстро нашелся Гребенкин.— И «Чижиков» для рифмы. А все вместе для твоей же пользы.

— Спасибо,— сказал Чижиков.— Вы верные друзья. Теперь я, пожалуй, на четверку натяну. Только, если можно, не очень фантазируйте. Придерживайтесь правды жизни.

— Правда жизни?! — воскликнул до сих пор молчавший Саша.— Хорошо. Слушай, и пусть это тебе поможет получить пятерку с плюсом. Как можно назвать человека, который способен тайком от друзей слопать тетушкины пампушки?

— Эгоистом! — хором подсказали Гребенкин и Титов.

— Как назвать человека, который вместо учебника сопромата изучает улыбку Анюты Савиной?

— Донжуаном! — пояснили Гребенкин и Титов.

— Как назвать человека, который верит в бабушкины приметы?

— Невеждою! — прокомментировали Гребенкин и Титов.

Чижиков молча разделся и лег в постель. Почти до самого рассвета были слышны его печальные вздохи.

К вечеру следующего дня мы снова были в сборе. Чижиков вошел в комнату и, свирепо поглядев на нас, сказал:

— Вот вы меня крыли почем зря, черт знает как называли: и лентяем, и невеждою, и донжуаном... А профессор иного мнения! Он сказал, что я человек почти талантливый и просвещенный, если сумел все-таки сдать...

— И сколько поставил? — спросил Володя Титов.

— Четыре. Но не принимайте на свой счет... Хватит. Теперь-то я вас разгадал. Теперь я вижу, какие вы друзья. Все. Перевожусь в другую комнату.

И он ушел. Ушел совсем. Какая неблагодарность!..

Страна с приставкой «НЕ»

Джанни РОДАРИ

Джованнино Бездельник был великим путешественником. Путешествовал он, путешествовал и очутился в стране с приставкой «НЕ».

— Что это за страна? — спросил он у какого-то человека, отдыхавшего под деревом.

Человек вместо ответа вынул из кармана перочинный нож и раскрыл его.

— Что это?

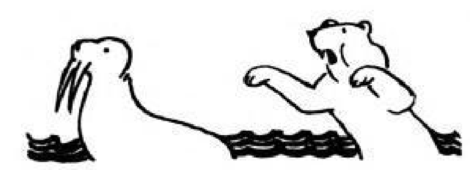
— Это ножик.

— Ошибаешься! Это НЕножик, то есть ножик с приставкой «НЕ». Он применяется для удлинения исписанных карандашей и приносит очень большую пользу в школах.

— Великолепно! — сказал Джо-

стил голову, коснувшись клыками льда, и, казалось, задремал. А медведь подбирал задние лапы. Шерсть на загривке взъерошилась. Все тело вздрагивало.

Морж пошевелил задними ластами, лениво поднял голову. Это и нужно было умке. Он стремительно сорвался с места и легко вспрыгнул на спину моржа. Не первой

добычей был для него морской зверь, однако с таким он встретился впервые. У медведя есть испытанный прием: вцепиться в ноздри моржа, обхватив шею лапами, резко задрать голову и надломить шейный позвонок. Но морж напряг мускулы и отвердел, словно глыба льда.

Ненадолго звери замерли. Медведь напрягал силы, чтобы закинуть моржу голову, а морж всем телом медленно выгибал спину. Не успел охотник предугадать события, как морж резко выпрямился, умка перелетел через голову моржа, и оба зверя, подняв столб брызг, скрылись в морской глубине. Медведь попал в тиски, его лапы были крепко прижаты клыками к груди моржа.

«Камака умка — погиб медведь»,— решил охотник. Он взобрался на глыбу льда. Из воды цепочкой всплывали пузырьки воздуха, кругами расходились мелкие волны. Что происходило в воде, охотник не видел, но знал, что поединок не кончился.

Вдруг на поверхность всплыл умка. Кое-как он подплыл к кромке, с трудом взобрался на лед, прополз несколько метров и затих.

Через некоторое время показался морж. Движения его были медлительны. Вода около моржа окрашивалась кровью. Морж поднял голову, уставил свои злые глазки на торос и затем медленно погрузился в воду.

Человек ткнул прикладом винтовки медведя в бок и почувствовал мягкую пустоту, словно тело было без костей. Вся грудная клетка умки раздавлена, ребра переломаны. «Да, лучше бы ты не попадал под клыки моржа-кэглючина,— подумал охотник.— Но и кэглючину, видно, не быть в живых».

В. ЛЕОНТЬЕВ

Магадан.

В ВОРОНЬЕМ ГНЕЗДЕ

Обычно чайки устраивают гнезда на земле. На Рыбинском водохранилище сизая чайка поселилась в вороньем гнезде, на одном из деревьев затопленного леса.

В. НЕМЦОВ,
кандидат биологических наук

Николо-Высокое,
Калининская область.

СВЫШЕ КИЛОГРАММА

В Белоканском и Закатальском районах Азербайджана растет груша донгузбаш. Ее плоды прозрачны, мягки и ароматны. Вес их нередко достигает более килограмма каждый. Один из таких плодов показан на снимке.

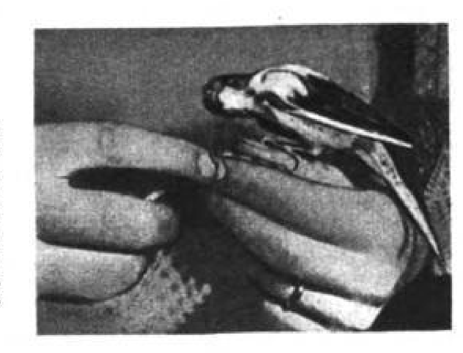
Н. ЯГНОВ

Белоканы.

ПИЧЧИО ЗА РАБОТОЙ

В городе Вероне (Италия) у супругов Синчио и Дорина Вали есть канарейка Пиччио. Каждый раз, когда Дорина садится шить, Пиччио подлетает и старается помочь хозяйке в работе. Птичка хватает клювом иголку за острый конец и вытягивает ее из материала. Хозяева уверяют, что не было еще случая, чтобы ловкая канарейка уколола.

А. МАРИИНСКИЙ

ваннино.— А что еще есть у вас?

— Еще у нас есть НЕвешалки.

— Вы хотели сказать «вешалки»?

— Вешалки ни к чему, если у вас нет пальто. С нашими НЕвешалками совсем наоборот. На них не нужно ничего вешать: все уже повешено. Если вам нужно пальто, идите и снимайте его; если кому необходима куртка, вовсе не обязательно идти в магазин: он идет к НЕвешалке и снимает с нее для себя куртку. У нас есть НЕвешалки для мужчин и для женщин, НЕвешалки летние и зимние. На этом мы экономим много средств.

— Какая прелесть! А еще?

— Еще у нас есть НЕфотоаппарат, который вместо фотографий делает очень смешные карикатуры. А еще у нас есть НЕпушка.

— Брр! Какой ужас!

— Вовсе нет! НЕпушка — это противоположность пушке и служит для прекращения войны.

— А как она действует?

— Очень просто, ею может пользоваться даже ребенок. Если где-либо началась война, мы трубим в трубу, разряжаем НЕпушку — и война немедленно прекращается.

Что за удивительная страна с приставкой «НЕ»!

Перевод с итальянского
А. БАТРАКОВА.

ОСТАНОВКИ НА СКОЛЬЗКИХ ДОРОГАХ

В. ТАРАСОВ,
председатель Московского городского Совета Всесоюзного общества рационализаторов и изобретателей

Опубликованная в «Огоньке» статья В. Павлова названа «Рассмотрено, испытано, одобрено... заморожено». А как хотелось бы прочесть другой заголовок: «Рассмотрено, испытано, одобрено, использовано»! Ведь речь идет о трех крупных изобретениях, эффективность которых очевидна!

В связи с выступлением «Огонька» хочется высказать некоторые соображения.

Технический прогресс в нашей стране немыслим без активного участия изобретателей и рационализаторов. И вклад их на этом поприще весьма и весьма ощутим. В Москве, например, новаторы только в прошлом году внесли и внедрили более шестисот крупных изобретений, которые дали многомиллионную экономию. А всего с начала семилетки изобретатели и рационализаторы столицы сохранили государству более 326 миллионов рублей (в новых деньгах!).

Сделано много. И все-таки этого явно недостаточно. Простой арифметический подсчет ожидаемой экономии от запатентованных и всеми одобренных новшеств, которые долгие месяцы ожидают внедрения в производство, а пока не приносят никакой пользы, показывает, что эта сумма могла бы быть неизмеримо больше. И грустный список замороженных изобретений, приведенный в статье В. Павлова, можно было бы продолжить.

Взять, например, метчик-протяжку, предложенный руководителем секции Совета новаторов Мосгорсовнархоза токарем Б. Даниловым, или автоматическое устройство для накалывания литейных форм, изобретенное А. Ефремовым, или компаратор для аттестации деталей И. Цирюльникова и А. Пеликса, или контрольную плиту для разметки крупных моделей и отливок в любом положении Н. Поскочеева.

Не говоря уже об экономии средств, которую эти изобретения сулят, они значительно облегчат труд человека, сделают его во много раз более производительным. И все-таки предприятия, которым было поручено освоение новшеств — заводы «Фрезер», «Компрессор», «Станколит», завод деревообрабатывающих станков,— из месяца в месяц откладывают хлопотное для них дело, а отраслевые управления Мосгорсовнархоза, которым подчинены эти предприятия, благодушно регистрируют срыв всех сроков.

В этой области администрация предприятий, по сути дела, бесконтрольна, и часто случается так, что все зависит от доброй воли руководителя. А он не отчитывается в выполнении заданий по внедрению изобретений. Эти задания, выражаясь языком экономистов, являются не отчетными, а лишь так называемыми «учитываемыми» показателями производственных планов.

Если, к примеру, завод не добьется запланированной производительности труда или себестоимости продукции, предприятие сразу же окажется в числе отстающих, а его работники лишатся премий. А если не будет выполнен план внедрения изобретений, то за это самое большее пожурят.

Есть еще один ухаб на пути изобретателя: на предприятиях нет специальных фондов оборудования и материалов, необходимых для изготовления опытных образцов.

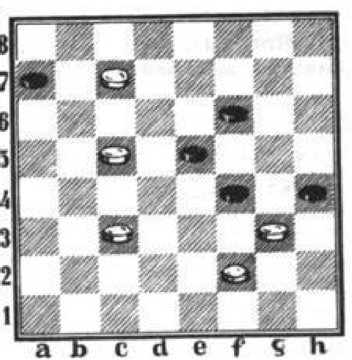
Материалы у нас планируются крупными партиями — тоннами, кубометрами, а оборудование — десятками единиц. Для создания же первого опытного образца таких количеств не требуется. Зато часто возникает необходимость в материалах и машинах, которые не нужны для выпуска плановой продукции. Но эти материалы и машины не входят в так называемые фонды, их приходится доставать путем сложных снабженческих ухищрений и обменных операций. Поэтому создание опытного образца порой длится месяцами, а иногда и годами. Идет время, и пока готовится опытный образец, изобретение стареет, делается ненужным и гибнет на корню, так и не принеся никакой пользы...

Наконец, по нашему мнению, следует разработать систему поощрения предприятия, которое первым внедряет то или иное новшество, берет его, так сказать, с бумаги и воплощает в металл. Ведь именно оно испытывает наибольшие трудности и несет наибольшие затраты, а его конструкторы, рабочие вкладывают в создание промышленного образца немало собственных идей. Издержки, труд других заводов, которые получают уже готовые чертежи отработанной и испытанной модели, не идут ни в какое сравнение с затратами и усилиями тех, кто впервые осваивает то или иное новшество. Именно поэтому многие руководители предприятий предпочитают подождать, пока изобретение будет кем-то уже реализовано, чтобы потом идти проторенным путем.

Таковы некоторые ухабы на трудной дороге изобретения — от бумаги до металла.

ШАШКИ

Под редакцией мастера
Г. Я. Торчинского
Концовка.
А. Виндерман (Москва)

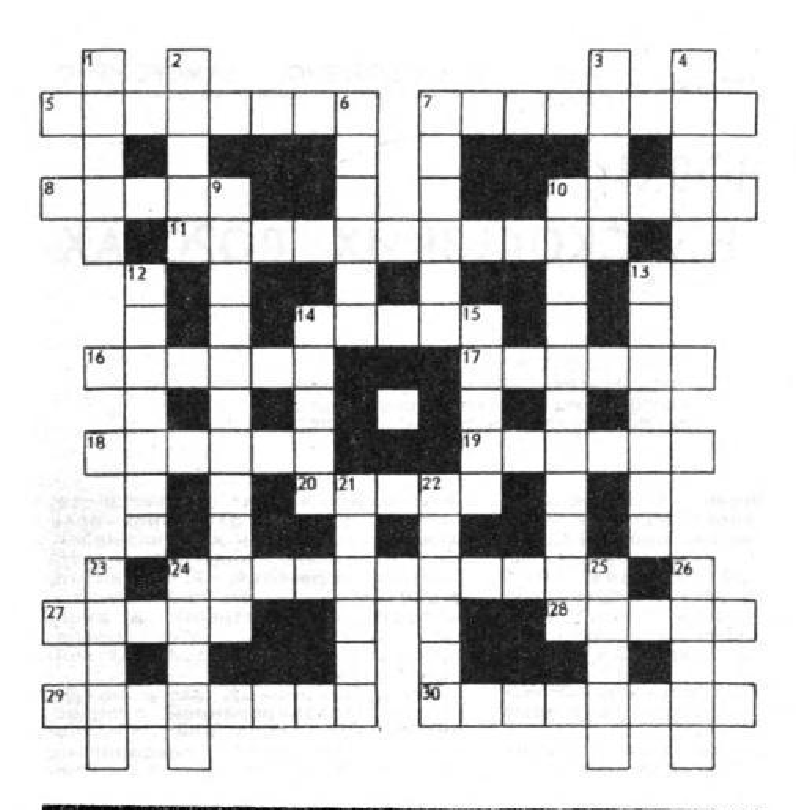

Белые начинают и выигрывают.

Решение концовки И. Кобцева, помещенной в № 38 «Огонька» 1. c3—b4! (как показывает анализ, только этот ход ведет к победе) b6—a5 (если 1... g5—h4, то 2. b4—c5 b6—a5 3. c5—b6 g7—h6 4. b6:d8 e7—d6 5. d8:g5 h6:d2 6. b2—c3 d2:b4 7. a3:e7 a5—b4 8. e7—f8 b4—a3 9. f8—h6 a3—b2 10. h6—c1 b2—a1 11. c1—f4). 2. e3—f4!! и при любом ответе черных белые выигрывают.

Решение этюда Д. Калинского, помещенного в № 38 «Огонька».

1. e1—b4! g3:e1. 2. a1—c3! и белые выигрывают, так как 2... e1—f2 или e1—g3 последует 3. c3—a1, а на 2... h4—g3—3. b4—a3 и т. д. Прекрасная миниатюра! Та же идея выигрыша послужила основой другого этюда талантливого мастера; белые: дамки a3, c3, простые a7 и h2 (4); черные: дамки f4, g3, простые a5 и h4 (4). Выигрыш 1. a7—b8 g3—e1. 2. b8:g3 h4:f2 3. h2—g3! f2:h4 4. a3—b4 и выигрывают.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Народная артистка СССР. 7. Элементарная частица. 8. Летчик. 10. Водопад в Карелии. 11. Советский академик, агрохимик. 14. Приток Куры. 16. Морская птица. 17. Крепление в шахтах, туннелях. 18. Красная медная руда. 19. Лососевая рыба. 20. Простейшее животное. 24. Промышленный город Башкирии. 27. Горная система в Сибири. 28. Наклейка на товаре. 29. Проезжая часть улицы. 30. Декоративное обрамление окна, двери.

По вертикали:

1. Металл. 2. Танец. 3. Периодическое понижение уровня моря. 4. Антилопа. 6. Третейский судья. 7. Укрытие для выращивания рассады и ранних овощей. 9. Кинокомедия. 10. Народная песня. 12. Грузинский струнный инструмент. 13. Громкоговоритель. 14. Первая русская комическая опера. 15. Каменная ограда. 21. Разряд атмосферного электричества. 22. Русский врач-терапевт XIX века. 23. Покрой, модель одежды. 24. Травянистое растение. 25. Крутой спуск, обрыв. 26. Мех олененка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

3. «Восток». 5. Николаев. 10. Попович. 11. Перевал. 12. Амазонка. 14. Подвиг. 15. Оборот. 17. Левкой. 19. Адажио. 20. Ангара. 22. «Шинель». 25. Аттестат. 27. Пианист. 28. Аксаков. 29. Нумизмат. 30. Орбита.

По вертикали:

1. Воркута. 2. Коваленко. 4. Эквилибристика. 5. Нечай. 6. Выпас. 7. Справедливость. 8. Космовидение. 9. Радиотелефон. 13. Зной. 15. Охра. 16. Тара. 18. Марс. 21. Натюрморт. 23. Шатун. 24. Старт. 26. Туамоту.

На первой странице обложки: Михаил Шпантарюк — председатель колхоза (см. в номере фотоочерк «Ответ на пять тысяч писем»).

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Орлята.

Фото Я. Рюмкина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00551. Подписано к печати 26/IX 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1615. Заказ № 2653.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Первые посетители.

Завтрак.

На одн

По секрету.

ЯШКА ОБИДЕЛСЯ

Детский сад фабрики выехал на лето в Подмосковье. Вместе с детьми приехал и их любимец — ослик Яшка. Каждая группа детей занимала отдельную дачу, и Яшка развозил термосы с пищей. Яшка точно знал время, когда его должны впрягать в тележку. Обычно он пасся в ближайшем лесочке. Незадолго до того, как надо было развозить термосы, он переставал щипать траву и внимательно следил за калиткой, откуда должен был появиться возница. Если Яшке казалось, что тот запаздывает, он подавал громкие позывные.

Яшка хорошо знал, у какой дачи ему надо остановиться, и ждал, пока снимут с тележки термос. В команде он не нуждался. На обратном пути он также останавливался у пустых термосов и ждал, пока их погрузят. И так трижды в день — утром, днем и вечером.

Прошел год. Детский сад выехал в те же места, но сменили одну дачу. Яшка же не хотел этого признавать. Яшка забастовал. Он остановился около пустой дачи и не тронулся до тех пор, пока не догадались снять с тележки один термос и оставить его у калитки. В это утро одна группа детей завтракала часом позже. Термос им привезли на тачке.

А в дальнейшем возница брал с собой один пустой термос и каждый раз оставлял его у той самой дачи, где жили дети в прошлом году. На обратном пути термос забирали.

Но самое интересное случилось через неделю. Яшка вдруг не захотел остановиться около злополучной дачи и, обычно медлительный, пробежал мимо нее галопом. Яшка понял, что его обманывали, и очень обиделся. Он ведь ни разу не видел за оградой своих друзей, не слышал их звонких голосов.

Почему говорят, что осел — глупое животное? Ничего подобного! По крайней мере этого нельзя сказать про Яшку.

Л. ШУМАН

Ромашки

Лев КОНДЫРЕВ

Когда весна снежинки на Карпатах
Лучами тронет бережно в тени,
Вблизи утесов, рыжих и горбатых,
В ромашки превращаются они.

Когда зима на ледяные пряжки
Застегивает горные леса,
В снежинки превращаются ромашки,
Метелью застилая небеса.

На космической высоте.

Фото читателей «Огонька»
В. Башкатова и А. Самеляка
Киев

ой скамейке

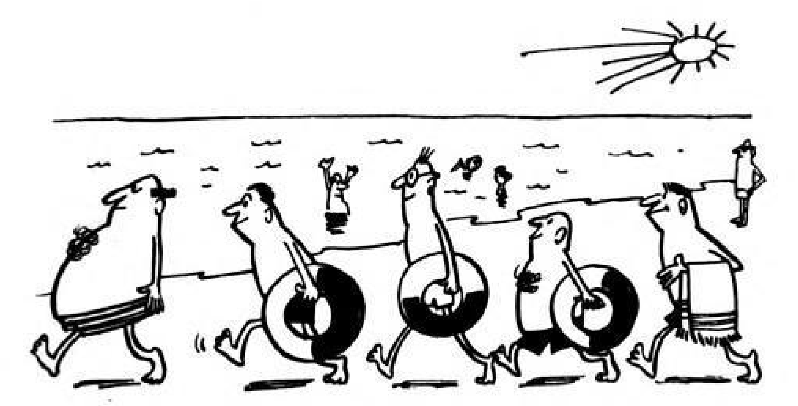

Нелегко быть дедом...

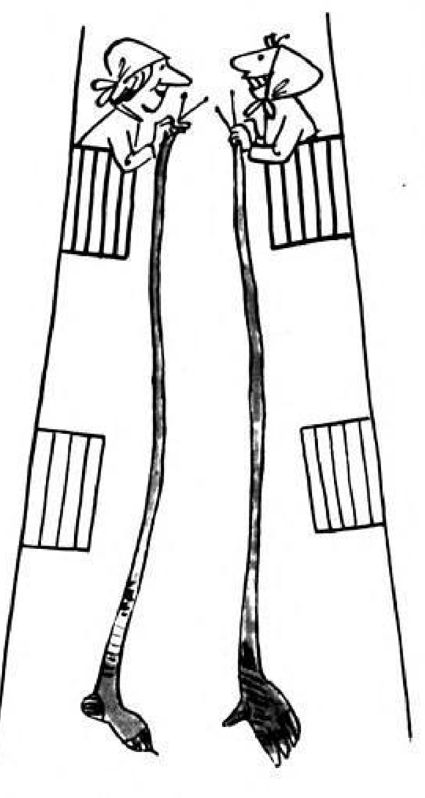

Лишний?..

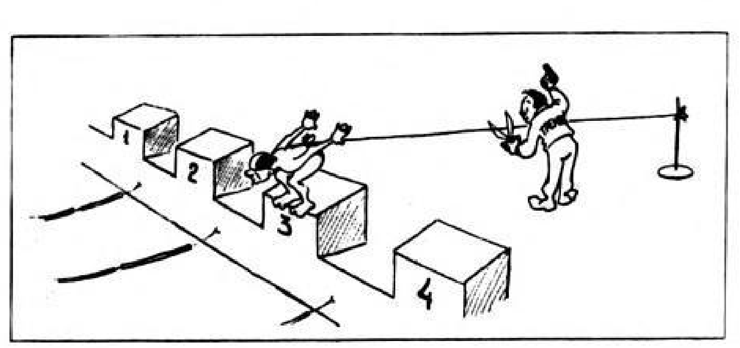

Иван Иванович идет купаться. Рисунок Р. Овивяна.

Разговорились.
Рисунок А. Грунина.

Отработка старта. Рисунок А. Шера.

— Итак, проснулся: жены нет, комната заперта.
Рисунок В. Воеводина.

Телевизор для склочников. Рисунок Вл. Гальбы.

Цена номера 30 коп.